

ЦЕНТР
СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

МОСКВА 2010

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.
М.: ЦСПИ; ИВ РАН, 2010, 190 стр.

Издание подготовлено при поддержке и участии
Фонда Розы Люксембург (ФРГ)

Руководители проекта	Виталий Наумкин Петер Линке
Ответственный редактор	И.Д. Звягельская
Редактор	Т.М. Мастюгина

Весной 2009 г в Москве состоялось очередное заседание рабочей группы по проблемам ближневосточного урегулирования, организованное ЦСПИ и Фондом Розы Люксембург. В настоящий сборник вошли статьи авторов, занимающихся данной проблематикой. Обсуждая многие аспекты ситуации на Ближнем Востоке, авторы демонстрируют различные подходы к проблемам разрешения конфликтных ситуаций и не во всем схожие точки зрения, которые могут представлять интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Опубликованные материалы отражают точки зрения их авторов, которые не обязательно совпадают с подходами руководителей проекта и редактора.

ISBN: 978-5-93660-082-1

© Центр стратегических и политических исследований, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ /**В.В. Наумкин**/5

А.Г. Бакланов

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ – ПРИЧИНЫ
СТАГНАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ МИРНОГО
ПРОЦЕССА7

А.В. Демченко

«ХИЗБ УТ-ТАХРИР» В ПАЛЕСТИНЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО
КОНФЛИКТА..... 16

И.Д. Звягельская

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ:
ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ..... 42

Т.А. Карасова

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПРОГРАММА НОВОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕТАНЬЯХУ 52

Т.В. Носенко

ПРИНЦИП ДВУХ ГОСУДАРСТВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ
ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА:
ВОЗМОЖНА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА? 65

Н.А. Семенченко

ВНЕПАРЛАМЕНТСКИЙ ЛЕВЫЙ ПРОТЕСТ В ИЗРАИЛЕ ПОСЛЕ
ВОЙНЫ 1967 г. 90

Алек Д. Эпштейн

США И ИЗРАИЛЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 120

Shlomo Brom

CAN WE GET THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS OUT OF ITS
PRESENT STAGNATION? 143

Abdel Nour

SYRIA'S ROLE IN THE PEACE PROCESS IN THE MIDDLE EAST.
IS SYRIA THE CENTER OF THE WORLD?..... 149

Mossi Raz

THE ROLE OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION
IN THE MIDDLE EAST. WHY SHOULD EUROPE AND RUSSIA
HAVE A ROLE IN THE MIDDLE EAST? 160

Elias Samo

ARAB-ISRAELI PEACE PLANS: A SYRIAN PERSPECTIVE 167

Dr. Arne C. Seifert

“UNION FOR THE MEDITERRANEAN” – A ZONE OF DOUBLE
SECURITY STANDARDS 181

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник статей по проблемам ближневосточного урегулирования является результатом обсуждений, проходивших в рамках рабочей группы по Ближнему Востоку, организованных Центром стратегических и политических исследований (Россия) в сотрудничестве с Фондом Розы Люксембург (ФРГ). Рабочая группа, которая включала представителей основных сторон, вовлеченных в ближневосточный конфликт, обеспечила свободное, заинтересованное и творческое обсуждение наиболее острых проблем, препятствующих достижению мира.

Диалог представлял собой по существу попытку организаторов открыть возможности для «параллельной дипломатии», предусматривающей выработку рекомендаций и предложений для участников ближневосточного квартета и региональных посредников.

Помимо статей, отражающих выступления непосредственных участников рабочей группы, в сборник было решено включить также несколько работ специалистов, по разным причинам не участвовавшим в обсуждениях, но известным своими оригинальными суждениями и подходами.

Разумеется, о Ближнем Востоке написано много, и, вероятно, ближневосточный конфликт еще долго не перестанет быть предметом пристального интереса политиков, ученых, журналистов. В сборнике представлены работы и тех, и других и третьих, что отличает его от привычных публикаций, так как позволяет увидеть одни и те же про-

блемы под разными углами зрения – взгляд на ситуацию с точки зрения политиков сочетается в нем с научным анализом и журналистским цепким вниманием к деталям и новостям.

Мы полагаем, что данная публикация будет полезна для всех, кто занимается проблемами Ближнего Востока, вырабатывает стратегию урегулирования и изучает происходящие процессы. Не все современные тенденции получили освещение в публикуемых статьях, но каждую из них отличает свой особый подход, оригинальная трактовка и выводы. Возможно, некоторые из них покажутся кому-то спорными. Именно в этом и заключалась одна из главных задач ЦСПИ и ФРЛ, давших старт обсуждениям вопросам ближневосточного урегулирования в рамках рабочей группы. Мы пытались возбудить снизившийся в последнее время интерес к ближневосточному конфликту, вызвать споры, нащупать возможности новых подходов, в которых так нуждаются все страны и народы Ближнего Востока.

Надеемся, что данная публикация положит начало регулярным изданиям материалов по вопросам ближневосточного урегулирования.

Директор Института востоковедения РАН
Президент ЦСПИ,
д.и.н., проф. В.В. Наумкин

А.Г. Бакланов

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ – ПРИЧИНЫ СТАГНАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ МИРНОГО ПРОЦЕССА

Российская дипломатия в настоящее время продвигает идею проведения в Москве новой встречи с участием всех стран, сопричастных к поискам мира на Ближнем Востоке, в целях «перезапуска» переговорного процесса. Другими словами, речь идет о том, чтобы повторить – теперь уже в новых условиях – то, что было осуществлено в Мадриде в 1991 г., почти двадцать лет назад.

В этом контексте правомерно поставить два ключевых вопроса, тесно связанных между собой:

1. В чем причины неудач и тупиков в ближневосточном урегулировании? Нельзя не признать тот факт, что стратегия и тактика действий, как расположенных здесь стран, так и международного сообщества в целом в ключевых блоках обеспечения безопасности в регионе, не приносит желаемых результатов;

2. Что конкретно можно было бы предложить для того, чтобы вывести, наконец, регион из перманентной напряженности и конфликтов?

Что касается первого вопроса, то на наш взгляд, основные причины незавершенности ближневосточного мирного процесса можно было бы охарактеризовать следующим образом.

Традиционно ключевым «конфликтным разломом» на Ближнем Востоке долгое время было принято считать

арабо-израильское противостояние. Однако на сегодняшний день положение дел в регионе значительно изменилось и существенно отличается от того, что было характерно для предшествующих десятилетий. Ситуация вокруг Ирана, война в Ираке, быстрое увеличение «конфликтного потенциала» на территории стратегического пространства Африканского Рога (Сомали, эфиопо-эритрейское противостояние), расположенного в непосредственной территориальной близости от Ближнего Востока, значительно осложняют условия, в которых происходят поиски «исторического компромисса» между Израилем и арабскими государствами. Так, анализ заявлений израильских политических и военных деятелей, отражающих «шкалу озабоченностей» в сфере национальной безопасности, свидетельствует о том, что «ядерные и ракетные амбиции» Тегерана волнуют израильтян не меньше, чем ситуация в Газе и на Западном берегу Иордана.

С учетом этого представляется необходимым по новому сформулировать повестку дня и список потенциальных участников «перезапуска» ближневосточного мирного процесса. Помимо арабо-израильского конфликта, на обсуждение должны быть вынесены такие вопросы, как «иранское досье», «иракское досье», обстановка, складывающаяся в сопредельных субрегионах (Красное море, Африканский Рог). Естественно, это значительно осложнит подготовку форума, «отяжелит» повестку дня. Однако иной путь – рассмотрение только арабо-израильских взаимоотношений – в отрыве от других «составляющих» региональной безопасности – теперь представляется заведомо «зауженным».

Итак, при подготовке новой встречи в Москве по вопросам ближневосточного урегулирования в первую очередь следует согласовать список участников, а также тематический и географический аспекты предстоящей

конференции. Весьма важным представляется взаимодействие на этом направлении между представителями Российской Федерации и европейских стран.

Другой новый аспект региональной ситуации состоит в необходимости устанавливать приемлемые отношения с руководством радикальных группировок, роль и влияние которых в последние годы растет. До сих пор усилия на этом направлении были недостаточными, в том числе вследствие вялости попыток, предпринимаемых на дипломатическом фронте, и отсутствия каких-либо позитивных результатов в поисках мирных развязок ближневосточного конфликта. Ряд таких группировок получил достаточно высокую степень легитимности в результате проведенных выборов. Наиболее важный пример этого рода – усиление политического веса и влияния ХАМАС.

Ясно, что Израиль за стол официальных переговоров с ХАМАС и подобного рода радикальными группировками не сядет.

Вместе с тем стороны конфликта, в том числе и израильтяне, постоянно выдвигают определенные требования к ХАМАС, Хизбалле и другим группировкам, тем самым признавая де-факто их значимую роль в происходящем. В этом контексте встает вопрос, в каких формах можно было бы обеспечить привлечение такого рода организаций к выработке компромиссных решений.

Представляется нереалистичным ставить вопрос о придании равного статуса участников будущих переговоров государствам региона и военно-политическим организациям радикального толка. В силу этого саму встречу можно было бы организовать в виде «двухъярусного» мероприятия.

Полноправные участники переговоров – государства и международные (региональные) организации должны были бы иметь возможность проведения работы по «тра-

диционным» схемам – пленарные заседания, заседания возможных проблемных групп и т.п. Что касается неправительственных организаций и объединений, в том числе военно-политических группировок, то они могли бы образовать своеобразный «нижний ярус» переговорного процесса в виде общественно-политических «кокусов», где выработывались бы подходы к обсуждаемым проблемам, которые будут рассматриваться в ходе заседаний полноправных участников встречи.

Другой вариант – применение так называемой «Родосской формулы» переговоров в отношении представителей радикальных группировок, готовых участвовать в мирном процессе. Использование этого варианта помогло бы избежать ситуаций, которые неприемлемы для израильтян, а также некоторых других регионалов. Вместе с тем, можно было бы «в режиме реального времени» узнавать реакцию весьма влиятельных сторон имеющихся конфликтных «сопряжений» на обсуждаемые предложения.

Естественно, такой порядок проведения конференции должен в предварительном плане быть согласован со всеми потенциальными участниками переговорного процесса.

Третий вопрос, требующий своего решения, – это подготовка концепции встречи и проектов документов, которые на ней могут быть приняты.

Приходится констатировать, что в настоящее время работа по этому ключевому – «субстантивному» – направлению практически не ведется. Прошло уже несколько лет после опубликования «Дорожной карты». Полностью потеряли свою актуальность временные параметры, указанные в этом документе. Вместе с тем, стало совершенно очевидным и то, что концепция, заложенная в «Дорожной карте», нуждается в коренном пересмотре и приведении ее в соответствие с реалиями сегодняшнего дня. На замену этому документу должен быть разработан

новый. Его названием могло бы стать: «Основные принципы ближневосточного урегулирования».

Чтобы ускорить период подготовки такого рода документа, следовало бы создать авторитетную независимую неправительственную группу экспертов, которая представила бы – в достаточно «продвинутом» виде – соответствующий проект документа на рассмотрение официальных делегаций сторон.

Параллельно потребовались бы значительные усилия по линии Совета Безопасности ООН. До сих пор международно-признанная нормативная база ближневосточного урегулирования по существу ограничивается лишь резолюциями 242 и 338, которые содержат сформулированные в самом общем виде ориентиры мирного процесса. Нельзя больше закрывать глаза на то, что эти документы были приняты в совсем другую эпоху, когда система региональных и международных координат коренным образом отличалась от сегодняшней. В основе мирного урегулирования должно лежать взаимоприемлемое решение проблем, связанных с надлежащим обеспечением озабоченностей в сфере безопасности всех сторон, вовлекаемых в мирный процесс.

В 1967 г. особую роль в подготовке проекта резолюции 242 сыграла британская дипломатия. Тогда ситуация характеризовалась наличием серьезных противоречий по линии двух супердержав и противостоящих военно-политических блоков. Теперь этот фактор ушел в прошлое. Имеются возможности выработки совместной российско-американо-европейской инициативы. Для этого следовало бы как можно «плотнее» загрузить «квартет», который в последние годы ведет себя откровенно вяло, безынициативно, в основном лишь реагируя на происходящие события. Важно было бы привлечь к его деятельности специалистов высокого уровня.

Вновь приходится говорить о том, что решающую роль в поиске компромиссов должны, безусловно, играть страны, прямо вовлеченные в конфликт. Сделать за них работу, связанную со сближением позиций сторон, не может никто. Однако фактом остается и то, что международные посредники не нашли пока «ключа» для перевода ближневосточного конфликта – во всех его основных «составляющих» – в стадию урегулирования.

В этом контексте следует также отметить, что в настоящее время слабо используются возможности так называемого «параллельного» переговорного направления, именуемого на английском языке «track two».

За два десятилетия, прошедших после Мадридской конференции, выявилось, что многие, казалось бы, достаточно логичные схемы и варианты развязок, на ближневосточном направлении не «срабатывают».

Так, далеко не в полной мере оправдались надежды на использование конфиденциальных каналов выработки решений. Соглашения «Осло-1», «Осло-2», может быть, действительно легче было разработать вдали от журналистов и давления различных общественно-политических сил. Однако в дальнейшем достигнутые договоренности «зависли», не находя поддержки среди мощных «центров силы» как в Израиле, так и в стане палестинцев и арабов в целом.

Этот урок следовало бы в полной мере усвоить и в дальнейшем делать ставку на официальные, открытые переговоры. Параллельно важно было бы добиться расширения возможностей для влияния на переговорный процесс со стороны представителей «лагеря мира» – и в Израиле, и в рядах палестинцев, арабов. Здесь имеется немало разнообразных ресурсов, которые можно было бы задействовать. Это, к примеру, межпартийные связи, контакты по линии научных и журналистских кругов и т.п.

Еще один важный момент.

«Формула» мирного процесса на Ближнем Востоке, согласованная в 1991 г. в испанской столице, предполагала сочетание пленарных заседаний конференции и двусторонних «треков». При этом ряд делегаций, в том числе советская, исходили из того, что пленарный формат имеет своего рода приоритет и именно в ходе пленарных заседаний будут утверждаться договоренности, достигнутые в результате прямых двусторонних контактов и переговоров.

В дальнейшем, однако, пленарные заседания «выдохлись», они перестали созываться. Развитие пошло по двусторонним трекам – с разной скоростью и с разными результатами. Итог – разбалансировка всего мирного процесса. При этом важно подчеркнуть, что было бы некорректно выдавать за «достижения» двустороннего формата переговоров подписание мирного договора между Израилем и Иорданией. Необходимо признать, что контакты между этими странами шли отнюдь не под эгидой Мадридского переговорного процесса, а сугубо в двустороннем плане.

В будущем, в случае возобновления ближневосточного мирного процесса, важно было бы восстановить значение пленарных заседаний.

Еще один урок прошедших лет – во многом изжил себя принцип «дробления» на этапы переговорного процесса (это относится, прежде всего, к палестино-израильскому треку). На какой-то период (старт переговорного марафона) использование этого метода ведения дел имело смысл, так как помогало «усадить» стороны за стол переговоров. Так, в период подготовки Мадридской конференции в 1991 г. при формулировании задач мирного процесса на палестино-израильском направлении было решено передвинуть на второй этап переговоров наиболее трудно разрешимые проблемы (беженцы, будущее Иерусалима,

окончательный статус палестинских территорий и т.п.) Однако постоянное переключивание «на потом» принципиальных вопросов ближневосточного урегулирования давало радикалам повод утверждать, что мирный процесс «в силу своей природы» и «истинных намерений сторон» якобы не может привести к решению коренных проблем урегулирования, что он лишь «имитирует» движение к миру. И в среде палестинцев, и в лагере израильтян в настоящее время раздаются голоса, требующие разъяснить, в каком направлении идет мирный процесс. В виду такого положения все больше стала ощущаться потребность внести определенность в параметры конечных договоренностей.

Все эти обстоятельства необходимо учесть при определении модальностей «перезапуска» мадридского мирного процесса – теперь уже в качественно новом – «московском» формате.

Какими видятся пути подвода к новой международной конференции по Ближнему Востоку?

Прежде всего, следует сформировать своего рода «инициативную группу» по перезапуску мирного процесса.

«Четверка» международных посредников вряд ли сможет осилить эту задачу. Ее усилия должны быть дополнены региональным элементом. Это могли бы быть такие страны, как Египет (крупнейшая страна арабского мира, «пионер» мирных переговоров с Израилем), Саудовская Аравия (автор «арабской мирной инициативы» 2002 г., возможный ведущий донор мероприятий по установлению мира в регионе), Иордания (страна, имеющая длительный и в целом успешный опыт контактов с израильтянами).

«Инициативная группа» могла бы взять на себя ответственность за подготовку повестки дня и субстантивных документов для будущей конференции.

Параллельно стоило бы «запустить» механизм широкого общественно-политического диалога с участием

представителей стран противостояния. Цель – создание более благоприятного политико-психологического климата для организации переговорного процесса и достижения итоговых договоренностей, а также участие в разработке документов, которые будут положены в основу решений конференции.

Важно было бы предпринять еще одну попытку реанимировать многосторонний процесс в виде деятельности по меньшей мере четырех рабочих групп – по контролю за вооружениями и региональной безопасности, по водным ресурсам, по беженцам, по экономическим вопросам.

Особое значение имеют факторы политико-психологического характера. Необходимо формировать общественное мнение в странах региона в пользу быстреего нахождения компромиссов в урегулировании и перехода к строительству нового, мирного и стабильного Ближнего Востока. Расположенные здесь страны исторически отнюдь не относились к группе наименее развитых государств. Однако фактом остается то, что в последние десятилетия этот благодатный – с точки зрения своего потенциала – район мира развивается значительно менее динамично, чем, к примеру, район Юго-Восточной Азии, АТР, где появились новые мощные индустриальные государства и кардинально изменились условия жизни основной части населения входящих в него стран.

Переломить негативные экономические тенденции на Ближнем Востоке можно будет только в условиях установления мира в регионе. Осознание этого – мощный фактор, способствующий успеху реализации планов возобновления переговорного процесса с целью создания стабильной системы региональной безопасности.

А.В. Демченко

«ХИЗБ УТ-ТАХРИР» В ПАЛЕСТИНЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

В начале XXI в. трансформация палестино-израильского конфликта, характеризующаяся ростом роли исламского фактора, а также нарастанием отчаяния в массах и процессом радикализации, обуславливает возникновение новых игроков в политическом пространстве Палестины. В последние 3–4 года на палестинских территориях укрепилась «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Исламий»), деятельность которой становится все более заметной, хотя о ее внутренней структуре и лидерах известно не многое.

Предпосылки для роста популярности организации, призывающей к восстановлению исламского халифата, стали закладываться еще в 1990-е гг., а благоприятные условия для ее развития сформировались именно в последние годы. Палестино-израильский мирный процесс, приведший к образованию Палестинской национальной администрации (или Палестинской автономии) в 1994 г., и интифада аль-Акса, начавшаяся в сентябре 2000 г., не решили вопросы национального самоопределения палестинского народа, создания его независимого государства и разрешения палестино-израильского конфликта. Жесткие меры, предпринятые Израилем в ответ на вторую интифаду, в особенности строительство раздели-

тельного барьера, проходящего по оккупированным палестинским территориям Западного берега р. Иордан, привели к тому, что восстание в 2004 г. выдохлось. В ноябре того же года скончался лидер Палестинского движения сопротивления (ПДС) и Движения за освобождение Палестины (ФАТХ) Ясир Арафат. С уходом такой значительной политической фигуры обострился кризис, переживаемый Палестинской автономией. Избранный в январе 2005 г. на пост ее президента соратник Я. Арафата Махмуд Аббас, хоть и является опытным политиком, но не обладает харизмой предшественника, позволявшей тому уравнивать неудачи и неэффективность ФАТХ. Новому президенту не удалось добиться улучшения социально-экономических показателей в Палестине, ослабить израильский оккупационный режим, провести реформы в сфере управления автономией, искоренить коррупцию и т.п. Таким образом, обещания ФАТХ и ожидания палестинцев, как во внутренней, так и во внешней политике, оказались нереализованными.

Главный конкурент ФАТХ из числа палестинских организаций – Движение исламского освобождения (ХАМАС), с конца 1980-х гг. принимавшее активное участие в противостоянии с Израилем, в общественно-политической и социально-экономической жизни автономии, во время правления Я. Арафата воздерживалось от участия в работе официальных органов власти, считая их частью оккупационной политики Израиля. В 2004–2005 гг. ХАМАС получило возможность стать политической силой, равной по влиянию ФАТХ. Уход из жизни Я. Арафата ослабил светские организации, а эвакуация еврейских поселений и вывод израильских войск из сектора Газа в августе 2005 г. в глазах многих палестинцев выглядели как результат оправдавшей себя вооруженной борьбы ХАМАС против оккупации. В сочетании с отсутствием успехов в деятельно-

сти администрации М. Аббаса эти факторы обеспечили победу ХАМАС на выборах в Палестинское законодательное собрание в январе 2006 г.

В последующие полтора года Палестинская автономия переживала глубокий внутривнутриполитический и социально-экономический кризис. Неспособность ФАТХ и ХАМАС достичь компромиссов по вопросам раздела власти, политики в отношении Израиля, взаимных уступок, а также нежелание ХАМАС принять требования международного сообщества относительно признания достигнутых ранее палестино-израильских мирных договоренностей и отхода от вооруженной борьбы – в итоге вылились в кровопролитные столкновения в секторе Газа в мае–июне 2007 г. Победу в них одержали исламисты, создавшие на территории анклава альтернативное палестинское правительство.

Сохранившее власть над Западным берегом движение ФАТХ в конце 2007–2008 гг. попыталось достичь мирного урегулирования с израильским правительством Эхуда Ольмерта, представлявшим центристскую партию Кадима, но мирные переговоры не увенчались успехом из-за слабости обеих сторон и неготовности к уступкам.

10 февраля 2009 г. в Израиле состоялись парламентские выборы, по итогам которых председатель правой партии Ликуд Биньямин Нетаньяху сформировал правительство, которое приступило к работе 1 апреля. С приходом к власти в Израиле политиков правого лагеря мирный процесс прекратился. Новый израильский премьер-министр поставил во главу угла обеспечение безопасности страны. Вместо территориальных уступок палестинцам и создания независимого палестинского государства Б. Нетаньяху предложил сосредоточиться на борьбе с терроризмом и создании жизнеспособной палестинской экономики.

Таким образом, в последние годы значительное число палестинцев оказалось разочаровано как в ФАТХ, так и в ХАМАС, которые не смогли ни достичь согласия в вопросах совместного управления Палестинской автономией, ни урегулировать конфликт с Израилем, ни создать независимое государство. Некоторые палестинцы приходят к мысли, что в настоящее время эти организации не обладают достаточными силами и возможностями для решения палестинской проблемы как через переговоры с Израилем (позиция ФАТХ), так и путем вооруженной борьбы в сочетании с переговорами (позиция ХАМАС). Более того, в глазах многих палестинцев арабский мир и правящие на Ближнем Востоке светские режимы, сотрудничающие с Западом, также не способны существенно помочь им в достижении поставленных целей. В итоге в Палестине возникла благоприятная ситуация для деятельности международных исламистских организаций.

Тупик, в который зашел мирный процесс, и кризис в ПДС заставляет палестинцев, как это неоднократно происходило на протяжении всей истории конфликта с Израилем, искать все новые способы решения проблем. Это привело к росту популярности радикального исламизма и «Хизб ут-Тахрир». Организация была создана на Западном берегу р. Иордан, входившем в состав Иордании до 1967 г., в результате раскола иорданских «Братьев-мусульман» в 1953 г. В 1956 г. «партия» была запрещена, так как она, в отличие от «братьев», не была настроена на сотрудничество с иорданскими властями, отрицала легитимность иорданской монархии и призывала к созданию объединенного исламского государства.

В конце XX в. «Хизб ут-Тахрир» пережила возрождение, распространившись в более чем 40 государствах, в которых проживают последователи ислама – от Австралии, Юго-Восточной и Центральной Азии до Северной

Африки, Западной Европы и США. После смерти основателя партии Таки ад-Дина ан-Набхани главой организации стал гражданин Иордании и палестинец по происхождению Абдель Кадим Заллум, а в 2003 г. его сменил иорданский палестинец Ата Абу Ришта.

Идеологическая платформа этой организации предусматривает необходимость восстановления исламского халифата, который существовал с VII в. до 1924 г., когда был ликвидирован турецким лидером Мустафой Кемалем (Ататюрком), и освобождение мусульманской уммы от иностранного влияния во всех областях (политической, социально-экономической, культурной). Также «Хизб ут-Тахрир» призывает к строгому следованию шариату во всех сферах жизни государства, общества и отдельной личности. Воссоздание халифата, по мнению идеологов организации, возможно благодаря ведению пропагандистской работы – исламского призыва (да'ава), преобразованию общества и смене «неправедных» правителей. Одной из обязанностей будущего халифа станет распространение ислама путем миссионерской деятельности и ведения священной войны против неверных (джихада).

С точки зрения «Хизб ут-Тахрир», в настоящее время ни одна из стран мусульманского мира не является истинно исламским государством, что относится и к ПНА. Таким образом, Палестинская автономия рассматривается как «безбожный режим», а участие в президентских и парламентских выборах в автономии, по мнению организации, недопустимо.

Идеологическая деятельность «Хизб ут-Тахрир» в Палестине сходна с ее работой в других странах. Проповедники воздерживаются от призывов к вооруженной борьбе, делая акцент, прежде всего, на «внутреннем джихаде», так как важнейшим направлением для организации является именно преобразование общества, что, в свою оче-

редь, создаст условия для воссоздания халифата. «Обычно они (палестинские салафиты) говорят о важности религии, о том, чтобы быть религиозным, о святых и благородных принципах и необходимости придерживаться их. Они часто подчеркивают, что ислам – это правильная религия, и что хороший мусульманин должен посещать мечеть и молиться пять раз в день. Они носят традиционную длинную одежду и бороды. Их последователи, известные как салафиты сектора Газа, не обсуждают политические проблемы и вопросы перемирия с Израилем»¹, – пишет израильская газета «Хаарец».

Активисты «Хизб ут-Тахрир» в Палестине в своем религиозно-политическом дискурсе указывают, что палестинская проблема является одной из многих, стоящих перед исламским миром, и для ее решения необходимы консолидированные усилия мусульманской уммы, а палестинцы собственными силами не способны уничтожить Израиль. В результате процесс исламистской индоктринации палестинского общества представляется идеологам этих организаций как часть глобальной работы, направленной на достижение победы «истинного ислама» и воссоздание халифата.

«Хизб ут-Тахрир» напоминает, что Палестина была завоевана мусульманами во время правления халифа Умара (634–644), и, как утверждают ее руководители, «власть мусульман в Палестине укрепилась настолько, что евреям не позволялось селиться на этой благословенной земле... и так было на протяжении веков». Когда кто-либо пытался завоевать Палестину, то мусульмане изгоняли захватчиков, как это было сделано Салах ад-Дином в XII в. С точки зрения «Хизб ут-Тахрир», последний достойный мусульманский правитель, турецкий султан и ха-

¹ *Haaretz*. 30.06.2008.

лиф Абдул Хамид (1876–1909), «защищал эту землю от попыток оккупации [основателем сионистского движения Теодором] Герцлем и его бандой». Проповедники «Хизб ут-Тахрир» вселяют надежду в своих слушателей, что на исторической арене вновь появится сильная личность, «будет воссоздан халифат, и вся [палестинская] земля будет избавлена от еврейской оккупации и присоединена к исламскому государству»².

При этом члены «Хизб ут-Тахрир» считают, что джихад возможен только если под военной угрозой окажется истинное исламское государство, но так как в настоящее время ни одна из стран мусульманского мира не соответствует строгим критериям идеологов организации, и тем более не создан халифат, объединяющий весь исламский мир, то «партия» не должна участвовать в вооруженной борьбе.

В условиях многолетнего внутривосточного и социально-экономического кризиса и отсутствия перспектив улучшения ситуации для большинства палестинцев первоочередной задачей является выработка стратегий выживания. Люди ощущают внутреннюю необходимость осмыслить ситуацию, в которую попал их народ, на время отойти от активной деятельности. В этой ситуации религия становится особенно востребованной в палестинском обществе. Настроения части палестинцев совпадают с идеологией «Хизб ут-Тахрир», которая не призывает к немедленному джихаду, а сосредотачивается на религиозной работе, отодвигая решение политических проблем на неопределенное будущее и увязывая его с глобальными переменами в мусульманской умме. Организация, нацеленная на построение в будущем халифата и справедливого

² International Ulema Khilafah conference. Closing Speech. 21st July, 2009 C.E. – www.khilafah.com. 13.08.2009.

общества, дает палестинцам необходимую психологическую «разгрузку», указывает им хоть и далекие, но незыблемые и четкие ориентиры всеобъемлющего характера.

Социальная база «партии» и география ее сторонников в Палестине с ростом ее популярности в последние годы начала расширяться. Как пишет палестинский аналитик Омран Ришк, вначале она ограничивалась мелкими и средними предпринимателями, многие из которых проживают в Хевроне и его окрестностях (традиционно наиболее консервативной части Палестины) или являются выходцами из этого района. Сейчас ряды сторонников халифата пополняются бедняками, фермерами. Также в организации есть люди пожилого и среднего возраста, молодежь³.

Так как «Хизб ут-Тахрир» официально отрицает насилие, израильские и палестинские власти до недавнего времени не воспринимали ее как серьезную угрозу, так как «партия» не имела популярности среди палестинцев, а ФАТХ было занято противостоянием с ХАМАС и «Исламским джихадом». По мнению журналиста палестинской газеты «Аль-Айям» Халилия Шахина, палестинские власти намеренно не оказывали давления на организацию, надеясь, что ее деятельность будет препятствовать объединению исламистски настроенных палестинцев под знаменами ХАМАС⁴.

Организация громко заявила о себе после распада Палестинской автономии в июне 2007 г. «Они приняли решение выйти из укрытия. Фактически, они сделали это для того, чтобы побороться за власть в условиях полити-

³ Rishq Omran. Hizb al-Tahrir Flourishes Where Hope Withers // Arab Reform Bulletin, July, 2008. Carnegie Endowment for International Peace. – www.carnegieendowment.org/arb/?fa=show&article=20462

⁴ Kenyon P. Rise of Islamist Group Stokes Unease in West Bank // National Public Radio. 07.07.2009.

ческого вакуума», – отмечает израильский журналист Эхуд Яари⁵. «Хизб ут-Тахрир» организовала ряд многотысячных митингов на Западном берегу с осуждением вооруженных столкновений между ФАТХ и ХАМАС и выступила против мирного урегулирования с Израилем. Эти митинги были приурочены к очередной годовщине ликвидации исламского халифата.

В шестивии в столице Палестинской автономии Рамалле 11 августа, по разным оценкам, приняли участие от 10 до 20 тыс. палестинцев. Впервые за многие годы появился на публике на этом собрании Ата Абу Ришта, с 1998 г. живший в подполье. В то же время «Хизб ут-Тахрир» организовала демонстрации в других мусульманских странах, где ее последователи достаточно многочисленны и нет жесткого давления со стороны властей. Так, митинг в Джакарте в Индонезии собрал от 80 до 100 тыс. человек⁶.

В поселении Саир к северу от Хеврона на Западном берегу в сентябре 2007 г. прошел еще один митинг «Хизб ут-Тахрир». Французская газета «Libération» приводит слова палестинского чиновника – сторонника халифатистов: «Тысячи палестинцев присоединились к нам в этом году, главным образом молодежь. Они сыты по горло демократией и ее коррупцией, неверными из Палестинской автономии и распрями ФАТХ и ХАМАС. Им нужен халифат»⁷. Один из организаторов собрания, 22-летний палестинец по имени Имад, также точно определил причину всплеска популярности организации. «“Хизб ут-Тахрир” – лучшая партия, потому что только она стремится объединить мусульманский мир и вернуть мусульманам гор-

⁵ Libération. 05.11.2007. (Перевод www.inopressa.ru).

⁶ The Christian Science Monitor. 22.01.2008.

⁷ Libération. 05.11.2007. (Перевод www.inopressa.ru).

дость. Ее члены, по крайней мере, не убивают других палестинцев, как ФАТХ и ХАМАС»⁸, – объяснил молодой человек.

Резкая и публичная активизация «Хизб ут-Тахрир» летом 2007 г. вызвала опасения ФАТХ, тем более что после событий в секторе Газа движение склонно в любой исламистской организации видеть угрозу своей власти. Когда халифатисты на Западном берегу в ноябре 2007 г. вывели своих сторонников на демонстрации, протестуя против мирной конференции с Израилем в Аннаполисе при посредничестве президента США Дж. Буша, последовали репрессивные действия со стороны верных М. Аббасу силовых структур. При разгоне митинга был убит один из активистов «Хизб ут-Тахрир» Хишам аль-Баради. Халифатисты объявили погибшего мучеником, убитым коллаборационистами, а плакаты с его изображением стали распространяться по Палестинской автономии.

После этого инцидента критика ФАТХ усилилась. Пресс-секретарь «Хизб ут-Тахрир» в Хевроне Махер аль-Джабари заявил, что не может быть и речи о переговорах с Израилем при посредничестве США. «Махмуд Аббас – это друг Буша, и он нелегитимен. Аббас не представляет Палестину или палестинцев», – подчеркнул аль-Джабари⁹. Во время визита американского президента в Рамаллу 10 января 2008 г., предпринятого с целью придать импульс палестино-израильскому диалогу, «Хизб ут-Тахрир» распространяла листовки с критикой мирных переговоров и снова попыталась вывести людей на улицы, но палестинские силовые структуры действовали решительно и арестовали около 30 халифатистов¹⁰.

⁸ Ibid.

⁹ *The Christian Science Monitor*. 22.01.2008.

¹⁰ Ibid.

В конце июля – начале августа 2008 г. «Хизб ут-Тахрир» в очередной раз организовала серию мероприятий на Западном берегу и в секторе Газа в связи с очередной годовщиной ликвидации халифата под лозунгом «О, мусульмане! Да здравствует халифат!». Однако на Западном берегу силы безопасности ФАТХ смогли пресечь почти все демонстрации и намечавшиеся конференции, арестовав десятки сторонников организации (общее количество демонстрантов не превышало, по данным властей, 200–300 человек).

Так, 29 июля в Хевроне было сорвано проведение женской конференции «Хизб ут-Тахрир». По словам М. аль-Джабари, палестинскими силовиками был заблокирован вход в здание, где намечалось проведение конференции, и тогда женщины вышли на улицы и присоединились к мужской демонстрации сторонников организации. Полиция попыталась рассеять толпу, в результате чего произошли столкновения и около 20 активистов «Хизб ут-Тахрир» были арестованы. В интервью палестинскому информационному агентству «Маан» глава палестинских сил безопасности в Хевронском районе Сами ас-Сейфи заявил, что акции «Хизб ут-Тахрир» нацелены на создание напряженности в обществе и учитывают обеспокоенность палестинцев на Западном берегу положением в секторе Газа¹¹, который находится в израильской блокаде.

Планировавшиеся на следующие дни мероприятия «Хизб ут-Тахрир» в Дженине и Вифлееме были также пресечены палестинскими силами безопасности, которые перекрыли въезды в города и не допустили проникновения сторонников организации, а также заранее окружили места проведения демонстраций. В ответ

¹¹ *Palestinian security services prevent Hizb Ut-Tahrir event in Hebron // Maan News Agency*. 29.07.2008.

«Хизб ут-Тахрир» заявила, что она не намерена прекращать акции на Западном берегу и будет продолжать вести в мечетях пропаганду идеи восстановления халифата. Организация подчеркнула, что она является «религиозной партией», а не политической¹². Вслед за этим «Хизб ут-Тахрир» попыталась провести митинги в Тулькарме и Рамалле, но, в результате предпринятых властями мер, они оказались малочисленными (например, в демонстрации в Тулькарме приняли участие 50 человек, из них 20 были арестованы). Всего, по данным «Хизб ут-Тахрир», на Западном берегу властями было арестовано 77 человек¹³. Интернет-сайт организации, подводя итоги августовских событий и комментируя действия верных М. Аббасу силовых структур, писал, что «тираническое руководство Палестинской администрации зверски подавило некоторые из акций, не остановившись перед применением силы в отношении протестовавших женщин»¹⁴.

В то же время в секторе Газа «Хизб ут-Тахрир» не встретила препятствий со стороны ХАМАС и смогла провести намеченные мероприятия. Выступая на одном из митингов, представитель «Хизб ут-Тахрир» доктор Хасан Хамуда призвал все национальные, исламские и другие политические партии и весь исламский мир восстановить халифат¹⁵. Египетская англоязычная газета «The Middle East Times» отмечала, что

¹² Hizb Ut-Tahrir events closed down by PA security forces // *Maan News Agency*. 01.08.2008.

¹³ Hizb Ut-Tahrir rallies quashed in Tulkarem and Ramallah, go ahead in Gaza // *Maan News Agency*. 01.08.2008.

¹⁴ Hizb ut-Tahrir Demonstrations in Palestine // www.khilafah.com. 07.08.2008.

¹⁵ Hizb Ut-Tahrir rallies quashed in Tulkarem and Ramallah go ahead in Gaza // *Maan News Agency*. 01.08.2008.

в демонстрации приняли участие около 3 тыс. человек и что ХАМАС позволяет движению действовать на своей территории¹⁶.

Таким образом, мероприятия «Хизб ут-Тахрир» в 2008 г. по случаю годовщины ликвидации халифата были менее многочисленными по числу участников, чем предыдущие акции организации. Неудачи исламистов объясняются рядом причин. Во-первых, количество сторонников организации в Палестине невелико. Тот факт, что «Хизб ут-Тахрир» приходилось перевозить своих активистов на Западном берегу на митинги из одного города в другой, говорит о том, что число ее наиболее активных последователей насчитывает 200–300 человек. В 2007 г. массовость мероприятий «Хизб ут-Тахрир» объяснялась еще и тем, что многие палестинцы вышли на митинги, не будучи сторонниками исламистов, а протестуя против анархии и раскола в Палестинской автономии и начала М. Аббасом сепаратных мирных переговоров с Израилем в Аннаполисе, тогда как в 2008 г. активное силовое противодействие палестинских сил безопасности на Западном берегу (впрочем, это имело место и ранее) воспрепятствовало менее активным сторонникам «Хизб ут-Тахрир» принять участие в мероприятиях – видя решительность и жесткость палестинских властей, они предпочли не выходить на улицу.

Различие в отношении ХАМАС и ФАТХ к активности «Хизб ут-Тахрир» на подконтрольных им территориях объясняется тем, что ХАМАС находится в достаточно уязвимом положении, имея в числе государств, которые оказывают ему существенную поддержку на протяжении последних лет израильской блокады сектора Газа, только Иран и Сирию. В связи с этим для ХАМАС чрезвычайно

¹⁶ *The Middle East Times*. 04.08.2008.

важно сохранять симпатии «исламской улицы», а разгон хамасовцами демонстраций «Хизб ут-Тахрир» мог бы привести к непониманию со стороны рядовых политизированных мусульман не только в странах Востока, но и на Западе, где позиции халифатистов достаточно сильны. ХАМАС, в отличие от ФАТХ, понимает, что репрессии против «Хизб ут-Тахрир» вызовут реакцию исламистов за пределами Палестины, и это негативно скажется на авторитете и, возможно, финансовой поддержке движения. Однако «Хизб ут-Тахрир» со своей идеологией ненасилия и отрицания принципа национального государства явно оппонирует воинственному исламистскому и при этом глубоко национальному палестинскому движению ХАМАС, что вызывает его беспокойство, заставляет видеть в организации конкурента в религиозно-политической борьбе за влияние на палестинцев.

Что касается жесткости действий администрации М. Аббаса на Западном берегу в отношении «Хизб ут-Тахрир», то они объясняются тем, что ФАТХ стремится сохранить контроль над этой территорией и старается не допустить активности каких-либо оппозиционных исламистских организаций. При этом то, что «Хизб ут-Тахрир» не участвует в вооруженной борьбе против Израиля и не ставит целью вхождение в органы власти автономии, не призывает к насильственному свержению палестинских властей, определяет тактику палестинских спецслужб по отношению к организации. Можно предположить, что они стремятся иметь информацию об активности движения на Западном берегу, пресекать наиболее громкие акции, в ходе которых возможна критика официальных властей за сотрудничество с Израилем и Западом. Однако в настоящее время не наблюдается жестких репрессий и постоянных арестов по отношению к «Хизб ут-Тахрир», как это имеет место в случае со сторонниками ХАМАС на За-

падном берегу. Кроме того, положение ФАТХ недостаточно стабильно, оно уже не пользуется непререкаемым авторитетом. В этих условиях аресты законопослушных и праведных мусульман из «Хизб ут-Тахрир» не добавляют ему привлекательности.

В последующие месяцы 2008 г. «Хизб ут-Тахрир» воздерживалась от проведения каких-либо мероприятий. Ситуация в палестино-израильских отношениях оставалась относительно стабильной. ХАМАС и другие организации в секторе Газа в целом соблюдали шестимесячное перемирие с Израилем, заключенное 19 июня 2008 г. при посредничестве Египта. Также не было никаких признаков прорыва в палестино-израильских переговорах между правительствами М. Аббаса и Э. Ольмерта.

«Хизб ут-Тахрир» вновь проявила себя с началом израильской военной операции «Литой свинец» в секторе Газа 27 декабря 2008 г. – 19 января 2009 г., сосредоточившись на пропагандистской работе. На информационном сайте организации 28 декабря 2008 г., на второй день после начала израильской операции, было опубликовано заявление под названием «Мобилизация армий на борьбу – единственная обязанность правителей в ответ на резню в Газе. Иначе они предадут Аллаха, его Пророка и правоверных»¹⁷. В нем «Хизб ут-Тахрир» обвинила арабских правителей в предательском невмешательстве в военный конфликт: «Эти правители совершили великий грех, когда они сначала сделали палестинскую проблему не исламской, а арабской, а затем палестинской. Сейчас они стоят как нейтральные наблюдатели, и даже более того – как наблюдатели, связанные с врагом». «Хизб ут-Тахрир»

¹⁷ Hizb-ut Tahrir. Mobilizing the armies to fight is the only duty of the rulers in response to the massacre of Gaza. Otherwise they betray Allah, His Messenger, and the Believers // www.hizb-ut-tahrir.info. 28.12.2008.

указала, что арабские режимы ведут политический диалог с Израилем и мировым сообществом, а также участвуют в международной торгово-экономической и гуманитарной блокаде сектора Газа. «Необходимый ответ [израильской агрессии] известен. Он не подразумевает проведение встреч и обсуждений и попытки добиться принятия [антиизраильской] резолюции [в Совете Безопасности ООН] от государств, которые создали и поддерживали еврейское государство. Настоящий, единственный ответ – это мобилизовать арабские армии для борьбы и собрать всех годных к службе. Вот единственный ответ», – говорилось в документе. Также в своем заявлении «Хизб ут-Тахрир» обратилась к населению мусульманских стран и к военно-служащим: «О, мусульмане! Опасайтесь правителей, вводящих вас в заблуждение таким образом, чтобы вы думали, что достаточно проведения демонстраций протеста и пикетирований, которые они [власти] позволяют. Этого совсем не достаточно. Вы должны всеми своими силами вынудить правителей мобилизовать армии на борьбу. О, солдаты! Разве вы не желаете одной из двух великих вещей [мученичества или победы]? До какой степени убийство ваших братьев должно дойти, пока вы остаетесь в своих казармах? Разве правитель, который продал свою религию... способен удержать вас от помощи своим братьям?».

4 января было опубликовано новое заявление «Хизб ут-Тахрир» – «Израильская резня в Газе несомненно доказывает, что мусульманские правители-предатели должны быть устранены»¹⁸. В нем как важное достижение было отмечено, что мусульмане по всему миру выступили против израильской операции как единая умма,

¹⁸ Israel's massacre in Gaza proves beyond doubt that the treacherous Muslim rulers must be removed // www.khilafah.com. 04.01.2009.

которую сплотила война, начатая США против исламского мира после 11 сентября 2001 г., а у правителей мусульманских государств на самом деле нет ничего общего с их подданными и мусульманской общиной. Решение палестинского вопроса путем создания независимого государства, что предлагает Запад и с чем соглашаются арабские лидеры, неприемлемо, так как превратит палестинские территории в израильскую тюрьму для мусульман, отмечается в заявлении.

В качестве еще одного из решений палестинской проблемы «Хизб ут-Тахрир» в другом документе, опубликованном также 4 января, предложила введение тотальной блокады против Израиля. Однако, по мнению исламистов, и на пути реализации этого проекта стоят лидеры мусульманских стран, сотрудничающие с Израилем и Западом. При этом отмечается, что устранить их путем выборов не представляется возможным, ибо, как показала практика, они манипулируют избирательным процессом. Военный переворот также неприемлем, так как из опыта прошлого понятно, что он приведет к дестабилизации и отбросит умму назад. В качестве решения «Хизб ут-Тахрир» предложила прислушаться к словам Пророка Мухаммада, который, согласно одному из хадисов, сказал: «Смотри! Имам – это щит, с помощью которого люди сражаются и которым они защищают себя», намекая, что нынешние мусульманские лидеры не достойны своей уммы и не выполняют возложенных на них обязанностей, и существующие режимы нужно (организация не уточняет каким образом!) заменить исламской формой правления.

В статье «Уроки трагедии Газы», опубликованной в Интернете 5 февраля 2009 г.¹⁹, повторяется, что для того

¹⁹ Lessons from the Tragedy of Gaza // www.khilafah.com. 05.02.2009.

чтобы освободить Палестину, мусульманская умма должна устранить коррумпированных правителей. Для этого нужно строго следовать исламской идеологии, крепить мусульманское братство, добиваться единства, решать проблемы общины только в соответствии с исламским вероучением, а не международными нормами, искать поддержки влиятельных и облеченных властью людей в исламском мире, а это, в свою очередь, создаст условия для прихода на смену существующим режимам праведного халифата.

Во время очередной годовщины ликвидации халифата «Хизб ут-Тахрир» в июле 2009 г. провела мероприятия на Западном берегу. Повторить успех 2007 г. организации опять не удалось. Власти Палестинской автономии арестовали десятки сторонников «партии», предотвратили проведение конференции в Рамалле, намеченной на 4 июля, перекрыв заблаговременно все въезды в город и превратив его, по выражению халифатистов, «в военную базу»²⁰.

«Хизб ут-Тахрир» 11 июля удалось провести семинар на стадионе в деревне Хусан около Вифлеема под лозунгом «Где же те, кто будет восстанавливать халифат?», на котором, по данным самой организации, присутствовало около тысячи человек²¹. Самой громкой акцией халифатистов стал митинг на Храмовой горе в Иерусалиме 17 июля во время пятничной молитвы. На площади перед мечетью Куббат ас-Сахра проповедник «Хизб ут-Тахрир» с микрофоном в руках призывал собравшуюся толпу к восстановлению халифата, а на самом здании был вывешен ана-

²⁰ Palestinian Authority prevents HT's Conference and arrests hundreds in servitude to Islam's enemies // www.hizb-ut-tahrir.info. 04.07.2009.

²¹ Hizb ut-Tahrir held a symposium in the District of Husan, Palestine to mark the destruction of the Khilafah by Mustafa Kemal // www.hizb-ut-tahrir.info. 11.07.2009.

логичный по содержанию транспарант²². В секторе Газа в лагере беженцев Аль-Бурейдж 20 июля прошло такое же мероприятие²³.

Наиболее характерной чертой работы организации в 2009 г. стало то, что если в предыдущие годы основная критика «Хизб ут-Тахрир» была направлена против ФАТХ, то теперь она открыто выступила против ХАМАС. В листовке под названием «Режим ХАМАС повторяет режим ФАТХ в каждом своем действии» от 26 июня 2009 г. было сказано, что время доказало ошибочность курса ФАТХ, не принесшего никаких положительных результатов для палестинцев. «Режим ФАТХ, – подчеркивалось в обращении, – после долгих лет переговоров и унижительных компромиссов ничего не добился, а оккупация продолжается, и даже его глава [М. Аббас] не может ездить [по территории Палестины и за ее пределы] без позволения еврейского государства!»²⁴.

По мнению руководства «партии», ХАМАС стало проводить ту же политику, что и ФАТХ. «Хизб ут-Тахрир» утверждает, что ХАМАС реализует аналогичный курс, так как приняло идею создания палестинского государства в границах 1967 г. бок о бок с Израилем. «ХАМАС, также как это сделало в свое время ФАТХ, протянуло руку США, чтобы с их помощью достичь этой цели!», – говорится в листовке. Об этом, с точки зрения «Хизб ут-Тахрир», свидетельствует участие хамасовцев в парламентских выборах в 2006 г. в условиях израильской ок-

²² Tens of Thousands attend Hizb ut-Tahrir's Rajab address at Masjid Al-Aqsa // www.hizb-ut-tahrir.info. 17.07.2009.

²³ Hizb Ut-Tahrir supporters rally in Gaza // *Maan News Agency*. 24.07.2009; Photos: Khilafah Rally in Gaza // www.khilafah.com. 24.07.2009.

²⁴ The Hamas Regime is imitating the Fatah Regime at every step! // www.khilafah.com. 26.06.2009.

купации, заключение в феврале 2007 г. нереализованного Мекканского соглашения о примирении с ФАТХ, готовность к созданию палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа при сохранении контроля Израиля над большей частью территории Палестины. Халифатисты обвинили ХАМАС «в заигрывании» с международным сообществом. «Оно [ХАМАС] заявило, что “уважает” международные и арабские резолюции [о мирном урегулировании в соответствии с принципом создания двух государств], но на самом деле оно “признает” эти резолюции. Каждый должен хорошо знать, что тот, кто “уважает” какую-либо резолюцию, тот рано или поздно “признает” ее!», – предостерегает «Хизб ут-Тахрир» палестинцев.

По ее мнению, о признании ХАМАС Израиля и готовности создать государство лишь на части Палестины свидетельствует заявление главы его политбюро Халеда Машаля в Дамаске 25 июня 2009 г. Комментируя обращение президента США Барака Обамы к мусульманскому миру в Каире 4 июня 2009 г., Х. Машаль заявил, что «высоко ценит новый язык Обамы по отношению к ХАМАС», имея в виду курс Белого дома на урегулирование палестино-израильского конфликта и создание палестинского государства. «Хизб ут-Тахрир» возмутили слова главы ХАМАС о том, что программа-минимум для палестинского народа, которую стремится реализовать движение – это «создание суверенного палестинского государства в границах по состоянию на 4 июня 1967 г. со столицей в Иерусалиме после ухода всех оккупационных войск, ликвидации поселений на этой территории и реализации права беженцев на возвращение»²⁵.

²⁵ Meshaal delivers speech on Obama's position on peace process, 25 June 2009 // Conflicts Forum. <http://conflictsforum.org>

Кроме арабо-израильского конфликта, в центре внимания «Хизб ут-Тахрир» оставалась внутривластная ситуация в Палестинской автономии. Организация осудила конфликт между ХАМАС и исламистской организацией «Джунд Ансар Аллах», объявившей о своей связи с «Аль-Каидой», приведший к кровопролитию 16 августа 2009 г. после того, как в одной из мечетей сектора Газа джихадисты провозгласили создание «исламского эмирата» на его территории. Мятеж радикалов, обвинивших ХАМАС в уклонении от борьбы с Израилем, был жестко подавлен. По мнению руководства «Хизб ут-Тахрир» в Палестине, «убийства и вооруженная борьба никогда не станут законными способами создания исламского эмирата», тем более в условиях израильской оккупации, ограничивающей суверенитет палестинских властей. Исламисты возложили ответственность за вооруженный конфликт не только на ХАМАС, но и на членов «Джунд Ансар Аллах», которые, объявив о создании эмирата, спровоцировали власти сектора Газа применить силу. При этом халифатисты призвали палестинские организации «направить свое оружие именно против оккупантов и прекратить воевать между собой»²⁶.

Также «Хизб ут-Тахрир» выступила против переговоров ХАМАС с ФАТХ о примирении и восстановлении палестинского единства, так как они предполагают проведение парламентских и президентских выборов в 2010 г. В очередной листовке, распространенной ими в сентябре 2009 г., когда активно шли переговоры между двумя организациями, было отмечено, что «выборы в условиях оккупации» станут «гнусным и преступным действием». «Все политические шаги, не соответствующие шариату,

²⁶ Pan-Islamist group: Violence won't lead to Islamic rule // *Maan News Agency*. 17.08.2009.

являются незаконными. Каждый [политик], который согласится с созданием палестинского государства в границах 1967 г., является нелегитимным, потому что это означает отказ от палестинских территорий, оккупированных в 1948 г.»²⁷.

Попытки палестинского президента, опираясь на поддержку Обамы, реанимировать мирный процесс были также резко осуждены «Хизб ут-Тахрир». В заключительной резолюции ежегодной международной конференции в Индонезии, посвященной халифату, 21 июля 2009 г. было высказана критика в адрес М. Аббаса за то, что он требует от президента США оказать давление на Израиль, чтобы он прекратил расширение поселений. «Такие правители лижут ботинки Обамы и просят реализации плана создания двух государств: одно из которых хорошо вооруженное еврейское государство, оккупировавшее Палестину, а другое – палестинское, состоящее из маленьких лоскутков, окруженных еврейскими территориями и отрезанных друг от друга так, что человек должен просить у еврейских солдат позволения перемещаться из одного [кантона] в другой только для того, чтобы увидеться со своей матерью»²⁸.

Таким образом, все конструктивные инициативы, которые исходят от палестинских организаций, будь то ФАТХ или ХАМАС, и могут дать хоть какие-то шансы на нормализацию внутripалестинской ситуации и возобновление мирного процесса с Израилем, отвергаются «Хизб ут-Тахрир» как пораженческие и не соответствующие ее религиозно-политической идеологии. Сама цель создания

²⁷ Hizb Ut-Tahrir: Hamas and PA are equally illegitimate // *Maan News Agency*. 07.09.2009.

²⁸ International Ulema Khilafah conference – Closing Speech. 21st July, 2009 C.E. // www.khilafah.com. 13.08.2009.

национального государства, которую ставят перед палестинцами ФАТХ и ХАМАС, противоречит идеологии «партии», призывающей к созданию халифата, объединяющего весь исламский мир.

* * *

Многие наблюдатели полагают, что побочным эффектом деятельности «Хизб ут-Тахрир» является подталкивание к джихаду сторонников халифата, и особенно ярко это проявляется в условиях конфликта. Британский эксперт из «Centre for Social Cohesion» в Лондоне Джеймс Брэндон считает, что, хотя «партия» отрицает насилие, в регионах, где она действует, вырисовывается следующая схема: «Хизб ут-Тахрир» привлекает к себе людей, радикализирует их, а после люди уходят в «Аль-Каиду»²⁹. Это предположение подтверждают и сами палестинцы – активисты радикальных исламистских организаций. В интервью палестинскому журналисту один из лидеров связанной с «Аль-Каидой» палестинской организации «Джейш аль-Умма» в секторе Газа заявил, что нет разницы между «военным крылом» («Аль-Каидой») и «политическим» («Хизб ут-Тахрир») ³⁰.

Израильский аналитик Дж. Спайер отмечает, что нельзя недооценивать потенциал «партии» как движения, способного внести свой вклад в вооруженную борьбу в Палестине. Он напоминает, что организация планировала перевороты в Иордании в 1968, 1969 и 1993 гг. В 1972 г. «Хизб ут-Тахрир» также предприняла попытку переворота на юге Ирака³¹. Многие видные члены «Аль-Каиды»,

²⁹ *The Christian Science Monitor*. 22.01.2008.

³⁰ *Haaretz*. 30.06.2008.

³¹ Hizb ut-Tahrir: A Rising Force In Palestinian Territories. 12.14.2007 // www.globalpolitician.com/23871-palestine

такие как Халид Шейх Мухаммад, Исамуддин Ридуан, Абу Мусаб аз-Заркауи, входили в «Хизб ут-Тахрир». Когда один из лидеров «Аль-Каиды» аз-Закрауи находился в Афганистане, в тренировочном лагере в Герате, он собрал вокруг себя около 200 последователей «Хизб ут-Тахрир»³². Также показательно, что в сентябре 2005 г. высокопоставленные члены отделения «Хизб ут-Тахрир» в Иордании в разрез с позицией официального руководства организации призвали к джихаду против Запада, в первую очередь против США и Израиля³³.

Сотрудник израильского Международного антитеррористического института в Герцлии Малиах Асаф полагает, что «если одно из местных отделений “партии” в ближайшее время перейдет к террористической деятельности против неверных режимов в мусульманских странах или против Запада, то, скорее всего, оно не станет публично брать на себя ответственность за это. Более вероятно, что ответственность возьмет другая известная или неизвестная исламистская террористическая группировка, чтобы не ставить под удар курс руководства организации, провозглашенный еще ан-Набхани и не подвергать опасности ее позиции в тех странах, где ее деятельность все еще разрешена»³⁴. Палестинский эксперт из Центра исследований в Рамалле Хани аль-Масри также не исключает, что «Хизб ут-Тахрир» может со временем обзавестись военизированной организацией»³⁵.

³² Gunaratna R. Links with Islamists groups: Ideology and operations // The Challenge of Hizb ut-Tahrir: Deciphering and Combating Radical Islamist Ideology. Conference report. Zeyno Baran, Editor. The Nixon Center. September 2004. P. 124–126.

³³ Maliach A. The Islamic Liberation Party – From Pragmatism to Radicalism? 06.12.2005 // International Institute for Counter-Terrorism (www.ict.org.il/Articles/tabid/66/Articlsid/199/currentpage/12/Default.aspx)

³⁴ Ibid.

³⁵ *Libération*. 05.11.2007. (Перевод www.inopressa.ru).

Уход части активистов «Хизб ут-Тахрир» в организации, объявившие о своей связи с «Аль-Каидой», которые появились в последние годы в Палестине, особенно в секторе Газа, очень вероятен, так как, находясь в зоне конфликта с Израилем, членам организации будет трудно удержаться от того, чтобы не внести вклад в общую борьбу. Сама обстановка подталкивает их к активным действиям.

Наблюдая резкий рост популярности организации, Хани аль-Масри высказал мнение, что «укрепление «Хизб ут-Тахрир» знаменует крах того политизированного ислама, который исповедует ХАМАС, а также националистической идеологии ФАТХ»³⁶. Однако, как мне кажется, именно из-за отрицания насильственных форм борьбы «партией» перспективы стать массовой организацией у «Хизб ут-Тахрир» в Палестине невелики, а говорить о крахе идеологии ФАТХ и ХАМАС, которые (даже ФАТХ с ее плохо контролируемые силовыми структурами типа «Бригад мучеников Аль-Аксы» и «Танзим») не отказываются от вооруженной борьбы, было бы преувеличением.

Вероятно, израильские власти не допустят чрезмерного укрепления халифатистов на палестинской территории. В этом «союзником» Тель-Авива является ХАМАС, управляющее сектором Газа и стремящееся поставить под контроль все процессы на его территории и силовым путем добиться подчинения влиятельных кланов, ранее неподконтрольных ни ХАМАС, ни ФАТХ.

Однако главной опасностью, которую может породить деятельность «Хизб ут-Тахрир» в Палестине, является не возможность ухода некоторых ее членов в радикальные организации, ведущие вооруженную борьбу, а пропаганда халифатистской идеологии, исключаящей

³⁶ *The Jerusalem Post*. 20.09.2007.

компромиссное решение палестино-израильского конфликта. Плоды идеологической работы активистов «партии» могут проявиться не сразу, так как на индоктринацию населения, воспитание нового поколения своих сторонников уходят годы. Активизация «Хизб ут-Тахрир» в Палестине представляет угрозу мирному урегулированию, так как способствует фрагментации и радикализации палестинского общества, пропаганде вооруженной борьбы и отрицанию самой идеи мирного процесса. Деятельность «Хизб ут-Тахрир» в большей степени направлена на население Западного берега, по крайней мере в том, что касается проведения публичных мероприятий. Вероятно, халифатисты стремятся заполнить освободившуюся исламистскую нишу, образовавшуюся после ухода ХАМАС. При этом можно предположить, что, в связи с недовольством халифатистов деятельностью ХАМАС в последнее время, организация активизируется и в секторе Газа.

Опасность для миротворческих усилий палестинцев и израильтян, а также коопонсоров процесса мирного урегулирования (США, России, ЕС, ООН) представляет попытка сторонников возрождения халифата превратить этно-территориальный конфликт в религиозный глобальный конфликт между исламским миром и Западом, в котором не будет места компромиссам.

И.Д. Звягельская

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Палестино-израильский конфликт, заложивший основы арабо-израильских противоречий и остающийся их элементом, системно и структурно отличается от отношений Израиля и арабских государств. Он не является межгосударственным конфликтом, и для него, наряду с общими причинами арабо-израильского противостояния, характерна сильно выраженная этнотерриториальная и этнополитическая составляющая.

Как известно, в основе конфликта лежат претензии двух народов на одну и ту же территорию – Палестину. Исторические ссылки, особенности культурного наследия, языковое своеобразие – все возможные аргументы брошены на весы для того, чтобы доказать практически недоказуемое: кто имеет больше прав на эту землю. Аргументы традиционно подкрепляются военным противостоянием.

Структурно конфликт является асимметричным: в нем участвуют стороны, не сравнимые ни по своей мощи, ни по влиянию, ни по мобилизационным возможностям. Асимметричность конфликта проявилась и в том, что в него втянуты как регулярная армия, так и нерегулярные вооруженные формирования, представляющие собой военные ответвления тех или иных национальных движений и партий. Как правило, нерегулярные вооруженные отряды и формирования гораздо более безответственны. Об-

ладая в силу своей природы более ограниченными средствами военного воздействия на ситуацию (лишенные тяжелой техники, мощного оружия и т.д.), они берут на вооружение террористические и диверсионные методы. В то же время участие в израильско-палестинском конфликте со стороны Израиля современной регулярной армии не может не приводить к превышению предела сдерживания и к неоправданным жертвам.

Столь длительное военно-политическое противостояние стороннему наблюдателю может показаться иррациональным. Действительно, на протяжении многих лет международное сообщество выступает за урегулирование конфликта на основе двух государств для двух народов. Формально создание двух государств было предложено еще в 1947 г. в резолюции ГА ООН 181/II. Почему же до сих пор простая на вид формула не реализована?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, недостаточно вернуться к событиям более чем 60-летней давности, вспомнить обострившиеся отношения между палестинскими арабами и евреями, маневрирование Великобритании, позиции США и СССР, соперничество в арабском лагере и т.п. Как представляется, все эти хорошо известные факты способны объяснить только то, почему не удалось имплементировать резолюцию ГА ООН в 1948 г., но они не дают ответа на вопрос, почему в дальнейшем она так и осталась на бумаге в качестве примера международного простодушия или искреннего заблуждения.

С самого начала арабо-еврейские противоречия в Палестине отражали не только борьбу за территорию, но и за историю, мифы, традиции и религию, связанные у обоих народов с этой землей. Иными словами, сравнительно небольшая территория стала маркером национальной идентичности как у евреев, так и у палестинских арабов. Ни тот, ни другой народ не мыслит себя как исторический

феномен вне этой земли, которая на протяжении многих веков формировала их самосознание и национальную самобытность. Борьба за «первородство», действительно абсолютно иррациональная с современной точки зрения и иррелевантная с точки зрения урегулирования конфликта, в этнополитическом контексте оказывается гораздо сильнее общепринятой логики. В ней главную роль играют символы, эмоции, а не разум.

Исследованию специфики межэтнических конфликтов посвящены работы многих специалистов. Главные выводы можно свести к тезису, что этнический конфликт часто рассматривается как нерешаемый и продолжительный, как одна из наиболее сложных форм конфликта, с точки зрения управления и урегулирования. Наличие этнического измерения приводит к тому, что конфликт воспринимается непосредственно конфликтующими сторонами не только как конфликт интересов, но и как конфликт ценностей. Американский специалист в этой области Джон Бертон следующим образом описывает понятие ценности: «Ценностями называются те идеи, привычки, традиции и верования, которые характерны для определенной социальной общности... Сохранение ценностей причина защитного и агрессивного вариантов поведения...»¹. Интересы могут быть предметом для торга, а ценности примирить крайне сложно. Это означает, что в израильско-палестинском конфликте противоборствующие стороны не склонны идти на уступки по вопросам, которые, по их мнению, относятся к проблеме выживания и сохранения их народов, их уникальной культуры.

Для радикальных исламистских организаций ХАМАС и Исламский джихад идея создания двух государств не-

¹ *Burton J. Conflict: Resolution and Prevention. London: The Macmillan Press Ltd., 1990. P. 37.*

приемлема в принципе, так как они не признают права Израиля на существование. Для правых израильских радикалов создание палестинского государства, означающее уход Израиля с территорий захваченных в июне 1967 г. (даже не со всех, не сразу и при обмене отдельными участками), также неприемлема по принципиальным соображениям. Земля эта, с их точки зрения, исконно принадлежит евреям, попала в 1967 г. в их руки по Божественному провидению, и никто не имеет права ею распоряжаться.

Даже умеренные политики, ведущие переговоры, воспринимают эвентуальный раздел Палестины как заведомо несправедливый, как жертву с их стороны. В то же время альтернативные предложения заводят ситуацию в полный тупик. Так, в палестинской среде, да и не только в ней, все большее внимание привлекает вариант создания одного государства для двух народов, идея, абсолютно неприемлемая для Израиля. Дело в том, что и будущее палестинское государство, и Израиль строятся на этнорелигиозной основе, что означает неприятие доминирования иной этнорелигиозной группы и даже слишком большой ее численности. Для палестинцев – это не столь актуально. В палестинском государстве доля других этнических и религиозных общин будет минимальной, а в едином государстве, о котором сейчас говорят наиболее радикальные круги, арабы очень скоро сами стали бы доминирующим этносом. Для Израиля перспектива создания единого государства означает конец его еврейского характера, т.е. крах идеи создания государства, в котором еврейский народ мог бы жить своей национальной жизнью.

Приверженность обеих сторон собственным «ценностям» и составляет тот конфликтный фон, на котором развертывались очередные попытки решить проблему, абстрагируясь, по возможности, от эмоциональных и псевдоисторических подходов.

В ноябре 2007 г. палестино-израильские отношения вступили в новый этап – в Аннаполисе при посредничестве США и поддержке других участников ближневосточного квартета были возобновлены переговоры между лидером палестинской администрации и израильским премьер-министром. Несмотря на весьма оптимистичные заявления американского президента и представителей его администрации относительно возможности заключения соглашения к концу 2008 г., в целом палестино-израильские отношения оставались напряженными. Периодически израильские территории на юге подвергались ракетным обстрелам из Газы, Израиль в ответ наносил удары, пытаясь уничтожить боевиков ХАМАС и других радикальных организаций.

К сожалению, обмен ударами стал привычным аккомпанементом к палестино-израильским отношениям вне зависимости от состояния переговорного процесса. Проблема заключается в идейном, политическом и территориальном расколе палестинцев и полном отсутствии контроля со стороны ФАТХ за действиями своих исламистских оппонентов. Политический процесс, инициированный в Аннаполисе, охватывал лишь легальную, международно признанную часть палестинского истеблишмента, представители которой ведут переговоры об окончательном статусе.

Дополнительное негативное воздействие на процесс переговоров оказывали трения и несогласованность внутри израильского правительства. Так, обозреватель Эйтан Хабер из газеты «Йедиот» писал: «С личной, сугубо эгоистичной точки зрения, Эхуду Ольмерту нужно добиться политических достижений от бесед с Абу Мазеном: переход к соглашению о постоянном урегулировании, решение проблемы террора, любое политическое решение смягчит возможный удар комиссии Винограда (комиссия

по расследованию промахов в войне Ливане в 2006 г.) и позволит Ольмерту остаться у власти. С той же личной, сугубо эгоистичной точки зрения, Эхуду Бараку нужно добиться, чтобы его коллега Ольмерт вышел из бесед с Абу-Мазеном с пустыми руками, чтобы можно было выставить главу правительства человеком, который растратил даром все военно-политические возможности и ничего не сделал для государства. Вы скажете, что с личной, эгоистичной точки зрения – это понятно. А что с государством? Что с нами? Ну, хорошо. Вы задали свой вопрос»².

Радикальная часть палестинского движения, представленная ХАМАС, также имела не прямые контакты с Израилем при правлении правительства, сформированного партией Кадима. Контакты были организованы при египетском посредничестве и касались достижения долгосрочного перемирия (худна). Израильское министерство обороны контактировало с ХАМАС через египетских посредников на протяжении долгого времени, несмотря на бойкот на переговоры с этой организацией, который был принят израильтянами, частью палестинцев а также участниками квартета ближневосточных посредников – США и ЕС. Контакты продолжались и даже получили дополнительный импульс, в то время как «президент Буш обвинял тех, кто «ведет переговоры с террористами и радикалами», выступая перед израильским Кнессетом. Но как сказал израильский комментатор Уди Сегал на втором канале новостей, несмотря на клише и приятные слова, речь Буша не будет иметь влияния на израильские контакты с ХАМАС»³.

В сложившейся ситуации обе стороны были заинтересованы в соглашении. Правительство ХАМАС стремилось обеспечить возможность решения социально-экономических

² Обзор прессы на иврите (26–31.08.2007).

³ *Common Ground News Service*. 22–28.05.2008 – www.commongroundnews.org

проблем населения сектора Газа, находящегося на грани гуманитарной катастрофы. А израильское правительство нуждалось в спокойствии на своих южных границах, в защите населения, страдающего от ежедневных обстрелов, в возвращении, наконец, захваченного в 2006 г. палестинскими боевиками ефрейтора Гилада Шалита.

Прекращение огня с ХАМАС, которое было достигнуто в июне 2008 г., задумывалось как соглашение из нескольких этапов, которое начнется, по словам министра обороны Э. Барака, как «спокойствие в обмен на спокойствие». Обстрелы с территории Газы и террористическая активность прекратятся, а Израиль прекратит воздушные налеты и наземные операции.

После достижения спокойствия Израиль начнет постепенно облегчать блокаду сектора, а параллельно будут вестись переговоры об освобождении Гилада Шалита в обмен на освобождение из тюрем палестинских заключенных. На следующем этапе переговоры должны были привести к открытию перехода Рафах на египетской границе в соответствии с пожеланиями М. Аббаса, а затем, после возвращения Шалита, – к открытию всех переходов и снятию блокады Газы.

Нарушения соглашения начались сразу после его подписания. В средствах массовой информации вновь стал обсуждаться вариант масштабной операции в Газе с целью уничтожения власти ХАМАС и частичной реоккупации сектора (размещения там после завершения операции частей израильской армии на месте бывших еврейских поселений). Израильскому премьеру Ольмерту очень не хотелось начинать наземную операцию против ХАМАС, которая неизбежно повлечет за собой жертвы среди израильских военнослужащих, а возможно, и среди мирного населения, может затянуться, осложнить отношения Израиля с Египтом и Иорданией, а также с Европой

и Россией и т.п. В то же время Ольмерт был вынужден выбрать вариант Газы, поскольку соглашение о прекращении огня не выдержало испытания. Израильская операция в Газе в конце 2008 – начале 2009 г. еще больше осложнила положение Абу Мазена, даже если в соответствии с логикой он был не против ослабления своих исламистских оппонентов.

Очень серьезный разрыв между позициями обеих сторон, между обществом и лидерами, которым оно не доверяет, и, наконец, между миролюбивыми заявлениями и реальной ситуацией с блокпостами, обстрелами и новыми поселениями достался в наследство новому израильскому премьеру Б. Нетаньяху и его кабинету. Фактически все вернулось на круги своя – с новым строительством поселений в Восточном Иерусалиме и за его пределами, с расширением старых поселений, с периодическими обстрелами и т.п. Даже в судьбе несчастного Гилада Шалита не произошло перемен.

Вместе с тем перемены, конечно, были. В США появился энергичный президент Барак Обама, представитель Демократической партии, поставивший своей целью улучшение отношений США с мусульманским миром и – в качестве одного из способов – активные шаги по урегулированию арабо-израильского конфликта. Они даже были предприняты, но все снова затормозилось.

Возможности изменения ситуации в формате палестино-израильских отношений пока отсутствуют. Нет никаких признаков, указывающих на то, что ситуация опасно драматизируется. Скорее напротив, сторонам легче жить с существующими проблемами (несмотря на громкие заявления о стремлении к миру), чем идти ради этого мира на серьезную корректировку своей позиции. Она может оказаться крайне болезненной для обеих сторон. Например, Израилю придется эвакуировать посе-

ленцев с Западного берега, а палестинцам открыто отказаться от идеи возвращения беженцев в Израиль. Это означает переход к новому курсу, негативные последствия которого для соответствующих политических элит можно легко просчитать, в то время как вопрос, ради чего это следует делать, остается открытым. Иными словами мир для многих израильтян по-прежнему выглядит более неопределенным и опасным предприятием, чем сохранение статус-кво. Да и примеры такого мира с арабами мало вдохновляют. Мир с Египтом и Иорданией остается «холодным миром» и мало что значит для рядового израильтянина за исключением возможности съездить в соседнюю страну, что может обернуться на практике экстремальным туризмом. Политики указывали на то, что никакой мир с Египтом не мешает хамасовцам протягивать туннели из Газы на египетскую территорию и протаскивать по ним не только предметы широкого спроса, но и оружие. (Сейчас это изменилось.)

Для палестинского руководства, испытывающего все большее воздействие радикалов, мир с Израилем, до которого столь же далеко, как и прежде, вряд ли представляется сколько-нибудь реальной альтернативой нынешнему положению. Вести переговоры ради переговоров, которые лишь подрывают авторитет палестинского руководителя, нет смысла. Не случайно Абу Мазен заявил в ноябре 2009 г. о нежелании баллотироваться на президентских выборах. Нельзя не учитывать и позицию той части палестинского руководства, которую развратила постоянная помощь из-за границы. Эти деятели давно утратили влияние на массы, да и сами массы интересуют их лишь как ресурс, обеспечивающий поступление помощи. Им тоже лучше не подставляться и ничего не менять.

Политический процесс на палестинском направлении окончательно зашел в тупик. Складывается впечатление,

что, несмотря на американскую активность и активность других членов квартета, ничего не происходит и не произойдет. За очередным прекращением огня будут следовать военные действия в Газе и на юге Ливана, столь же бесполезные и ничего не меняющие, как и время от времени возобновляющиеся переговоры. Чем дольше длится противостояние, тем более приемлемым для части палестинцев и израильтян становится применение насилия, тем менее толерантными становятся подходы к представителям других этносов, тем больше молодых палестинцев готовы влиться в боевые бригады и все больше израильских солдат обречены проходить службу на блокпостах со всеми вытекающими психологическими последствиями. И все же общества готовы скорее платить эту цену, чем идти на радикальные перемены (по идейным, практическим или иным соображениям – не имеет большого значения). Следовательно, за новую стратегию будут в лучшем случае выдаваться косметические меры, осуществляемые под постоянный аккомпанемент артиллерийских ударов.

Палестино-израильское противостояние оставляет глубокие раны, что, как ни печально это признавать, общественное мнение обоих народов по-прежнему готово это оправдывать борьбой за культурную самобытность и выживание. Большинство склонно поддерживать тех лидеров, которые демонстрируют твердое намерение не поступиться принципами, защищая интересы и символы, исторически сформировавшиеся в условиях противоборства и являющиеся его продуктом. Вот почему переговоры являются для нынешних «властителей дум» либо вовсе идейно неприемлемыми, либо тяжелой обязанностью, навязанной внешними игроками. Значит, время миротворцев еще не пришло – их просто никто не ждет...

Т.А. Карасова

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПРОГРАММА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕТАНЬЯХУ

Беньямин Нетаньяху второй раз возглавил правительство Израиля в тот исторический момент, когда ближневосточный регион оказался в ситуации, заметно отличающейся от предыдущего периода его премьерства (1996–1999). В настоящее время, наряду с традиционными задачами, связанными с урегулированием израильско-палестинского конфликта, арабский мир занят другими, не входящими в круг этого конфликта региональными проблемами. В их числе вызовы радикального ислама национальным арабским режимам региона, ситуация в Ираке и Афганистане, иранская ядерная программа, нефтяные проблемы.

Израиль больше не является региональным изгоем. Более того, иранская угроза сделала возможной выработку единой тактики Израиля и умеренных арабских режимов в отношении потенциальной угрозы со стороны Ирана. Такое положение, казалось бы, дает новые возможности для поиска «свежих решений» в сфере ближневосточной политики нового кабинета министров под руководством Ликуда. Однако ситуация в области урегулирования по-прежнему весьма сложная.

Нетаньяху, пришедший на смену преемнику А. Шарона – Э. Ольмерту, получил страну, вновь стоящую на распутье: идти на территориальные уступки с Сирией и Палестинской национальной администрацией (ПНА) в обмен на зыбкий мир, не гарантирующий безопасности территории

Израиля от обстрелов и вылазок ХАМАС и Хизбаллы, за которыми стоит Иран; или всеми силами тормозить любые дальнейшие уступки, сохраняя статус-кво.

Из предвыборных программных заявлений, и прежде всего из всей логики развития позиций Б. Нетаньяху в области урегулирования арабо-израильского конфликта, становится очевидным, что политика нового премьер-министра будет базироваться на следующих принципах:

1. Палестинское направление конфликта – это результат и часть арабо-израильского противостояния. Данный конфликт не имеет решения, пока арабский мир не признает право Израиля на существование как еврейского государства в ближневосточном регионе. На данном этапе, по мнению руководства Ликуда, следует перевести внимание мировой общественности с проблемы диалога с ПНА на проблемы угрозы со стороны Ирана; уйти от политических переговоров и решений на пути «малого экономического мира» – экономического сотрудничества с палестинцами.

Выступая в Кнессете на церемонии утверждения нового правительства, новый премьер-министр Израиля заявил, что он намерен продолжать мирный диалог с палестинцами: «Я говорю палестинским лидерам, что если они действительно хотят мира, он достижим, – сказал Нетаньяху. – Вместе с палестинской администрацией мы будем искать мира по трем направлениям: экономика, безопасность и политика»¹. Правительство Ликуда предпочитает сохранять статус-кво на данном направлении пока на повестке дня остро стоит вопрос о палестинском единстве². В це-

¹ Гаарец, 02.04.2009.

² В Каире 16 мая 2009 г. при посредничестве Египта начался очередной раунд переговоров о примирении между противоборствующими палестинскими движениями ФАТХ и ХАМАС. При этом представитель ХАМАС заявил, что исламисты не намерены обсуждать вопрос о признании права Израиля на существование, указав, что эта тема «закрыта для дискуссий».

лом, придя к власти, Ликуд дал понять, что для него усмирение ядерных амбиций Ирана – более важная задача, нежели возобновление вялотекущих переговоров с расколотым руководством Палестины.

При разработке новых идей и новых подходов к палестинской проблеме правительство Нетаньяху будет вынуждено считаться с тем, что кабинет, как и в 1996 г., будет действовать в обстановке сильного международного давления по вопросу о независимом палестинском государстве со стороны стран – участниц квартета, прежде всего США; западного общественного мнения в целом (особенно со стороны европейских стран) и арабских стран региона. Сразу после того, как было сформировано новое правительство, 11 мая 2009 г. Совет Безопасности ООН в специальном заявлении подтвердил принцип сосуществования двух государств – Израиля и Палестины, а также высказался за проведение в Москве международной конференции по Ближнему Востоку. Совбез призвал «к новым и срочным усилиям сторон и международного сообщества для достижения всеобъемлющего, справедливого и долгосрочного мира на Ближнем Востоке». В заявлении указано на поддержку Советом Безопасности «необратимости двусторонних переговоров, основанных на прежних обязательствах израильской и арабской сторон».

2. В силу отмеченной выше причины Израиль по соображениям безопасности не может вернуть все Голаны Сирии. При прежнем правительстве представители Израиля и Сирии в течение двух лет осуществляли тайные контакты с целью создания платформы для подписания мирного договора. Контакты происходили с сентября 2004 г. по июль 2006 г. В ходе переговоров был подготовлен проект неофициального соглашения, о котором были поставлены в известность лидеры обеих стран. Израиль, однако, увязывал начало диалога с прекращением под-

держки Дамаском ливанского движения Хизбалла и палестинских радикальных группировок, а Сирия – с возвращением Голан. Несмотря на то, что Э. Ольмерт 14 октября 2007 г. отдал приказ об уничтожении ядерного реактора в Сирии, что осложнило и без того трудный переговорный процесс с Дамаском, Сирия и Израиль официально объявили о начале мирных переговоров³.

Это не устраивает новое правительство Ликуда, которое считает, что возможное усиление роли Ирана на Ближнем Востоке вынуждает израильское руководство еще серьезнее подойти к вопросу решения проблемы Голанских высот. Именно так можно оценивать заявление Нетаньяху о том, что Израиль не должен покончить со своим присутствием на Голанских высотах и передать их под сирийский суверенитет. Передача Сирии этого стратегически важного для безопасности Израиля географического плацдарма означает, что Ирану предоставляется возможность разместить там свои вооруженные силы. В принципе, считает Ликуд, с Голанами как частью территории Сирии может произойти то, что случилось в юж-

³ 21 мая премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт заявил, что в течение года продолжались предварительные контакты двух сторон. Б. Асад вновь заявил о желании САР возобновить мирные переговоры с Израилем, подчеркнув, что мир остается «стратегическим выбором» Дамаска, но его достижение возможно лишь при условии возврата Сирии оккупированных Голанских высот и возможности заключения мирного договора. Эта операция имела две политические цели: убедить население в том, что появление подобного оружия у соседнего государства, с которым у Израиля нет дипломатических соглашений и мирного договора, угрожало его национальной безопасности. И главное – эта операция должна была заставить Тегеран задуматься над собственными ядерными разработками, чего, впрочем, не произошло даже несмотря на то, что Ольмерт не исключал возможности повторения подобной же операции в отношении Ирана [*Месамед В.И.* Иран и сирийско-израильские переговоры // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/02-07-08b.htm#top#top> *Haaretz*, 16.01.2007].

ных регионах Ливана, где вполне свободно чувствуют себя подразделения иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Несомненно, однако, что в ближневосточной программе Ликуда сирийское направление занимает одно из важнейших мест. Его основная стратегическая задача оторвать Сирию от сферы влияния Ирана и воспрепятствовать продолжению поддержки ею радикальных организаций – Хизбаллы и ХАМАС. Официальная жесткая предвыборная позиция Нетаньяху и отказ вернуть Голанские высоты препятствовала возможным подвижкам в этом направлении.

Вместе с тем специалисты ожидают, что Б. Нетаньяху под нажимом новой американской администрации изменит свою позицию в отношении сирийских Голан. Весной 2009 г. в Дамаске, ставшем центром дипломатической активности, дважды побывали высокопоставленные представители Госдепа США. Они заверили сирийское руководство в приверженности новой американской администрации мирному процессу в регионе, который будет включать в себя и сирийско-израильский трек. Кроме того, американские представители дали понять, что для ликудовского правительства Израиля «прогресс на сирийском направлении крайне желателен»⁴.

3. Ликудовское правительство убеждено, что самую реальную угрозу существованию Израиля представляет Иран. В период правления Э. Ольмерта произошло важнейшее событие регионального и международного масштаба – приход к власти в Иране в июне 2005 г. Махмуда Ахмадинежада и усиление радикального исламизма на Ближнем Востоке. М. Ахмадинежад, который практически в каждом своем публичном выступлении продолжает угрожать суверенитету Израиля, дал мощный толчок для активизации

⁴ <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/02-07-08b.htm#top#top>

всех экстремистских сил в регионе. В 2007 г. на Герцлийской конференции прошла дискуссия, которая называлась «Изменения в парадигме израильско-палестинских отношений в тени иранской угрозы и войны против Хизбаллы». Тон дискуссии задал бывший представитель США в ООН Джон Болтон, который заявил, что США не планируют принимать решительные меры для ликвидации иранской ядерной угрозы: «Буш не намеревается действовать в этом направлении. Америка ничего не сделала, ничего не делает и ничего не сделает до конца нынешней президентской каденции. Израиль остается один на один перед лицом ядерной угрозы»⁵. По словам Болтона, который приобрел известность во время своей каденции в ООН последовательными произраильскими заявлениями, для Израиля пришло время решать, будет он мириться с иранской ядерной бомбой или же готов к военной операции. Существует мнение, имеющее в Израиле много сторонников, что публикация в начале декабря 2007 г. доклада американского разведывательного сообщества, согласно которому Иран еще в 2003 г. свернул военную ядерную программу, дала Тегерану зеленый свет на продолжение ядерных разработок. Многие израильские политики считают также, что пришло время рассекретить детали военной операции Израиля в Сирии, проведенной 24 сентября 2007 г. и имевшей своим результатом уничтожение сирийского ядерного объекта, так как ядерное сотрудничество Сирии и Северной Кореи, способствовавшее созданию этого объекта, не обошлось без иранского участия⁶. Новая победа М. Ахмадинежада на выбо-

⁵ Interdisciplinary Center (IDC) Herzliya. Institute for Policy and Strategy (IPS). Discussion: "The Changing Paradigm in the Shadow of Iran and the War against Hezbollah". The Seventh Annual Herzliya Conference // *Herzliya*, 21–23.01.2007.

⁶ Там же.

рах в июне 2009 г. только усилила возможности антиизраильского «крена» в региональной политике Ирана. Поэтому иранское направление объявлено Ликудом приоритетным направлением израильской внешней политики.

4. Новое ликудовское правительство убеждено, что роль Ирана в раздувании арабо-израильского конфликта очевидна, но самое главное – появился реальный фактор иранской угрозы всему миру: обладание Ираном ядерным оружием несет в себе глобальную угрозу. Для ее устранения необходимо создать международную ассамблею, целью которой будет сдерживание Ирана⁷. Угрозы безопасности Израиля со стороны Хизбаллы в Ливане и ХАМАС в Газе премьер Израиля рассматривает как отражение иранского влияния и реализацию его интересов. Исходя из этого, Нетаньяху и его сторонники в руководстве Ликуда и правящей коалиции считают необходимым и возможным предпринять усилия по созданию антииранского блока. В нем с Израилем должны консолидироваться страны региона, связанные с ним договорными отношениями, – Египет и Иордания, а также «умеренные» арабские режимы – Саудовская Аравия и Арабские Эмираты, также несогласные мириться с иранской угрозой. Нетаньяху подчеркнул, что будет искать «полного мира» с арабскими и мусульманскими государствами. Он заявил, что Израилю угрожает не ислам, а «радикальные режимы, стремящиеся получить ядерное оружие»⁸. Позицию Нетаньяху в целом разделяют другие партнеры по коалиции, особенно представители правого и национально-религиозного лагеря: партии «Наш дом – Израиль» (НДИ), ШАС и «Бейт Йегуди». Как ранее заявлял новый глава МИД, председатель НДИ Авиغدор Либерман, необходимо пересмотреть при-

⁷ *The Jerusalem Post*. 11.03.2009.

⁸ Там же.

оритеты и признать, что формула «мир в обмен на земли» не приносит результатов в регионе, поэтому следует искать решения в рамках концепции «мир в обмен на мир». В целом специалисты считают, что новый кабинет министров будет проводить жесткий курс в отношении палестинцев и что правительство Нетаньяху готово к диалогу с арабами, но не к уступкам⁹.

Нетаньяху, второе премьерство которого вновь пришлось на демократическую президентскую администрацию в Вашингтоне, традиционно начал свою каденцию с визита в США, за которым пристально следил весь арабский мир. Президент Барак Обама заявил о своем намерении вновь запустить процесс примирения на Ближнем Востоке, который он объявил одним из приоритетов внешней политики своей администрации. По началу Нетаньяху от идеи двух государств открещивался. Премьер-министр по-прежнему считал, что прежде, чем говорить о каком-либо прогрессе в мирном процессе, следует устранить угрозу стабильности в регионе.

Глава Ликуда, несмотря на американское давление, не спешил обнародовать основные приоритеты его курса в отношении решения проблем палестино-израильского противостояния. Наконец, 14 июня 2009 г после возвращения из США Б. Нетаньяху изложил свои позиции в выступлении в центре стратегических исследований БЕСА Бар-Иланского университета Израиля¹⁰.

Израильские сторонники позиции премьер-министра, анализируя программную речь Нетаньяху, заявили, что он «пересек Рубикон» и сделал правильный выбор. Премьер-министр призвал палестинских соседей и палестинских

⁹ Там же.

¹⁰ БЕСА – аббревиатура фамилий премьер-министра Бегина и президента Садата, подписавших мирный договор между Израилем и Египтом.

лидеров к немедленному возобновлению переговоров о мире без каких-либо предварительных условий. Узловым пунктом речи Нетаньяху стали для многих израильтян ключевые слова: «Демилитаризованное палестинское государство рядом с еврейским государством Израиль»¹¹. Он таким образом выразил свое согласие с созданием палестинского государства, подчеркнув при этом несколько важных (и принципиальных для палестинцев, как и для арабского мира в целом) условий.

Условие первое заключается в том, что, прежде всего, будущее палестинское государство должно быть «демилитаризовано», а его существование будет опираться «на международные гарантии безопасности». На территориях, переданных палестинцам, не будет армии, они не будут господствовать в воздушном пространстве, туда не будет ввозиться оружие. У Израиля должны быть гарантии, что «палестинцы не смогут импортировать ракеты на свою территорию, создавать армию, орудовать в воздушном пространстве, закрытом для Израиля, или подписать пакт с Хизбаллой и Ираном».

Условие второе – признание палестинским государством «еврейского характера» Израиля. Б. Нетаньяху специально подчеркнул: «Основным условием прекращения конфликта является открытое, обязывающее и искреннее палестинское признание того, что Израиль является национальным государством еврейского народа»¹².

Условие третье – сохранение двух известных израильских «нет», касающихся передачи Восточного Иерусалима, остающегося «единой столицей Государства Израиль», и возвращению палестинских беженцев в пределы израильской территории.

¹¹ *Haaretz*, 15.06.2009.

¹² *Ibid.*

Итак, Нетаньяху, несмотря на его убежденность, что палестинцы не готовы к самоуправлению, дал понять, что на этих условиях он готов вести переговоры о создании палестинского государства. Однако на практике добиться этого будет совсем непросто. Во-первых, потребуется согласие его правого кабинета министров на замораживание поселенческой деятельности на Западном берегу реки Иордан и раздел Иерусалима, восточную часть которого арабы видят столицей будущего палестинского государства. Во-вторых, речь, очевидно, будет идти о создании государства во временных границах (окончательные границы, считает Нетаньяху, могут быть определены лет через 5–10), что неприемлемо для палестинской стороны. Палестинская сторона считает, что государство с временными границами – это государство на 40, 50 или 60% нынешних палестинских территорий на Западном берегу. Если границы провозглашенного палестинского государства останутся неопределенными, это означает, что однажды возникнут и окончательные границы в силу сложившейся реальности. Такой подход зафиксирован в «дорожной карте», но для палестинцев этот вариант неприемлем. В-третьих, даже те «умеренные» палестинцы, которые принимают израильскую схему «двух государств», считают необходимым подчеркнуть, что они мыслят свое государство как независимое, равноправное, обладающее тем же политическим статусом, что и Израиль. Очевидно, что нынешнее израильское правительство далеко от идеи равенства между израильским и палестинским государствами. Кроме того, Израиль хотел бы контролировать внешнюю политику палестинского государства, в частности, такие вопросы, как заключение международных договоров, прежде всего речь идет, естественно, о возможности такого договора с Ираном. До этого, по словам арабского эксперта, «Израиль будет вырывать у палестинцев одну уступку за другой», а палестинская власть, которой не будет позволено ни создавать свою армию, ни заключать международные соглашения, «будет распространяться лишь на Раммаллу и Дженин»¹³.

Придя к власти во главе правого лагеря, Нетаньяху объявил, что он займется «ревизией подходов» к ближневосточному урегулированию. За расплывчатостью формулировок угадывается стремление отойти от курса прежнего центристского кабинета на форсированное урегулирование конфликта с выходом в кратчайшие сроки – в пределах года – на создание независимого палестинского государства. Взамен Нетаньяху хочет по сути вновь ввести в мирный процесс принцип «поэтапности», поставив прогресс на политическом треке в жесткую зависимость от нормализации ситуации на местах, предполагающей, в первую очередь, решение проблемы терроризма.

Эти положения были вновь подтверждены израильским премьер-министром во время выступления на состоявшейся 22 сентября 2009 г. «трехсторонней встрече» в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке с участием американского президента Барака Обамы, израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху и главы ПНА Махмуда Аббаса. Эта встреча на уровне высших руководителей израильского и палестинского истеблишмента была в сущности первой, по крайней мере с момента формирования нынешнего израильского правительства.

Нетаньяху вновь представил свою оценку региональной ситуации: 1) необходимо установление мира с палестинцами, но длительный мир с арабами невозможен

¹³ The global Research in International Affairs (Gloria) Center. Barry Rubin. "If you love the Palestinians, You Should Hate Hamas" – 11.01.2009 // http://www.gloriacenter.org/index.asp?pname=submenu/articles/2009/rubin/1_11_01_37

до тех пор, пока они не признают государство Израиль¹⁴; 2) противостояние Израиля и Сирии в настоящее время не столь значимо¹⁵; 3) ключевая ось напряженности – противостояние Израиль–Иран, и необходимо сплоченно выступить против ядерной угрозы, исходящей от Ирана.

При этом глава израильского правительства учитывает, что на Ближнем Востоке не осталось ни одной сверхдержавы, которая может навязать свою волю сторонам или хотя бы существенно повлиять на позиции палестинской стороны. Нельзя не согласиться с мнением израильского политолога А. Эпштейна о том, что сегодня и Америка не способна играть роль сверхдержавы на Ближнем Востоке¹⁶.

В то же время мировое сообщество выдвигает в отношении Израиля довольно жесткие требования. Позиция всех постоянных членов Совета Безопасности ООН сводится к следующим тезисам: сохранение перемирия с пер-

¹⁴ Главный переговорщик ПНА в процессе мирного урегулирования палестино-израильского конфликта Сайиб Эрекат, комментируя выступление Нетаньяху, подчеркнул, что требование израильского премьера к палестинцам признать Израиль в качестве еврейского государства являются неприемлемыми [*The Jerusalem Post*, 25.09.1990]. Его поддержал также ХАМАС, чей представитель заявил, что «Палестина никогда не была еврейской землей» [«Интерфакс». <http://www.vz.ru/2009/25/330950.html>].

¹⁵ После того как в октябре 2007 г. Израиль бомбил строящиеся атомные объекты Сирии, а Сирия в ответ не предприняла жестких антиизраильских акций, напряжение между двумя странами значительно ослабло. Несмотря на отсутствие мирного договора между Израилем и Сирией, после войны 1973 г. граница между двумя странами очень спокойная, за 36 лет там не было никаких военных действий, нападений или террористических актов. Поэтому представляется, что ожидать всплеска осложнений на израильско-сирийской границе не стоит. См.: [Эпштейн Алек Д. Геополитические проблемы безопасности Израиля в изменяющейся системе международных отношений //

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/29-09-09.htm>].

¹⁶ Эпштейн Алек Д. Указ. соч.

спективной образования независимого палестинского государства в границах 1967 г.; уход Израиля со всех оккупированных территорий, включая Голаны и Восточный Иерусалим; проведение точно в срок парламентских и президентских выборов в ПНА; открытие всех КПП, снятие блокады с сектора Газы; признание арабскими странами Государства Израиль и гарантия его безопасности.

Нетрудно предположить какие внутренние потрясения ожидают Израиль в случае реализации этой концепции ближневосточного урегулирования новой администрацией США¹⁷. Поэтому Ликуд в настоящее время вряд ли является той силой, которая сможет привести к каким-то реальным подвижкам на палестинском направлении. Для обеспечения стабильности своего правительства Ликуду необходимо отстаивать свой образ правоконсервативной партии, проводящей последовательный курс в отношении оккупированных территорий, в частности – сохранять там еврейские поселения. Нетаньяху же важно поддерживать имидж твердого политика, который может пойти на уступки, но не под нажимом США или «квартета», а для расширения возможностей тактического маневрирования, применяемого для сохранения стратегической цели партии – отказа от односторонних уступок палестинцам и недопущения создания враждебного Израилю палестинского государства.

¹⁷ По этому поводу автор разделяет точку зрения Е.Е. Кирсанова. См.: [<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/03-09-09c.htm>].

Т.В. Носенко

**ПРИНЦИП ДВУХ ГОСУДАРСТВ
В УРЕГУЛИРОВАНИИ
ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА:
ВОЗМОЖНА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?**

Палестино-израильский конфликт остается одной из наиболее «горячих точек» не только на Ближнем Востоке, но и в мире. Уровень насилия с обеих сторон не снижается. Попытки реанимировать переговорный процесс после организованной администрацией Дж. Буша конференции в Аннаполисе в конце 2007 г. фактически не дали никаких результатов. Переговорный процесс буксует, топчется на месте не только по причинам сложности поисков развязок по основным спорным вопросам. Израильтяне и палестинцы к тому же постоянно демонстрируют неготовность продвигаться навстречу друг другу; как в том, так и в другом обществе так и не сложился консенсус относительно необходимости возобновления переговоров на базе принципа двух государств. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху, лидер правой партии Ликуд, пришедший к власти в результате внеочередных выборов 10 февраля 2009 г., выражает намерение продолжить мирные переговоры, но при этом избегает какой-либо предварительной ангажированности относительно создания палестинского государства. В его программе по урегулированию акцентируется содействие экономическому развитию палестинцев Западного берега и укреплению их сил безопасности.

Что касается палестинцев, открытым остается вопрос о преодолении раскола между ФАТХ и ХАМАС. Несмотря на все усилия арабских посредников и международного сообщества, предпринятые после операции «Литой свинец» в Газе, проведенной Армией обороны Израиля в декабре 2008 – январе 2009 г., создать «техническое» правительство с участием представителей обеих группировок и таким образом «воссоединить» Западный берег и сектор Газа, не удастся. С ХАМАС или без него руководство Палестинской администрации вряд ли откажется от диалога с Израилем, но перспектива создания в результате него палестинского государства остается туманной.

Завершение «эры Дж. Буша» в США и демонстративно повышенное внимание к ближневосточным делам новой администрации президента Б. Обамы с первых дней ее существования обеспечивает активизацию посреднической роли Вашингтона в урегулировании палестино-израильского конфликта. Причем новый американский президент неоднократно заявлял о своем видении решения конфликта на основе принципа двух государств. Этот принцип поддерживается и «международным квартетом» (США, ЕС, ООН, Россия), выступающим сегодня в качестве важного посредника в мирном процессе.

Таким образом, принцип раздела бывшей подмандатной палестинской территории на два государства для двух народов, сформулированный еще в 1947 г. ООН в резолюции 181, остается на повестке дня ближневосточного урегулирования. Однако неудача процесса Осло, одним из предполагаемых результатов которого должно было явиться создание палестинского государства, а также тупиковая ситуация на израильско-палестинских переговорах последних лет порождают сомнения в успехе его реализации. В леволиберальных академических кругах на Западе и в среде определенной части пале-

стинских интеллектуалов в последние годы возродились дискуссии о возможности положить в основу ближневосточного урегулирования принцип одного государства, т.е. вернуться к варианту единого демократического арабо-еврейского государства, который обсуждался еще в период британского мандата в Палестине. По логике сторонников этого подхода, глубинные причины, препятствующие урегулированию, состоят в том, что условия, предлагаемые в качестве его основы, а именно принцип двух государств, не соответствуют реалиям, в которых он должен воплощаться. Израильская поселенческая политика привела к тому, что к западу от р. Иордан де-факто создано единое территориальное пространство. Соответствующим, а вероятно – и единственно возможным – ответом Палестинского национального движения на этот факт может стать принятие его как свершившегося и начало кампании по интеграции всего населения этого района, т.е. всех палестинских арабов, в единую государственную структуру.

Для Израиля включение в состав государства арабов, проживающих на палестинских территориях, является совершенно неприемлемым по демографическим причинам. Но и создание палестинского государства в условиях усиления влияния в палестинском обществе радикального ислама рассматривается многими израильцами как экзистенциальная угроза. Недаром в Израиле приобрела популярность идея одностороннего отделения от палестинцев, материализовавшаяся в строительстве «стены безопасности» и уходе из Газы, при сохранении статус-кво Западного берега. Не зазорно сегодня в Израиле обсуждать и вариант трансфера (выселения, вытеснения) палестинцев с территорий их проживания. Вновь приобретает актуальность «иорданский вариант» 1970–1980-х гг., т.е. объединение Западного берега в той или иной форме

с Иорданией. Газа в таком случае могла бы стать территорией, контролируемой Египтом.

Может ли какой-либо из этих вариантов серьезно рассматриваться в качестве альтернативы принципу создания двух государств в решении палестино-израильского конфликта и каковы реальные шансы на успех каждого из них – вот вопросы, на которые автор стремится дать ответы в этой статье.

Принцип двух государств в исторической ретроспективе

Идея раздела Палестины между евреями и арабами зародилась еще в период мандатного правления Великобритании в связи с развернувшимся по всей стране арабским восстанием 1936–1939 гг. В ноябре 1936 г. английское правительство направило в Иерусалим специальную комиссию во главе с лордом Р. Пилом, которая, изучив обстановку на месте, рекомендовала разделить Палестину на два государства. В соответствии с предложениями комиссии, территория еврейского государства ограничивалась прибрежной равниной от Хайфы до района южнее Яффы и областью Галилеи за исключением Иерусалимского коридора с городами Яффа, Лидда и Рамле, которые оставались под управлением британского мандата. В правительственном заявлении по этому вопросу говорилось, что раздел обеспечит арабам реализацию их национальной независимости, а евреям – создание еврейского национального очага, который будет преобразован в еврейское государство¹. Однако раздел был категорически от-

¹ John R., Hadawi S. The Palestine Diary. Volume one 1914–1945. Beirut, 1970. P. 275.

вергнут арабами, рассматривавшими его как окончательную утрату части принадлежавшей им территории. В рядах сионистов предложение комиссии Пила вызвало острые дискуссии: хотя раздел ограничивал их претензии на всю территорию Палестины, Сионистский конгресс, проходивший в Цюрихе летом 1937 г., уполномочил руководство Сионистской организации провести переговоры с британским правительством относительно условий возможного создания еврейского государства. В сентябре 1937 г. Совет Лиги Наций, рассмотрев этот вопрос, предложил британским мандатным властям продолжить «изучение проблемы статуса Палестины, сконцентрировавшись на решении, предполагающем раздел территории»².

Через 10 лет международное сообщество вновь вернулось к этому варианту решения палестинской проблемы: в 1947 г. на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов была принята резолюция 181 (II), предусматривавшая раздел страны на два самостоятельных демократических государства – арабское и еврейское. Арабское государство предполагалось создать на площади 11,1 тыс. кв. км (42,9% территории страны), еврейское – на площади 14,1 тыс. кв. км (56,5% территории). Иерусалим выделялся в особую территориальную единицу – *corpus separatum*.

Создание Государства Израиль было провозглашено 14 мая 1948 г., но палестинское арабское государство так никогда и не было создано. Этому помешали и своекорыстные интересы соседних арабских стран, имевших свои виды на предназначавшиеся палестинцам территории, и слабость и разобщенность самих палестинских националистов. С созданием Организации освобождения Палестины основополагающей характеристикой ее политиче-

² John R., Hadawi S. Op. cit. P. 277.

ской программы становится отрицание права Израиля на существование как национального образования евреев и борьба (как декларативная, так и вооруженная) за возвращение себе всей палестинской территории в границах британского мандата. В Палестинской Национальной Хартии, принятой в 1968 г., недвусмысленно указывалось на то, что цель борьбы палестинцев заключается в «освобождении родины и возвращении на нее» (ст. 9), в «ликвидации сионистского присутствия в Палестине» (ст. 15), в «полном освобождении Палестины» (ст. 21)³. После войны 1967 г., когда ряд традиционных палестинских лидеров и интеллектуалов с оккупированных территорий попытались продвигать план создания палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа, руководство ООП немедленно обвинило их в предательстве национальных интересов, а Я. Арафат выступил с прямыми угрозами в их адрес⁴.

На раннем этапе в руководстве ООП преобладала идея создания в Палестине двунационального государства, базировавшаяся на ложных представлениях о слабости Государства Израиль, о возможности легкой победы над евреями, которых Я. Арафат и его сподвижники рассматривали как иноверцев, практикующих иудаизм, но не в качестве единого народа, имеющего свои национальные права. Лидеры ООП никогда не делали попыток более подробно очертить возможности реализации своей утопии и перспективы сосуществования в ней с евреями. Поэтому для израильтян смысл этой идеи представлялся вариацией на уже известную тему: массовое уничтожение или – в лучшем случае – изгнание.

³ The Palestinian National Charter Adopted by the Fourth Palestine National Assembly. 1968. Beirut: The Institute for Palestine Studies – Kuwait: The University of Kuwait, 1971. P. 393.

⁴ Walker T. A. Growers Arafat: the Biography. London, 2003. P. 104.

Только с середины 1970-х гг. в светском палестинском национализме начинают происходить осторожные подвижки в сторону признания возможности создания национального государства на части палестинской территории. Этапной вехой в этом вопросе можно признать Политическую программу ООП, принятую на 12-й сессии Национального совета Палестины в 1974 г. В ней указывалось, в частности, что «ООП ведет борьбу всеми средствами... за освобождение палестинской земли и создание народного, национального, независимого и продолжающего сражаться суверенного образования на любой части палестинской территории, которая будет освобождена»⁵. Несмотря на воинственный и непримиримый тон этого документа в отношении сионизма и Израиля, он все же содержал зачатки политического реализма, постепенно прораставшего в ООП⁶. Этой «смене вех» ООП во многом обязана дальнейшим дипломатическим прорывом на международной арене. В октябре 1974 г. ООП стала первой в истории неправительственной организацией, которая была приглашена в качестве представителя палестинского народа для участия в Генеральной Ассамблее ООН. Впервые с 1952 г. в повестку дня 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был включен вопрос о Палестине, а результатом его обсуждения стало принятие в ноябре 1974 г. резолюции 3236 (XXIX), признававшей право палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, и резолюции 3237 (XXIX),

⁵ Political programme adopted by the twelfth session of the Palestine National Council // International Documents on Palestine. 1974. Beirut: The Institute for Palestine Studies – Kuwait: The University of Kuwait, 1977. P. 449.

⁶ Такой точки зрения придерживаются, например, Е. Дмитриев, С. Лапунтин, В. Носенко, И. Звягельская. См. раздел: Палестинское движение сопротивления // Новейшая история арабских стран Азии. 1988. М., Наука. С. 223; см. также *Gresh A. PLO: The Struggle Within*. London, 1988.

предоставлявшей ООП статус наблюдателя во всех организациях ООН⁷.

В последующие годы палестинское руководство не раз демонстрировало двусмысленность своей позиции в вопросе о претензиях на палестинскую землю. Так, Я. Арафат заявлял о своей готовности поднять палестинский флаг хотя бы только в городе Иерихоне на Западном берегу или для начала на любой части палестинской территории, «даже если она будет не более пяти километров шириной»⁸. Однако так и оставалось загадкой, может ли установление власти на части территории привести к долгосрочному решению, т.е. к созданию на ней палестинского государства, или же это будет рассматриваться как промежуточный этап на пути к полному освобождению всей Палестины.

Несмотря на всю противоречивость происходивших минимальных сдвигов в вопросе о собственной государственности, но и в значительной степени благодаря им, ООП в конце 1970-х – начале 1980-х гг. добилась существенного укрепления своих позиций на международной арене. Было также положено начало контактам между израильтянами, принадлежавшими к левым кругам, и отдельными реалистически настроенными представителями ООП, что подготавливало почву для движения в направлении политического диалога.

Важнейшей вехой на пути трансформации палестинской позиции по территориальному вопросу стала 19-я сессия Национального совета Палестины, состоявшаяся в ноябре 1988 г. в Алжире, на которой в одностороннем порядке было провозглашено Государство Палестина. Его территория, как явствовало из принятого на сессии Политиче-

⁷ International Documents on Palestine. P. 186–187.

⁸ *Walker T. Op. cit.* P. 130.

ского заявления, должна была охватывать Западный берег р. Иордан, сектор Газа и арабскую часть Иерусалима (Аль-Кудс)⁹. Впервые ООП, преодолев левацкие, экстремистские тенденции, в официальном документе заявляла о создании арабского государства в Палестине не вместо, а наряду с Израилем. Одновременно Я. Арафат выступил с публичным заявлением о признании ООП резолюции 181 ГА ООН от 1947 г. о разделе Палестины и резолюции 242 Совета Безопасности ООН от 1967 г., требовавшей ухода Израиля с оккупированных территорий в обмен на установление мира¹⁰. Фактически эти беспрецедентные заявления означали признание палестинцами Израиля как государства, существующего на территории бывшей подмандатой Палестины. Трансформация палестинской позиции являлась важным шагом на пути поисков решения конфликта исходя из принципа двух государств.

Важную формулу для решения территориальной проблемы между израильтянами и палестинцами зафиксировала этапная Мадридская мирная конференция (октябрь 1991 г.). Она предусматривает обмен территорий, оккупированных Израилем в ходе войны 1967 г., на мир с арабскими странами и признание ими еврейского государства, включая установление дипломатических и иных отношений с ним. Как отмечает академик Е.М. Примаков, «...согласие всех арабских государств и Организации освобождения Палестины (ООП) с “мадридской формулой” означает их полный отказ от требования восстановить границы, в которых по решению Генеральной Ассамблеи ООН был создан Израиль», т.е. признание итогов первой

⁹ Political Statement of the 19th Session of the Palestine National Council, Algiers, 12–15 November 1988 // Middle East Contemporary Survey / Ed. by A. Ayalon, H. Shaked. Vol. XII, 1988. San Francisco, 1990. P. 264.

¹⁰ Wallach John & Janet. Arafat. In the Eyes of the Beholder. London: Mandarin, 1992. P. 453.

арабо-израильской войны 1948–1949 гг., в результате которой территория Израиля была расширена¹¹.

Израиль прошел несколько этапов в оценке своих взаимоотношений с палестинскими арабами. В первые десятилетия существования государства сионистские лидеры были склонны вообще отказывать арабскому населению Палестины в праве на национальную общность. Достаточно вспомнить одиозные заявления израильского премьер-министра Г. Меир о том, что в Палестине нет такого народа, как палестинцы¹². С 1970-х гг. в этой позиции начинают происходить сдвиги, связанные, прежде всего, с той реальностью, с которой столкнулся Израиль на территориях, оккупированных в 1967 г. Биограф И. Рабина отмечает, что в окружении премьер-министра в 1974 г. считалось, что он относится к палестинцам с гораздо большей симпатией, чем Г. Меир. Тем не менее и сам И. Рабин, и большая часть израильского руководства в этот период не считали палестинский вопрос сердцевинной арабо-израильского конфликта, утверждая, что главная проблема состоит в характере отношений между Израилем и арабскими государствами¹³.

На протяжении 1970–1980-х гг. израильское руководство, независимо от того, принадлежало оно к левому или правому блоку, отвергало саму идею переговоров с ООП, рассматривавшейся им исключительно как террористическая организация. В 1986 г. Кнессет принял закон, налагавший запрет на несанкционированные контакты с представителями ООП, действовавший до 1993 г. Израильтяне делали ставку на поиски палестинских сил, альтернативных ООП. Однако в результате выборов 1976 г. на Западном берегу

¹¹ Примаков Е.М. Основополагающий конфликт // Россия в глобальной политике. № 3. Май–июнь 2009.

¹² The Sunday Times. London. 15.06.1969.

¹³ Slater R. Rabin of Israel. Warrior for Peace. N.Y.: Harper Paperbacks, 1996. P. 281–282.

многие муниципальные образования возглавили сторонники ООП. Ошибочной оказалась и тактика поддержки религиозно-политических группировок мусульман, сформировавших во второй половине 1980-х гг. движение ХАМАС на оккупированных территориях. Именно члены ХАМАС принимали наиболее активное участие в террористической деятельности против израильских граждан, развернутой палестинцами в период первой интифады (1987–1993 гг.).

Израильское видение мирного процесса как способа достижения территориального компромисса с палестинскими арабами сложилось в начале 1990-х гг. В 1992 г. Партия труда и ее союзники пришли к власти на волне ожиданий скорого урегулирования конфликта, которые были свойственны 65–70% израильтян¹⁴. Следует напомнить, что к этому времени израильское общество находилось в состоянии «усталости» от бесконечных актов насилия со стороны палестинцев. За шесть лет (1987–1993 гг.) в терактах погиб 161 израильтянин¹⁵. Инициаторы мирного процесса во главе с И. Рабином рассчитывали на то, что Я. Арафат как самая авторитетная и сильная фигура в Палестинском движении сопротивления сможет положить конец террору. Рабин говорил своим соратникам: «Пора снять маски на этом маскараде и начать говорить с самым главным начальником»¹⁶. К этому заключению подводила и безрезультатность двусторонних переговоров в Вашингтоне в формате Мадридской конференции, в которых ООП не принимала участия.

Серия закрытых палестино-израильских встреч при норвежском посредничестве, проходивших в Осло с конца 1992 г. на протяжении 1993 г., завершилась обменом письмами между премьер-министром Израиля И. Рабином

¹⁴ Slater R. Op. cit. P. 501.

¹⁵ Ibid. P. 600.

¹⁶ Ibid. P. 577.

и главой Организации освобождения Палестины Я. Арафатом о взаимном признании и начале мирных переговоров. Целью мирного процесса, как об этом говорилось в статье I Декларации принципов, подписанной в сентябре 1993 г.¹⁷, являлось достижение окончательного урегулирования на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН.

Окончательный статус палестинских территорий в процессе Осло был поставлен в зависимость от решения ключевых проблем израильско-палестинских и израильско-арабских отношений. В Декларации речь шла о создании на переходный период (пять лет) Палестинской самоуправляющейся администрации для Западного берега и Газы. По окончании этого периода предполагалось достичь соглашения по основным вопросам урегулирования – территориям, границам, проблемам беженцев и Иерусалима. Но несовместимые представления сторон о содержании окончательного статуса, которые так и не удалось сблизить в ходе переговоров, как представляется, и стали одной из главных причин краха процесса Осло.

Новый формат переговоров по урегулированию палестино-израильского конфликта был предложен в 2002 г. четверкой международных посредников – США, ЕС, ООН и Россией. В разработанной «квартетом» «Дорожной карте» уже со всей определенностью была поставлена цель поэтапного продвижения к созданию независимого демократического палестинского государства, которое будет существовать в мире и безопасности с Израилем и другими соседями. На основе заложенных в «Дорожной карте» принципов были возобновлены мирные переговоры между израильтянами и палестинцами по решению конференции в Аннаполисе, прошедшей в конце 2007 г.

¹⁷ The Israeli-PLO Declaration of Principles // Makovsky D. Making Peace with the PLO. Boulder: Westview Press, 1996. Appendix XIV.

Очевидно, что переговорный процесс на основе принципа двух государств является фактом совсем недавней истории. Он стал возможным, когда стороны формально признали друг друга и согласились вступить в прямой диалог. Однако за официальным фасадом сохраняются глубоко укоренившееся недоверие, подозрительность, просто нежелание по тем или иным причинам идти на уступки. Большинство палестинцев по-прежнему рассматривают конфликт как национально-освободительную борьбу арабского движения сопротивления с незаконно захватившими палестинскую землю колонизаторами, отказывая израильским евреям в законности их прав на собственное национальное образование. К этому добавляется позиция радикальных исламистов, которые, основываясь сугубо на религиозной концепции, полностью отрицают права Израиля как государственного образования, что, естественно, провоцирует ожесточенную реакцию всего израильского общества.

Израильтяне, со своей стороны, склонны видеть во всех палестинцах пособников террористов и особо акцентировать угрозу своему государству, исходящую от радикальных исламских группировок. Признавая необходимость территориальных уступок, большая часть израильского общества опасается соседства с государством, которое не только будет гораздо более враждебным к Израилю, чем многие другие арабские государства региона, но и не откажется от цели его уничтожения.

Возможен ли раздел?

В политическом истеблишменте Израиля, тем не менее, прекрасно осознают, что территории, оккупированные Израилем с 1967 г. и рассматривавшиеся на протяжении многих лет как буфер безопасности и «разменная монета»

в переговорах об окончательном урегулировании, перестают быть «полезным активом» и превращаются в тяжелую и в перспективе опасную обузу. Они утратили свое стратегическое значение в условиях, когда угроза обычной войны с арабскими странами фактически отпала. План одностороннего размежевания А. Шарона и вывод израильской армии и еврейских поселений из Газы в 2005 г. в значительной степени были продиктованы соображениями необходимости «отделиться» от палестинцев, снять с себя ответственность за положение на палестинских территориях. Эти меры были расценены международным сообществом как стремление Израиля в одностороннем порядке провести границы своей территории, тем более что строительство «стены безопасности» как нельзя лучше отвечало этой цели.

Политика одностороннего размежевания привела к новому обострению отношений между израильтянами и палестинцами. Она не обеспечивала территориальных решений, связанных с болезненной для палестинцев проблемой израильских поселений на Западном берегу. В результате израильской политики «свершившихся фактов» численность поселенцев на Западном берегу и в Иерусалиме, живущих за линией перемирия 1949 г., увеличилась с 364 тыс. в 2000 г. до 450 тыс. в настоящее время¹⁸. Официально израильские поселения занимают незначительную часть Западного берега – всего 1,7% территории, но с муниципальными зонами вокруг поселений, с зонами безопасности и дорогами, связывающими поселения, израильская инфраструктура, по данным ООН, занимает почти 40% его площади. Палестинское население на За-

¹⁸ Носенко Т.В. Оккупированные территории и поселенческая политика Израиля: история и некоторые правовые аспекты // Государство Израиль: политика, экономика, общество. М.: ИВ РАН, 2006. С. 93.

падном берегу разделено на несколько изолированных кантонов, сгруппированных вокруг основных палестинских городов и окруженных пропускными пунктами. Израиль сохраняет за собой контроль за передвижением людей и товаров между Газой и Западным берегом. Израильская армия по-прежнему при возникновении острых ситуаций пользуется свободой действий на Западном берегу, а также и в Газе, как показала операция «Литой свинец».

Вывод даже небольшой части поселенцев, проживающих на Западном берегу, весьма проблематичен. Переселение 60–80 тыс. человек (а именно такие цифры назывались предыдущим правительством Э. Ольмерта) потребуют колоссальных затрат – оценочно в 10 млрд. дол., притом что израильское общество до сих пор не оправилось от травмы, нанесенной ему эвакуацией в 10 раз меньшего числа поселенцев из Газы в 2005 г.

Из более чем 100 незаконных поселений, возникших после 2001 г., демонтирована лишь небольшая часть, а значит, не выполняется одно из основных условий «Дорожной карты» и договоренностей в Аннаполисе. Поселенцы, особенно молодое поколение, оказывают яростное сопротивление любым попыткам властей пресечь создание незаконных поселений, так называемых форпостов, и этот ползучий захват земель находит поддержку в верхних эшелонах власти¹⁹. Кроме того, в Израиле существует мощное лобби, которое содействует поселенческой деятельности в силу определенной материальной заинтересованности или по идеологическим соображениям. Причем для получения государственных ассигнований на развитие поселений лоббисты нередко идут на политический шантаж в отношении правительства.

¹⁹ В ноябре 2007 г. Кнессет проголосовал против принятия заявления об эвакуации 105 незаконных форпостов – см.: *Jerusalem Post*. 22.11.2007.

Отсутствие перспектив решения территориального вопроса усугубляется ситуацией на палестинских территориях. Два десятилетия спустя после того, как ООП согласилась с возможностью раздела Палестины на два государства, палестинские арабы вынуждены были убедиться, что их лидеры не справились с управлением территорией под их контролем и налаживанием ее хозяйства. Сегодняшнее состояние палестинской экономики значительно хуже, чем 15–20 лет тому назад: каждый третий из пяти палестинцев живет за чертой бедности; собственная доходная база бюджета Палестинской администрации постоянно сокращается, а 30% бюджета составляет иностранная помощь. За последние 15 лет международное сообщество направило на палестинские территории более 12 млрд. дол. С 2004 по 2007 г. помощь палестинцам по различным гуманитарным программам ООН более чем удвоилась²⁰, но эффективность ее использования крайне низка. Негативно на развитии всей ситуации сказывается и высокий уровень коррумпированности во всех структурах Палестинской администрации.

Раскол в Палестинском национальном движении ослабляет его изнутри. Укрепление позиций ХАМАС и других радикальных исламских группировок на палестинских территориях снижает возможность достижения прочных и долговременных договоренностей с палестинской стороной, тем более что влияние нынешних палестинских лидеров в массах несопоставимо с авторитетом общенационального лидера, какой имел Я. Арафат. Перспектива создания собственного государства остается весьма неопределенной.

²⁰ *Bitterlemons*. 25.09.2008. Ed. 38, Vol. 6 // <http://www.bitterlemons-international.org/previous.php>

Возвращение к идее единого двунационального государства

В отсутствии динамики в переговорном процессе и реальных условий для претворения в жизнь принципа двух государств палестинцы возвращаются к идее решения конфликта на основе принципа одного государства. Этот вариант находит поддержку в последнее десятилетие и среди части интеллектуального сообщества Западной Европы, и – в меньшей степени – в США²¹.

Многие палестинские умеренные деятели, сохраняя приверженность принципу двух государств, признают, что решение конфликта на его основе практически неосуществимо. По выражению президента университета Аль-Кудс Сари Нуссейби, «мысль движется в одну сторону, реальность – в другую»²². В этих кругах высказываются предложения о возможности роспуска Палестинской администрации и возвращении к управлению территориями по схеме до 1994 г., когда палестинские арабы осуществляли местное самоуправление при сохранении израильской оккупационной администрации. Такой статус территорий, как они считают, позволит их населению бороться ненасильственными методами за реализацию своих прав в рамках одного государства.

Программы по решению палестинского национального вопроса разрабатываются и в палестинской диаспоре в западных странах. «Группа палестинской стратегии»²³,

²¹ См. по этой теме: <http://www.one-state.net>; *Tilley V. The One State Solution: A Breakthrough for Peace in the Israeli-Palestinian Deadlock.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.

²² *The Times*. 02.03.2009.

²³ <http://www.palestinestrategygroup.ps>

выступившая со своим манифестом летом 2008 г. в Великобритании, отдает предпочтение принципу двух государств. В то же время члены этой группы, явно под влиянием светских либеральных идей западных интеллектуалов, разрабатывают и сценарий единого государства как предупреждение Израилю о возможном ходе развития событий в случае, если он будет блокировать создание палестинского государства.

Возвращение палестинцев к идее одного государства, вероятно, является самым плачевным итогом прошедших двух десятилетий. Ведь палестинское национальное сознание так и не смирилось с существованием Израиля, и это тем более опасно, что наряду со светским палестинским национализмом его исламистский соперник, исходя из другого мировоззрения, также придерживается стратегии отрицания противостоящей стороны. Естественно, что при таких условиях продвижение идеи единого двунационального государства рассматривается в Израиле как угроза самому существованию еврейского населения.

Варианты решения проблемы

Для Израиля принцип одного государства означает отрицание всего сионистского проекта и всех результатов его реализации. Немногочисленные сторонники этого варианта среди самих евреев еще в догосударственный период подвергались остракизму и представляли маргинальное течение в сионизме. И в наши дни отдельным представителям израильских академических кругов и культурной элиты сохранение еврейского характера государства не кажется таким уж бесспорным императивом. Тем не менее подавляющее большинство израильтян и сегодня видит в историческом выборе, сделанном 60 лет

тому назад, когда было создано еврейское государство, смысл существования Израиля.

В правом лагере в Израиле сложилась твердая убежденность в том, что любые переговоры с палестинцами и территориальные уступки им только усугубляют проблемы безопасности страны. Аргументом здесь служит интифада Аль-Аксы, рассматриваемая как прямое следствие мирного процесса Осло. Вторая ливанская война 2006 г. и изгнание ХАМАС представителей ФАТХ из Газы летом 2007 г., вследствие чего была поставлена под угрозу безопасность юга страны, также считаются результатом политики свертывания израильского присутствия на юге Ливана и в секторе Газа. Некоторые правые аналитики постоянно убеждают аудиторию в нецелесообразности создания палестинского государства²⁴. Гораздо перспективнее, с их точки зрения, сохранение статус-кво, поскольку, как показывают последние десятилетия, Израиль становится сильнее, а палестинцы слабее.

Однако сохранение статус-кво на территориях и отсутствие динамики в переговорном процессе на основе принципа двух государств как раз и втягивает Израиль в реальность одного государства. Согласно не самым пессимистическим оценкам, через 5–6 лет арабы будут составлять большинство или, по крайней мере, не менее 40% населения на территории, расположенной между р. Иордан и Средиземным морем. Это значит, что в пределах этих границ Израиль не сможет в долгосрочной перспективе сохранить себя как государство еврейского народа, в котором, в соответствии с основными установками сионизма, большинство должны составлять евреи. Кроме того, продолжая удерживать территории,

²⁴ *Rubin B.* Time is on my side // Gloria Center Global Research in International Affairs. IDC Herzlia – 28.09.08/ <http://www.gloriacenter.org>

на которых проживают миллионы палестинцев, Израиль ставит под удар свою международную репутацию. Израильская оккупационная политика дает основания международному сообществу оправдывать насилие и военные средства борьбы, применяемые палестинцами против него. Решение территориальной проблемы становится жизненно важно для Израиля. Известный израильский историк и политолог А. Сассер заметил в связи с этим: «Идеальная ситуация, которую мы унаследовали после 1967 г., когда, как нам казалось, у нас было сколько угодно времени, чтобы не принимать никаких решений, кончилась»²⁵.

Нынешнему премьер-министру Б. Нетаньяху окончательное мирное урегулирование с палестинцами видится как ряд паллиативных мер. Он в первую очередь делает упор на оказании содействия экономическому развитию палестинских территорий. Вступив в должность в апреле 2009 г., израильский премьер на первых порах вообще не желал публично произносить сакраментальную формулу «два государства для двух народов». Лишь под давлением американской дипломатии и самого президента Б. Обамы Б. Нетаньяху в своей программной речи по вопросам внешней политики в университете Бар-Илан 14 июня 2009 г. заявил: «...При условии гарантий демилитаризации и при условии признания палестинцами Израиля как еврейского государства мы готовы пойти на заключение настоящего мирного соглашения, когда демилитаризованное палестинское государство будет существовать бок о бок с еврейским государством»²⁶. Поставленные перед палестинцами предварительные условия для продвижения

²⁵ *The Jerusalem Review.* A Journal of Foreign Policy. Vol. 1. № 1. 2006–2007. P. 67.

²⁶ *Haaretz.* 14.06.2009 – <http://www.haaretz.com>

по пути к миру, тем не менее не были уравновешены какими-либо обязательствами Израиля относительно дальнейшей судьбы поселений на Западном берегу. Новое израильское руководство сразу жестко расставило все точки над *i* по таким ключевым проблемам урегулирования, как, например, Иерусалим и палестинские беженцы, дав понять, что для него неприемлемы компромиссные достижения процесса Осло.

По существу заявленная израильским правительством позиция является повторением варианта ограниченной автономии палестинцев в разрозненных и территориально несвязанных кантонах при сохранении в более мягкой форме режима дискриминации арабов. Он вряд ли обеспечит долгосрочное устойчивое решение конфликта, так как не ликвидирует условий для продолжения сопротивления палестинцев политике, ущемляющей их национальные права на создание собственного независимого полноценного государства. Уже сегодня палестинские общественные лидеры выражают недоверие Палестинской администрации, указывая, что она превращается в коллаборационистский режим типа Виши, в агента по обеспечению безопасности Израиля. Полумеры в решении палестинской проблемы приведут к новым вспышкам насилия на территориях и заставят Израиль усиливать репрессивную политику, которая уже стоила ему большой крови и материальных затрат и серьезно подорвала его имидж в мире.

Немногочисленные радикально настроенные крайне правые националисты в Израиле включая лидера партии «Израэль Бейтену» А. Либермана, занимающего пост министра иностранных дел в правительстве Б. Нетаньху, сегодня вновь поднимают вопрос о трансфере (выселении) арабов и с оккупированных территорий, и с территории Израиля в границах 1967 г. В интерпретации Либермана, в будущее палестинское государство должны быть вклю-

чены районы компактного проживания израильских арабов, а еврейские поселения на Западном берегу должны стать частью Государства Израиль. С учетом того, что большинство арабов, граждан Израиля, отрицательно относится к перспективе их насильственной передачи под суверенитет палестинского государства, вряд ли какой-либо здравомыслящий израильский политик возьмется за осуществление этой идеи. Такого рода этнические чистки квалифицируются в современном международном праве как преступление против человечности. Для многих израильтян, в национальном сознании которых глубоко укоренилась память о многовековых гонениях на еврейский народ, с моральной точки зрения такое решение арабского вопроса представляется недопустимым.

В последнее время в экспертных кругах ближневосточников участились отсылки к «иорданскому», а в нынешних условиях к «иорданско-египетскому варианту», подразумевающему какую-то форму интеграции Западного берега с Иорданией, а сектора Газа с Египтом. Его трудно обсуждать всерьез, так как обе арабские страны не готовы взять на себя эту ответственность. Слишком большими могут оказаться издержки такого решения для Египта, который в течение многих десятилетий ведет внутреннюю борьбу с радикальными исламскими группами, прежде всего с организацией «Братьев-мусульман». Газа, где в настоящее время доминирует ХАМАС, вряд ли может представлять собой привлекательное территориальное приобретение для Египта.

В Иордании в отличие от 1940-х – начала 1950-х гг., когда Хашемитская династия претендовала на владение всей Палестиной, в настоящее время сложился консенсус относительной собственной национальной идентичности, выраженный в формуле «Иордания есть Иордания». При этом в Иордании уже проживает, по некоторым оценкам,

почти 2 млн. палестинцев, что составляет около трети всего иорданского населения. Включение в состав государства дополнительно миллионных масс палестинцев неизбежно ставит под угрозу новый заявленный характер иорданского государства, что противоречит интересам его национальной элиты²⁷.

Как представляется, на сегодняшний день принцип двух государств остается единственным вариантом, который может быть положен в основу урегулирования палестино-израильского конфликта. Перспектива его реализации в большой степени зависит от активизации международного посредничества, в том числе от более динамичных действий всех членов «квартета» включая Россию. В Соединенных Штатах новая администрация президента Б. Обамы явно демонстрирует намерение усилить нажим на обе стороны конфликта в целях продвижения в направлении создания палестинского государства, пока эта возможность не закрылась окончательно. Конечно, на этом пути стоит немало серьезных препятствий. И в Израиле, и на палестинских территориях в последнее десятилетие произошло серьезное укрепление позиций экстремистских сил. На выборах в Израиле в феврале 2009 г. победу одержали правые партии, часть из которых полностью отвергает идею палестинского государства, а другая часть не готова к кардинальным территориальным компромиссам ради его создания. На палестинской стороне жесткая израильская операция в Газе в январе 2009 г. не привела к снижению популярности движения ХАМАС.

Надежда остается на то, что цепь насилия в отношениях израильтян и палестинцев могут разорвать лишь ре-

²⁷ См. по этому вопросу: Lynch M. *Jordan's Identity and Interests/ Identity and Foreign Policy in the Middle East* / Ed. by Sh. Telhami & M. Barnett. Cornell University Press. 2002. P. 47.

зультативные переговоры, которые будут демонстрировать той и другой стороне явные преимущества от реализации достигнутых мирных договоренностей по сравнению с нынешней ситуацией переговорного тупика. Ссылки на неудачный опыт процесса Осло не представляются убедительными. Нельзя забывать, что это была первая за многие десятилетия серьезная попытка добиться каких-либо взаимоприемлемых решений в прямых переговорах. В ходе них был выработан ряд предложений и найдены развязки, которые свидетельствуют о реальности компромиссов, а значит, и последующего прекращения палестино-израильского конфликта. Но переговорный процесс оказался заложником внутривосточного противостояния по обе стороны «баррикад» – борьбы за власть как в Израиле, так и в палестинской среде. Достигнутые договоренности тут же использовались политическими противниками договаривающихся лидеров как козырные карты для их дискредитации и смещения с руководящих позиций. Кроме того, негативную роль сыграли необоснованные расчеты Я. Арафата использовать силовое давление на израильтян посредством манипуляции экстремистскими палестинскими группировками. В свою очередь, правое правительство в Израиле, пришедшее к власти в 1996 г., намеренно тормозило выполнение достигнутых договоренностей, исподволь подталкивая к провокационным выступлениям крайне националистические круги внутри Израиля и экстремистски настроенную часть поселенцев. К внешним факторам, отрицательно сказавшимся на ходе мирного процесса, следует отнести его слабую поддержку арабскими странами, которые, как уже случалось не раз, руководствовались исключительно собственными, противоречивыми друг другу интересами.

И все же безопасность государства и каждого гражданина, которые сегодня ставятся во главу угла руководством

Израиля, не могут быть обеспечены без установления мира. Исторический опыт свидетельствует о том, что в результате достижения мирных договоренностей с Египтом и Иорданией была устранена военная угроза Израилю со стороны ведущих арабских стран, а, следовательно, и всего арабского мира. Он получил возможность для спокойного внутреннего развития, а также целый ряд политических и дипломатических преимуществ. Что же касается терроризма, то и в ликвидации его угрозы результативный мирный процесс может сыграть весьма серьезную роль. Если палестинцы убедятся, что мирное взаимодействие с Израилем действительно открывает совершенно реальную перспективу создания жизнеспособного независимого государства и единственным тормозом на этом пути оказывается ХАМАС, то в палестинском обществе возникнет мотивация для коренного изменения отношения к этой организации, для отказа от поддержки любых ее действий. Только изоляция ХАМАС внутри палестинского общества может лишить его способности проводить свою нынешнюю линию.

Н.А. Семенченко

ВНЕПАРЛАМЕНТСКИЙ ЛЕВЫЙ ПРОТЕСТ В ИЗРАИЛЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1967 г.

О левых движениях протеста в Израиле написано немного. О них стыдливо умалчивают и отечественные авторы, и израильские исследователи, очевидно считая их политическими маргиналами, не оказывавшими влияния на общий политический курс. Однако они были, возникнув – что особенно примечательно – в условиях эйфории после Шестидневной войны. Без рассказа об их деятельности израильская история предстает более прямолинейной, лишенной отдельных красок и оттенков.

Шестидневная война полностью изменила политическое самосознание израильтян. Результаты этой войны оказали весьма существенное влияние на общественную жизнь страны. Едва ли не все политические силы в стране разделились на два лагеря: на сторонников «Великого Израиля», не сомневавшихся в готовности арабов заключить мир на любых условиях, и на тех, кто считал, что мира реально можно добиться лишь путем территориальных, в том числе и значительных, уступок.

Это разделение нашло свое выражение в деятельности двух организаций – Движение за Великий Израиль и Движение за мир и безопасность. «Оглядываясь в прошлое, можно увидеть, что истоки радикализации в Израиле в последние десятилетия исходят именно из этих

двух движений и их мировоззрения», – писал израильский исследователь¹.

Каждое из этих движений рьяно пропагандировало свою платформу, проводило симпозиумы и составляло петиции. В целом деятельность обоих была направлена на завоевание общественной поддержки. Однако ни одно из этих движений не организовывало уличные протесты или демонстрации.

Радикализация, которая наметилась после Шести-дневной войны, стала усиливаться, так как время шло, а главный вопрос – о мире, Земле Израиля и ее границах – оставался неразрешенным.

Во главе победившей в войне страны стояло правительство, не имевшее четкой единой позиции в отношении дальнейших политических шагов. После долгого напряжения, в котором прибывало население в ожидании неизбежной войны, наступила глубокая эйфория от легкой военной победы над арабами, от возможности свободного доступа к еврейским святыням. Израильское общество ликовало и праздновало блестящую победу, которая сняла напряженность, накопившуюся в предвоенный период, в течение которого многие израильтяне чувствовали угрозу и всерьез переживали за будущее своей страны. Победа же, особенно ее стремительность, трактовалась как чудо, как спасение.

Эйфория от победы рассеивалась медленно. Однако от политического руководства ждали конкретных решений. В состав правительства Национального единства входили доминирующая лейбористская партия МАПАЙ и правый блок ГАХАЛ во главе с М. Бегином.

¹ Шпринцак Э. Бейн меха хуц-парламентарит летерор: Алимут политит бисраэл (Между внепарламентским протестом и террором: политическое насилие в Израиле). Иерусалим, 1995. С. 48.

Позиция Бегина была жесткой. Он не признавал никаких компромиссов.

Члены правительства от ГАХАЛ проявляли постоянную бдительность с тем, чтобы лейбористские лидеры не предприняли шагов, которые могли бы привести к территориальным уступкам. И хотя партия МАПАЙ не настолько зависела от блока ГАХАЛ, чтобы опасаться вотума недоверия в Кнессете, ее лидеры были склонны сохранить правительство в данном составе и соглашались с некоторыми позициями блока ГАХАЛ.

Поскольку арабы не были готовы на компромисс и на переговоры с Израилем, ведущая правительственная партия МАПАЙ приняла «решение не принимать политических решений». Такая тактика способствовала сохранению правительства Национального единства и вместе с тем удовлетворяла различные фракции, существовавшие внутри самой Партии труда, прежде всего потому, что они не могли придти к единому политическому согласию.

Действующий премьер-министр Леви Эшкол (он же – преемник Бен-Гуриона в должности главы МАПАЙ) нашел компромиссное решение территориальной проблемы. Израиль не строил планов в отношении оккупированных территорий; они считались лишь «залогом», удерживаемым до тех пор, пока арабские страны не пойдут на диалог. Также выдвигалось требование, что арабы должны согласиться вести переговоры в соответствии с достигнутой на текущий момент ситуацией. На практике это означало, что у Израиля было предостаточно времени. В то же время, будучи либеральной демократической страной, Израиль должен был организовывать и поддерживать приемлемые условия проживания для населения оккупированных территорий.

После войны начались дискуссии об ее результатах и о дальнейшей судьбе оккупированных территорий. От-

ношение израильских политических сил к возможностям и различным путям урегулирования конфликта было неоднозначно. Сторонники концепции «мир в обмен на территории», т.е. уход из сектора Газа, с Западного берега р. Иордан и Голанских высот, получили название «голуби». Сторонники «Великого Израиля», т.е. сохранения оккупированных территорий, были названы «ястребы».

Решение партии МАПАЙ «не принимать политических решений» относительно оккупированных территорий вызвало недовольство как «ястребов», так и «голубей». Экспансионисты справа воспринимали решение лейбористских лидеров как готовность отдать территории в обмен на мир, в случае если арабы будут готовы идти на урегулирование конфликта, и тем подвергнуть опасности мечту о «Великом Израиле».

«Голуби» левого крыла, со своей стороны, обвиняли правительство в том, что оно недостаточно использует подлинные инициативы, которые могли бы подтолкнуть арабов изменить свой воинственный настрой против Израиля. Они также требовали от правительства мер, препятствующих созданию поселений на оккупированных территориях.

Если «ястребы» видели в позиции правительства отход от окончательной аннексии оккупированных в 1967 г. территорий, то «голуби» усматривали в решении правительства скрытый план ползущей аннексии².

Очевидное желание правительства получить территориальные уступки в обмен на мир тормозило активизацию общественных сил в стране. Однако со временем, по мнению умеренных («голубей»), некоторые обстоятельства поставили под сомнение намерение правительства

² *Bar-On M.* In Pursuit of Peace. Washington, D.C.: US Institute of Peace Press, 1996. P. 45.

заклучить мир с арабами. К таким обстоятельствам можно отнести: создание еврейского поселения в Хевроне (1968 г.), разгон палестинских демонстрантов в секторе Газа, уничтожение палестинских домов, хозяева которых якобы сотрудничают с террористами, отказ правительства разрешить встречу Н. Гольдмана, президента ВЕК, с президентом Египта и т.д. Эти события оказали спланированный эффект на огромное количество израильских «ястребов», увеличив их скепсис насчет намерений правительства урегулировать конфликт с арабами через поиск территориального компромисса и мирных переговоров.

В разгар общественных дебатов о будущих границах Израиля группа «ястребов», особо эмоционально принимавшие идеи «Великого Израиля», из рядов партии МАПАЙ и не только, во главе с поэтом Н. Альтерманом (МАПАЙ) и писателем М. Шамиром (МАПАМ) организовала лобби против ухода с оккупированных территорий. 31 октября 1967 г. на митинге в Тель-Авиве официально было оформлено Движение за Великий Израиль. Принятым Движением манифест был подписан 57 выдающимися израильцами, включая писателей, поэтов, ученых, военачальников, представителей крупного бизнеса и раввинов. В Движение вошли лидеры Национальной религиозной партии (МАФДАЛ), ряд учеников З.Жаботинского, но большинство составили выходцы из рядов МАПАЙ³.

Хотя большинство членов Движения не были религиозными, часть его манифеста была сформулирована в чисто религиозных терминах. В тексте его говорится: «Вся Земля Израиля находится сейчас в руках еврейского народа, и как нам не позволено отказаться от Госу-

³ *Bar-On M.* Op. cit. P. 49.

дарства Израиль, так нам приказано сохранить то, что мы получили там от Земли Израиля. Мы обязательно будем верны целостности нашей страны – как ради прошлого, так и ради будущего нашего народа, – поскольку ни одно правительство в Израиле не имеет права отказаться от этой целостности (страны. – *Н.С.*)»⁴.

«Ястребам» в Израиле противостояли умеренные круги общественности. Группы сторонников мира с арабами существовали в Израиле еще до войны 1967 г., хотя они и были совсем невелики по численности. Основным вопросом, который их объединял, был вопрос о палестинских беженцах и их правах. После захвата новых территорий в 1967 г. он был отеснен проблемой более глобальной – о самом характере Государства Израиль и его границах⁵.

Сторонники мира – те, чья точка зрения на арабо-израильский конфликт еще до войны отличалась от позиции большинства израильтян, – отнеслись к завоеванию Западного берега и сектора Газа как к новой возможности для заключения мира с арабами.

9 июня, практически, когда война еще не закончилась, известный израильский журналист, в тот период депутат Кнессета Ури Авнери, обратился к премьер-министру Л. Эшколу с письмом, в котором «умолял» его создать палестинское государство на только что оккупированных территориях и заключить с этим государством мирный договор⁶.

Начиная с лета 1967 г ряд ведущих израильских ученых – историки, социологи и др. – периодически публи-

⁴ *Isaac R.J.* Israel Divided: Ideological Politics in the Jewish State? Baltimore: John Hopkins University Press, 1976. P. 61 (in: *Hall-Cathala D.* The Peace Movement In Israel 1967-87. Oxford: St Antony's/Macmillan Series, 1990. P. 6).

⁵ *Hall-Cathala D.* Op. cit. P. 29.

⁶ *Bar-On M.* Op. cit. P. 46.

ковали в прессе статьи против оккупации и призывали правительство признать права палестинцев и предпринять шаги, которые могли бы открыть путь к переговорам с соседними арабскими странами.

В сентябре 1967 г. группа общественных деятелей Израиля опубликовала в газете «Гаарец» обращение, в котором содержалось предупреждение, что «оккупация влечет за собой чужую власть. Чужая власть влечет за собой сопротивление, а сопротивление – угнетение, угнетение влечет за собой террор и контртеррор. Жертвами террора обычно бывают невинные люди... Сохранение оккупированных территорий превратит нас в народ, который убивает и которого убивают»⁷.

Однако решение правительства «не принимать решений» не означало «не действовать». Министры – сторонники заселения оккупированных территорий направляли свои усилия на создание прецедентов («фактов на земле»), утверждающих израильское присутствие на этих территориях. Прошло совсем немного времени, и группы, поддерживающие оккупацию арабских территорий, решили стимулировать правительство на принятие нужных им решений через поддержку неофициальных программ создания поселений на этих территориях. Усиление правых настроений в обществе и бездействие правительства, вызывали тревогу в рядах либеральной интеллигенции и опасения, что планы по заселению территорий осуществляются по инициативе государственных властей. Эти люди считали своим долгом попытаться остановить «скатывание общества вправо»⁸.

В начале 1969 г. профессора университетов организовали группу – Призыв к миру и безопасности. Суть их

⁷ *Арахим.* Тель-Авив. 1970. № 4. С. 10.

⁸ *Hall-Cathala D.* Op. cit. P. 28.

«призыва» была в том, чтобы развенчать опасные иллюзии, возникавшие у сторонников «Великого Израиля». В их выступлении содержался призыв к правительству быть более осмотрительным, поскольку неверные действия в сложившейся ситуации могли бы привести к появлению геополитической единицы, половина населения которой состояла бы из палестинских арабов. В этих условиях Государству Израиль угрожало одно из двух: либо перестать быть еврейским, либо перестать быть демократическим.

Среди профессоров, выступивших с Призывом, были Я. Талмон, Н. Ротенстрейк, Й. Ариели, Я. Кац и Ш.Н. Айзенштат – видные ученые и активные политики. Хотя среди израильских ученых и профессоров были и сторонники милитаризма и насильственного присоединения территорий, у большинства населения Израиля и СМИ именно представители Призыва к миру и безопасности пользовались наибольшим и несомненным авторитетом. Следует отметить, что лидеры этой группы были далеки от создания оппозиции режиму и существующей политике. Они считали себя лишь наставниками и предупреждали, пренебрежение их советами обойдется Израилю слишком дорого⁹.

Вероломное вторжение правозэкстремистского раввина Ш. Левингера и его сторонников в арабский город Эль-Халиль (Хеврон) и основание там еврейской иешивы при полном попустительстве правительства подтолкнуло академические круги к более решительным действиям. 1 июля 1968 г. на конференции в Тель-Авиве было создано Движение за мир и безопасность. Принятая Движением хартия содержала требование к правительству «зая-

⁹ *Kaminer R.* The Politics of Protest. Sussex Academic Press, UK, 1990. P. 9–10.

вить недвусмысленно, что Государство Израиль не намерено аннексировать территории. И будет придерживаться принципов ухода с контролируемых территорий, при достижении мирного соглашения, основанного на согласованных и безопасных границах»¹⁰.

В этот период возник целый ряд небольших сионистских групп, выступавших за возвращение оккупированных земель и за урегулирование ближневосточного конфликта на основе резолюции 242 Совета Безопасности ООН. К ним относились Комитет за мирную инициативу, Брит хасмол (Союз левых), отколовшийся в 1969 г. от партии МАПАМ, когда последняя вошла в состав блока Маарах, а также ряд других организаций. Это были малочисленные и маловлиятельные группы, к которым примкнули отдельные члены некоторых общественных организаций, представители творческой и научной интеллигенции. Оказывали поддержку этим группам известные журналисты, писатели и студенты исходя из соображений справедливости, национальных и гражданских чувств, а также из боязни, что оккупация поставит под угрозу израильскую демократию.

В Кнессете с осуждением Шестидневной войны и политики правительства выступила лишь партия РАКАХ (Новый коммунистический список), образовавшаяся в результате раскола в рядах КПИ в 1965 г.

Первое же внепарламентское «пробуждение» после войны проявилось на левом политическом фланге и сосредоточилось главным образом в деятельности двух малочисленных групп – Мацпен и СИАХ.

Мацпен – марксистско-троцкистская, антиссионистская группа, действовавшая на левой политической периферии Израиля. Она была образована в 1962 г. отколовшей-

¹⁰ *Bar-On M.* Op. cit. P. 50–51.

ся от КПИ небольшой троцкистской группой, которая была связана с международным секретариатом Интернационала. Ее появление прошло для израильской общественности незаметно. Официальное название этой организации было «Израильская социалистическая организация», но известна она по названию своей газеты «Мацпен» («Компас»). Группа эта имела много общего с аналогичными западноевропейскими организациями того периода. Все они в начале 1960-х гг. были ориентированы на Третий мир и его героев: Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, Фиделя Кастро и Че Гевару. В Израиле эти идеи не были актуальны и не вызывали не только симпатии, но и интереса.

Однако эта леворадикальная группа считала, что после Шестидневной войны Израиль, оккупировавший территории, принадлежавшие странам Третьего мира, присоединился таким образом к международному империализму. Открытая солидарность с борьбой палестинского народа на оккупированных территориях предоставила Мацпен редкую возможность выполнить пробуждающую и будоражающую общественность функцию подобно Новым левым и троцкистским группам в Европе¹¹.

Мацпен развернула активную деятельность против оккупации. Она проводила уличные демонстрации, акции протеста, вступала в словесные перепалки. Израильский ученый Э. Шпринцак отмечал, что Мацпен обеспечила себе на годы важное место в заголовках израильской прессы и в определении повестки дня общественных дебатов¹². Действительно, численность этой группы

¹¹ Шпринцак Э. Бейн меха хуц-парламентарит летерор... С. 48.

¹² Шпринцак Э. Ницаней политика шел де-легитимюот беисраэл 1967–1972 (Ростки политики делигитимации в Израиле, 1967–1972). Иерусалим, 1973. С. 42–51.

(не больше 40–50 человек) никак не соответствовала уровню ее активности. Сообщения о демонстрациях и выступлениях Мацпен практически не сходили с первых полос ежедневных газет. Благодаря радикальной критике Израиля и его роли в регионе группа привлекала внимание и международных кругов, а ее радикализм и отрицание официального курса еще долго оказывали влияние на многих молодых радикалов.

Группа СИАХ (Смол исраэли хадаш – Израильские Новые левые) возникла в 1969 г. под влиянием Новых левых, существовавших в Европе и США в середине 1960-х гг., и на фоне сопротивления израильской оккупации Западного берега и сектора Газа. В состав СИАХ вошли: группа молодежи, связанной с киббуцианским движением, во главе с Р. Коэном, отколовшаяся в 1969 г. от партии МАПАМ, когда последняя вошла в состав блока Маарах; покинувшая МАКИ группа во главе с Д. Петером; а также группа представителей израильской интеллигенции¹³.

СИАХ, в отличие от Мацпен, была в своей основе сионистской группой. Молодые сионисты искренне верили, что можно достичь мира с арабами, если Израиль вернется к границам 4 июня 1967 г.¹⁴. Максимальный мобилизационный ресурс движения достигал нескольких сотен активистов и демонстрантов. По силе и финансированию оно не могло, конечно, сравниться с парламентской фракцией, однако по энергетике и энтузиазму вполне заслуживало общественного внимания.

СИАХ, в сущности, состояла из двух групп, созданных в Тель-авивском и Иерусалимском университетах, и изначально воздерживалась от работы по какой-либо

¹³ Гаарец. 10.08.1970.

¹⁴ Шпринцак Э. Бейн меха хуц-парламентарит летерор... С. 49.

общей программе. Каждая группа была автономной, а совместные действия координировались специальным комитетом.

СИАХ опиралась в основном на студенческую молодежь из Движения за мир и безопасность, на немногочисленных членов кибуцев и на интеллигенцию. Члены СИАХ считали, что в центре арабо-израильского конфликта лежит палестинская проблема, а причина всех войн между Израилем и арабами – неосуществленное право палестинцев на самоопределение. В интервью газете «Давар» Д. Петер указал на основные задачи, стоящие перед СИАХ, главная из которых «противостоять экспансионистскому курсу Израиля на оккупированных территориях». Далее Д. Петер отметил, что СИАХ считает границы 4 июня 1967 г. основой для мирных переговоров, при этом допускает некоторую коррекцию линии границ¹⁵.

Разногласия в рядах СИАХ по поводу линии границ, участия в парламентских выборах, в отношении к сионизму и т.д. привели к расколу организации на ряд мелких группировок, которые со времени растворились во вновь созданных политических партиях и блоках.

Оценивая события конца 1960-х гг., можно охарактеризовать деятельность групп Мацпен» и СИАХ как маргинальные события. Число их сторонников и демонстрантов вместе не превышало нескольких сотен, а их влияние на принятие правительством политических решений было мизерным.

Тем не менее их историческое значение заключалось в том, что они внесли в общественную жизнь страны штамп политической деятельности против истеблишмента, не наблюдавшийся в Израиле после 1950-х гг. Мац-

пен и СИАХ ввели в практику небывалую ранее «уличную политику», благодаря которой внимание к ним СМИ было намного больше, чем их практическое влияние на правительственную политику.

Основная деятельность этих групп сосредотачивалась в выступлениях против оккупации и против жесткой позиции правительства по отношению к арабским странам, а также в организации петиций, митингов, публичных посланий и симпозиумов. Большинство их демонстраций были разрешены, а столкновения, если и случались, то в основном между различными группами самих демонстрантов. Так, например, в марте 1968 г. имело место столкновение членов Мацпен со студентами от ГАХАЛ, а в мае того же года – с демонстрантами от МАКИ. Активисты Мацпен, возмущавшие общественность своей солидарностью с ООП и своей антиизраильской пропагандой за рубежом, остерегались участвовать в акциях насилия и не сталкивались с полицией.

С другой стороны, в своих посланиях и выступлениях активисты Мацпена ясно говорили о делигитимации Государства Израиль. А наиболее радикальные из них стали сотрудничать с ООП – «врагом» Израиля. Маленькая группировка во главе с Э. Адивом, которая называла себя «Красный фронт», стала передавать информацию палестинским группировкам, которые планировали акты насилия против Израиля за его пределами¹⁶.

Группа СИАХ, идеологически не столь радикальная, как Мацпен, позволяла себе акты насилия и столкновения с полицией: ее члены пытались войти в г. Хеврон и закрыть там столовую поселенцев; они серьезно столкнулись с полицией, когда их удаляли со двора резиденции премьер-министра Г. Меир, где они намеревались

¹⁵ *Давар мосф.* 08.06.1972.

¹⁶ *Шпринцак Э.* Ницаней политика... С. 50.

создать псевдопоселение; они оказали силовое сопротивление требованиям военных на оккупированных территориях не распространять листовки против оккупации. Особенно жестким было столкновение с полицией в ходе первомайской демонстрации 1972 г. С открытием XXVIII Сионистского конгресса в Иерусалиме в январе 1972 г. они выступили с требованием быть представленными в Конгрессе. Полиция жестоко разогнала их пикет.

В заявлении СИАХ от 19 апреля 1970 г. лидеры группы объясняли, что «члены СИАХ не сторонники насилия и не заинтересованы в нем, но они опираются на демократическое право демонстрировать свое отношение в случаях технического нарушения закона, когда нарушаются или ущемляются демократические права, а также выступать против действий и упущений властей, наносящих ущерб возможностям достижения мира... между этим и иницируемым насилием нет ничего общего»¹⁷.

Внепарламентская деятельность СИАХ была сформулирована как концепция в ходе долгих обсуждений. И хотя эти обсуждения не смогли привести к преодолению многих теоретических разногласий, был выявлен базовый консенсус в вопросе о существующей необходимости внепарламентской деятельности – то, что Р. Каминер, один из лидеров СИАХ в Иерусалиме, определил как концепцию необходимости в «Action Group».

Рассматривая общественное развитие после Шестидневной войны, необходимо отметить, что студенческое движение против новой реальности, в которой Израиль оказался оккупантом, вдохновлялось волнами социальных потрясений, которые прокатывались по Западным университетам. Определенное влияние на него оказали студенты-иммигранты из Латинской Америки, Европы и

¹⁷ Шпринцак Э. Бейн меха хуц-парламентарит летерор... С. 50.

США, приехавшие в Израиль после войны 1967 г. Многие из них имели богатый опыт участия в радикальных движениях у себя на родине. В то время как профессура была озабочена общим курсом Израиля, опасаясь, что государство станет полуеврейским/полуарабским, левые студенты вступили в борьбу с оккупационным курсом, провозглашаемым правыми и получившим одобрение и содействие со стороны правительства.

Группа СИАХ оказывала большее влияние на студенчество. Если Мацпен представляла собой теоретический вариант классического марксистского учения, то СИАХ носила черты новой левой формации. Она игнорировала традиционные политические приемы, такие как принятие программ, членство и выборные органы, и в основном руководствовалась принципом спонтанности действий. Вне зависимости от статуса или положения, все находящиеся в аудитории на момент собрания считались членами группы и в равной мере участвовали в принятии решений и дискуссиях. Было в этом пьянящее чувство нового, абсолютно добровольного участия, и это совершенно отличалось от традиционной системы создания партий.

Действующим на израильской общественной арене движениям и группам активного и пассивного протеста не удалось сплотиться, как их главному «конкуренту» – Движению за Великий Израиль. Однако, несмотря на существовавшие между ними противоречия, все эти группы разделяли общий взгляд на конфликт. Они видели его в противостоянии евреев и палестинцев, считая, что обе стороны должны пойти на уступки, и что общая земля должна быть поделена согласно их национальным стремлениям. Движения и группы протеста верили, что оккупация территорий ставит под угрозу Израильскую демократию и «вступает в противоречие со всеми мо-

ральными принципами, будь они еврейскими, социалистическими, общечеловеческими или либеральными»¹⁸. Следовательно, они были единодушны в том, что правительство должно сделать «широкий жест», чтобы убедить арабов в мирных намерениях. Война, по их мнению, предоставила Израилю уникальную возможность продемонстрировать арабам, что их взгляд на сионизм в корне неверный, что Израиль, напротив, ищет мира и готов доказать это, уступив территории, захваченные в результате «справедливой войны». Этим взаимопонимание ограничивалось.

Разногласия же были по многим вопросам, и прежде всего – каким именно должен был быть «широкий жест» Израиля. Понятия справедливости и морали не могли объяснить, какие именно территории должны быть переданы, какой должна быть процедура их возврата, и кому они должны быть возвращены. Некоторые считали, что нужно вернуть все территории; многие были уверены, что Иерусалим нужно оставить; кто-то полагал, что из соображений безопасности некоторые стратегические территории необходимо удерживать под контролем. Мало кто был готов к передаче территорий, принадлежавших арабским государствам с 1948 по 1967 г., в одностороннем порядке.

Предложение создать Палестинское государство на Западном берегу и в секторе Газа возбудило определенный интерес среди представителей различных групп. Некоторым казалось, что Израиль вполне может взять на себя право создания государства для палестинцев, таким образом, исключая необходимость подписывать сложные мирные соглашения с арабскими государствами, которые априори отказались вести какой-либо диалог с Израилем. Вскоре стало очевидно, что практически осуществить

¹⁸ *Isaac R.J. Op. cit. P. 88 (in: Hall-Cathala D. Op. cit. P. 31).*

это предложение очень трудно. Даже оставляя в стороне вопрос о признании Палестинского государства самой израильской общественностью, приходилось признать, что если новое государство будет создано согласно односторонней инициативе Израиля, то оно будет обречено на роль марионетки и не получит признания со стороны арабских государств, как и со стороны остального мира. Поступали и альтернативные предложения. Однако всеобщей поддержки они не получили.

Разногласия между мирными группами происходили не только из-за того, сколько территорий необходимо вернуть; группы отличались по своему мировоззрению, они не были готовы отойти от своих идеологических установок и идти на компромисс. Таким образом, разобщенность и малая активность были на первом этапе характерными чертами общественных сил, выступавших против оккупации, за мирное урегулирование ближневосточного конфликта.

Движениям протеста, или – как можно их еще называть – движениям за мир, не только не удалось достигнуть необходимой степени сплоченности, но, что более важно, они не получили массовой поддержки. Отчасти это произошло из-за различий в подходах к решению тех или иных проблем, но, в первую очередь, это объясняется тем, что большинство лейбористских сионистов, составлявших основу этих движений, все еще верили, что лейбористское правительство честно изыскивает любую возможность мирного урегулирования конфликта.

Конец 1960-х – начало 1970-х гг. был периодом мирных инициатив и поиска путей мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Однако правительство Израиля блокировало любую мирную инициативу. В 1970 г., когда президент ОАР Г.А. Насер пригласил в Каир видного сионистского деятеля, президента ВЕК д-ра Н. Гольдма-

на, для переговоров о пути мирного урегулирования, правительство Израиля отказало Гольдману в разрешении на поездку.

Этот запрет, получивший название «Дело Гольдмана», дал импульс целому ряду массовых выступлений протеста в Израиле. 4 апреля 1970 г. в Иерусалиме по инициативе СИАХ состоялась первая после июньской войны 1967 г. массовая демонстрация, в которой участвовало около 300 человек (она была жестоко разогнана полицией). Среди лозунгов демонстрантов было и требование отставки правительства. А 8 апреля того же года состоялась демонстрация, на которой впервые выступили вместе представители Движение за мир и безопасность, СИАХ, КПИ, Гаолам газа – коах хадаш, Мацпен, а также прогрессивно настроенные профессора и студенты.

В том же апреле месяце 1970 г. 58 выпускников средних школ – будущие призывники – написали письмо главе правительства Г. Меир, выражая сомнения в том, что они пойдут служить в армию, из-за того что правительство препятствует переговорам Гольдмана и Нассера¹⁹. Этот прецедент, сама мысль о том, что политическая оппозиция может привести людей к отказу служить в армии (что в Израиле – нонсенс!), повергла в шок все властные структуры.

Член Политбюро ЦК КПИ У. Бурштейн писал в связи с этим, что «на фоне обостряющегося политического кризиса и непрекращающегося кровопролития «Дело Гольдмана» привело к потрясению израильского общества, к глубокому изменению соотношения сил между сторонниками мира и сторонниками правительственной политики». События, связанные с поездкой Гольдмана, явились решающим фактором, повлиявшим на процесс

¹⁹ Гаарец. 11.04.1970.

осознания более широкими слоями населения сущности политики правительства. Поднявшаяся волна протестов сопровождалась выступлениями солидарности с заключенными палестинцами и с протестом против репрессий в отношении жителей оккупированных территорий, против политической цензуры и против создания поселений за пределами «Зеленой линии»²⁰.

Жестокое подавление палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа в начале 1970-х гг. вызвало среди некоторых молодых израильтян новую форму протеста – отказ служить на оккупированных территориях. Широкий отклик получил в 1970 г. отказ от службы четырех молодых призывников. Трое из них отозвали свой отказ, в то время как четвертый – Гиора Нойман – отказался принести военную присягу и служить в армии. Он мотивировал свой отказ несогласием с политикой правительства на оккупированных территориях, заявив, что «он не согласен служить в захватнической армии... и отказывается участвовать в угнетении другого народа»²¹. Гиора Нойман за свой отказ был трижды осужден в общей сложности на 35 дней тюремного заключения. Примеру Г. Ноймана последовали члены Израильского коммунистического союза молодежи (молодежная организация КПИ). Они отказывались нести обязательную военную службу и проходить ежегодные военные сборы на оккупированных территориях. Военные власти, не желая афишировать эти инциденты, направляли «отказников» служить в небоеые подразделения.

С окончанием «войны на истощение» сократилась и деятельность групп протеста. Ни Мацпен, ни СИАХ,

²⁰ Зо гадерех. 29.04.1970.

²¹ Лангер Ф. Бемо энай (Собственными глазами). Израиль, 1975. С. 216–228.

ни даже основная масса представителей интеллигенции, участвующих в Движении за мир и безопасность, не сумели организовать в достаточной степени, чтобы успешно противостоять действующим политическим силам. Предвыборные неудачи в 1969 г., с которыми столкнулось Движение за мир и безопасность в результате несогласованных действий и неспособности преодолеть свою маргинальность, подтолкнули многих его активистов к попытке объединения усилий в рамках вновь образующихся партийных списков.

СИАХ прекратила свое существование в 1973 г., когда большинство ее членов ушло в большую политику и баллотировалось на выборах в Кнессет в списке Мокед. Мацпен просуществовала немного дольше, но под влиянием пессимизма, царившего в стане европейских левых (не парламентариев), сама распалась на три части.

В период до Октябрьской войны 1973 г., благодаря усилиям руководства страны, в Израиле царил атмосфера уверенности и покоя. Израильская политика по отношению к арабскому миру ограничивалась периодически предложениями арабским лидерам «сесть за стол переговоров с Израилем без предварительных условий». Общее настроение поддерживало мнение, что некуда торопиться, поскольку «положение ни мира, ни войны» предпочтительнее любого другого²². За три недели до войны М. Даян заявлял, что «в ближайшем десятилетии Израиль не ожидает война»²³. Премьер-министр Г. Меир также считала, что «ничего не горит», что «Израиль должен спокойно ждать, пока Садат созреет».

В обстановке политического зстоя правительство Г. Меир продолжало создавать «свершившиеся факты»

²² Капелюк А. Ло мехдал (Не оплошность). Тель-Авив, 1975. С. 32.

²³ Маарив. 21.09.1973.

на территориях, полагая, что вынужденное примирение палестинцев с действиями Израиля отражает и реальное положение в арабском мире. Создавалось впечатление, израильские лидеры, прежде всего М. Даян, верили в то, что в регионе действительно воцарился «мир по-израильски». В израильском обществе преобладало ощущение, что именно Израиль «диктует политические процессы на Ближнем Востоке»²⁴.

В 1973 г. должны были состояться выборы в Кнессет, и Партия труда в своей предвыборной кампании использовала то настроение, которое преобладало в обществе. Правая оппозиция во главе с Бегином не смела критиковать политику Партии труда, поскольку сама участвовала в культивировании чувства национального величия после Шестидневной войны. В сионистских кругах мало кто предупреждал о «близорукости» официальной израильской политики. В числе таких были Н. Гольдман – президент ВЕК, генерал запаса М. Пелед из Тель-авивского университета, бывший генсек Партии труда, депутат Кнессета А.(Л.) Элиав и др., но к ним никто не прислушивался.

Октябрьская война 1973 г. произвела в израильском обществе эффект землетрясения. Первые дни после начала войны средства массовой информации не приводили достоверную информацию о происходящем. Даже в военных подразделениях бойцы не знали о происходящем, поскольку лекторы и «политруки» доносили до них информацию в приукрашенном виде²⁵.

Если после Шестидневной войны 1967 г. КПИ была единственной организацией, выступившей с ее осуждением, то против Октябрьской войны выступили и другие

²⁴ Капелюк А. Указ. соч. С. 36.

²⁵ Капелюк А. Указ. соч. Гл. 5.

левые организации. Так, например, 9 октября 1973 г. СИАХ заявила на страницах газеты «Гаарец», что «вспыхнувшие бои между Израилем, с одной стороны, и Сирией и Египтом – с другой, однозначно доказали, что широкие границы от Кунейтры до Кантари – это не границы мира и безопасности, а границы аннексии, которые будут порождать новые войны. Несмотря на грехи арабского национализма, большая часть ответственности за эти бои лежит на правительстве Израиля, которое проводило политику с позиции силы ради захвата территорий и расширения границ и которое с Шестидневной войны выступает против мирных инициатив»²⁶.

Спустя несколько недель после окончания боев представители умеренных кругов из разных партий опубликовали общее заявление под названием «Мирная инициатива – сейчас». В нем отмечалось, что «политический застой и ползучая аннексия не способствовали миру и не предотвратили войну»²⁷, и содержалось требование к правительству предпринять политическую инициативу и незамедлительно выработать реальный мирный план, признать существование палестинского народа и способствовать его привлечению к участию в мирном процессе. Под этим заявлением поставили свои подписи 15 тысяч человек.

Состоявшиеся 31 декабря 1973 г. выборы в Кнессет не привели к какому-либо существенному изменению в израильской политике. Продолжалась война на истощение, росло недовольство и возмущение солдат-резервистов, служба которых затянулась на долгие месяцы. Впервые блок Ликуд получил среди солдат больше голосов, чем блок Маарах во главе с Партией труда (Ликуд получил 41,28% голосов военнослужащих, а Маа-

²⁶ Там же. С. 191.

²⁷ Там же.

рах – 39,54%). Ликуд увеличил свое представительство в Кнессете на 8 мандатов и получил 39 депутатских мест, но он еще не мог составить альтернативу Маараху, получившему 41 мандат.

Октябрьская война развеяла целый ряд мифов: о непобедимости израильской армии, о бессрочном поддержании status quo, зависящем от воли и желания Израиля. Она вызвала кризис доверия руководству страны. Многие израильтяне убедились в «неспособности общества, его руководства и институтов власти адекватно реагировать на главные – внутренние и внешние – проблемы»²⁸. В различных слоях израильского общества стали раздаваться призывы к переменам.

После подписания соглашения о разъединении войск с Египтом в январе 1974 г., когда израильские резервисты стали возвращаться домой, утром 3 февраля 1974 г. у канцелярии премьер-министра в Иерусалиме появился человек с транспарантом, призывающим к отставке министра обороны М. Даяна, поскольку последний несет ответственность за «провалы и оплошности октябрьской войны». Это был Моти Ашкенази, офицер запаса, положивший своим выступлением начало широкому движению протеста против тех, кто формировал и проводил израильскую политику. Протест М. Ашкенази вызвал широкий резонанс. В середине февраля состоялась первая демонстрация, в которой участвовало 4 тыс. человек, в том числе и солдаты в военной форме. Демонстрация призывала Г. Меир и М. Даяна уйти в отставку. За короткое время возник целый ряд аналогичных групп протеста. В апреле 1974 г. около десяти таких групп объеди-

²⁸ Eisenstadt S.N. The Transformation of Israeli Society: An Essay in Interpretation. London: Weidenfeld and Nicolson, 1985. P. 389 (in: *Hall-Cathala D.* Op. cit. P. 33).

нились с группой М. Ашкенази в одну организацию «Наш Израиль – движение за перемены».

Вскоре движение протеста расширилось, и новые группы стали выдвигать дополнительные требования: отставки Х. Бар-Лева, начальника генштаба Д. Элазара, проведения в новых выборах и т.д. В активизации движений протеста нашло свое выражение стремление молодого поколения участвовать в политической жизни страны. Эти движения обладали большим потенциалом, направленным на изменение стиля политической жизни, а не на изменение содержания самой политики. Ни одно из этих движений не боролось с главной проблемой, которая и привела страну к политическому кризису, – политикой правительства по отношению к арабо-израильскому конфликту. Практически никто из представителей движений протеста не поднимал вопрос об альтернативной политике, которая могла бы предотвратить последнюю войну.

Большинство групп протеста состояли в основном из солдат-резервистов. Свой протест они направляли против оплошностей и просчетов правительства в войне 1973 г. и требовали наказания виновных. Эти группы выступали за смену правящей верхушки, министров, за изменение системы выборов, против бюрократизма в аппарате управления. Их протест был направлен не столько против правления Маараха, сколько против его руководящего кабинета.

Позднее к заявленным движениями требованиям прибавился общий протест против «израильской политической планеты», а также против того, что члены движений называли «плохим качеством жизни в Израиле». Этот протест был в основном эмоционален, и движение «Наш Израиль», члены которого верили, что их деятельность способна изменить стиль социальной жизни государства, было обречено.

За весь период своей деятельности группы протеста не выдвинули никакой единой политической программы, они не выступали по самому насущному вопросу – войны и мира. Движения протеста даже не имели определенной идеологической окраски, ориентируясь на которую их можно было бы отождествлять каким-либо политическим лагерем. Присоединялись к ним люди самых различных политических и общественных убеждений. Несмотря на то, что участники протеста представляли весь политический спектр Израиля, сама их деятельность играла на руку крайне правым партиям, прежде всего Ликуду (впервые, как уже говорилось, на выборах 1973 г. Ликуд получил среди солдат больше голосов, чем Маарах).

Волна протеста продолжалась недолго. В конце апреля 1974 г. она фактически сошла на нет. Просуществовав три месяца, движения протеста потеряли свою актуальность, поскольку протестной стала большая часть государства. Когда основная цель, ради которой эти движения были созданы – смена руководства, ответственного за войну – была достигнута, многие их активисты перешли в новую политическую партию – Демократическая партия за изменение (ДАШ), сыгравшую важную роль в отстранении Маараха от власти²⁹.

Движения протеста подвели страну к «политическому перевороту» – к коллективной смене руководства кабинета министров в результате нажима периферии. И хотя вся их деятельность уложилась в довольно краткий временной отрезок, они оказали определенное влияние на движение протеста в Израиле. Спустя десятилетие активистка Комитета против войны в Ливане Орли Лубин отмечала в интервью, что «само явление борьбы против войны в Ливане, отказ получать награды за бои в Лива-

²⁹ Шпринцак Э. Бейн меха хуц-парламентарит... С. 58.

не, отказ нести службу в Ливане – это процесс, начало которому положил М. Ашкенази – первый, кто посмел “замахнуться на армию”»³⁰.

Очень немногие из лидеров движений протеста 1974 г. в последующие годы продолжали участвовать в новых организациях движений за мир, особенно активизировавшихся после визита Анвара Садата в Иерусалим. В 1977 г. большинство из них выпали из политического ландшафта. Тем не менее, как отмечает М. Бар-Он, один из лидеров «Мир сейчас»: «Моти Ашкенази и его соратники оставили значимое наследство израильскому Движению за мир, а именно: осознание того, что политика слишком серьезное дело, чтобы оставить ее исключительно политикам; сознание того, что общественная группа, объединенная вокруг даже одного вопроса, может повлиять на политическую систему; веру в значение и влияние массовых демонстраций. Все это стало направляющими принципами в деятельности движений за мир, которые возникли позже»³¹. Особое значение имеет и тот факт, что после Октябрьской войны 1973 г. массовый протест стал едва ли постоянным явлением в израильской политической культуре³².

К движениям внепарламентского протеста левого толка можно отнести еще две организации, сыгравшие определенную роль в установлении диалога между израильскими общественными деятелями и ООП.

В мае 1973 г. в Болонье (Италия) состоялась международная конференция «За мир и справедливость на Ближнем Востоке». Для участия в ней израильской общественной делегации в том же 1973 г. был создан Комитет за справедливый мир между Израилем и арабски-

³⁰ Арахим. Тель-Авив. 1983. № 3. С. 7–9.

³¹ Bar-On M. Op. cit. P. 77.

³² Ibid.

ми странами. Выдвинутая Комитетом программа содержала следующие основные пункты: вывод израильских войск с территорий, оккупированных в 1967 г.; признание законных национальных прав палестинского народа на самоопределение; требование справедливого решения проблемы палестинских беженцев; признание права всех государств региона на суверенитет и территориальную целостность³³.

КПИ, обладая богатым политическим опытом, сформулировала программу таким образом, чтобы сделать возможным участие в Комитете еврейских и арабских общественных деятелей. Под программным заявлением Комитета поставили свои подписи РАКАХ (израильская компартия), Гаолам газе, СИАХ, а также отдельные деятели левого толка, в том числе двое из МАКИ – Э. Виленска и В. Алпазир.

В работе конференции участвовали представители 33 стран. В состав израильской делегации – Комитет за справедливый мир между Израилем и арабскими странами – вошли Т. Туби и У. Бурштейн (РАКАХ), У. Авнери (Гаолам Газе), Н. Елин-Мор, Й. Амитай и З. Саде³⁴.

Комитет в этом составе продолжал свою работу, хотя не всем общественным деятелям, вошедшим в него, было «комфортно» сотрудничать рука об руку с коммунистами, а порой и под их эгидой.

В июне 1975 г. У. Авнери, Й. Амитай, Амос Кинаан, Лова Элиави, Симха Флапан и другие активисты движения за мир, выходцы из МАПАМ и Мокед, объявили о создании Израильского совета за Израильско-Палестинский мир. 10 мая 1975 г. в газете «Джерузалем Пост»

³³ Programmatic Statement of the “Committee for Just Peace Between Israel and Arab Countries”. Tel-Aviv, 1976.

³⁴ Едуот Ахронот. 04.05.1973.

был опубликован манифест Совета, состоявший из 13 пунктов. Первые четыре пункта гласили:

1. Эта страна является родиной двух народов: еврейского и арабо-палестинского.

2. Сердцем конфликта считается историческая конфронтация между народами этой страны.

3. Единственный путь к миру – создание двух суверенных государств: Израиль и палестинское государство.

4. Создание палестинского государства рядом с государством Израиль должно стать результатом переговоров между государством Израиль и ООП как национального представителя палестинского народа.

Учредительное собрание Израильского совета за израильско-палестинский мир проходило 10 октября 1975 г. В руководство Совета вошли У. Авнери, Лёва Элиав, Мати Пелед и Меир Паил.

В феврале 1976 г. под манифестом стояли уже подписи 100 видных общественных деятелей Израиля.

Программа Совета была близка к программе Комитета за справедливый мир между Израилем и арабскими странами, однако руководство Совета сочло необходимым подчеркнуть приверженность Совета сионизму³⁵, что исключало участие в нем коммунистов и арабских общественных деятелей.

В манифесте говорилось: «Наша страна – это дом для двух народов – народа Израиля и народа Палестины. Исторический конфликт между ними в отношении этой Земли, которая дорогая обоим народам, лежит в основе арабо-еврейского конфликта. Единственный путь к миру лежит через сосуществование двух суверенных государств, каждое со своими национальными особенностями: государства

Израиль для еврейского народа и государства для арабо-палестинского народа – государства, которые будут служить выражением их права на самоопределение в той политической форме, которую они сами изберут»³⁶.

Эти две организации – Израильский совет за Израильско-Палестинский мир и Комитет за справедливый мир между Израилем и арабскими странами – действовали каждая сама по себе. Они отдельно друг от друга участвовали в международных форумах по Ближнему Востоку, организовывали семинары и симпозиумы с участием израильских и палестинских общественных деятелей, проводили тайные встречи с представителями ООП, пытаясь развивать диалог на общественном уровне в очень непростое время.

Тем временем палестинские организации все чаще и чаще прибегали к террористическим акциям. Отметим здесь лишь самые заметные из них – атаку на мирных жителей в аэропорте Лод в мае 1972 г. членами японской фракции Красная Армия, действовавшими от лица палестинцев, и нападение на израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене в сентябре 1972 г. членами группы Черный Октябрь. 11 апреля 1974 г. банда группы Народный Фронт захватила здание в северном городе Кириат Шмона и успела убить 18 человек, 8 из которых были дети, до того как сама была уничтожена. Спустя месяц 15 мая банда Демократического Фронта захватила школу в Маалоте, и при попытке ее штурма группой спецназа погиб 21 ребенок. В конце марта 1975 г. группа ФАТХ высадилась на побережье Тель-Авива и, захватив гостиницу в центре города, удерживала нескольких заложников в течение двух суток. В результате штурма гостиницы израильским спецназом все террористы были уничтожены, погибли три израильских военнослужащих (включая коман-

³⁵ Манифест Израильского совета за мир между Израилем и палестинцами. Тель-Авив, 1976.

³⁶ Bar-On M. Op. cit. P. 86.

дующего операцией в звании полковника) и три заложника. Повторю: это всего лишь самые громкие из терактов. В период с 1974 по 1977 г. их было совершено десятки.

В такой накаленной атмосфере израильтяне не замечали, что в позиции ООП начали происходить определенные позитивные сдвиги. Лишь некоторые арабисты, специализирующиеся на палестинских национальных движениях, могли разглядеть в новых формулировках предпосылки к согласию Арафата и его коллег создать Палестинское государство параллельно Израилю, а не вместо него³⁷.

Активисты движений за мир и движений протеста публично осуждали палестинцев за теракты, но одновременно они старались напомнить своей израильской публике о том, что мир заключают между врагами, а не между друзьями, и что несмотря на теракты, у Израиля нет другого выбора, нежели признать право палестинцев на самоопределение, а ООП – представителем палестинского народа. Израильтяне в массе своей были неспособны воспринимать эти резоны. Члены левой партии ШЕЛИ и Совета за Израильско-Палестинский мир, не говоря уже о коммунистах, были неоднократно заклеены как изменники, пораженцы или, в лучшем случае, наивные простаки. Общественные настроения в стране резко уходили вправо. Основанная в 1974 г. молодыми лидерами из НРП и Движения за Великий Израиль правоэкстремистская организация «Гуш Эмуним» значительно окрепла и становилась все более привлекательной для израильской молодежи.

Ослабевшие и потерявшие популярность активисты Движения за мир в этой атмосфере все больше и больше казались пустыми мечтателями. Их время наступит после прихода М. Бегина к власти в 1977 г.

³⁷ *Bar-On M.* Op. cit. P. 88.

Алек Д. Эпштейн

США И ИЗРАИЛЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Избрание Барака Обамы президентом США стало в небольшой степени следствием провальной политики его предшественника на Ближнем и Среднем Востоке. Ожидания от нового президента в этой области, таким образом, огромны, и сложно понять, как именно он и сотрудники его администрации смогут оправдать их. Очевидно, что основными направлениями этой политики остаются следующие: иракское (американские войска находятся в этой стране уже седьмой год); афганское, где объявление не сумевшего выиграть выборы Хамида Карзая президентом едва ли будет способствовать политическому урегулированию; иранское, и, прежде всего, проблема обретения Ираном атомного оружия; и палестино-израильское, характеризуемое тупиком в переговорном процессе при резком росте влияния радикальных исламистов. Представляется, что для адекватного анализа перспектив, стоящих перед новым американским руководством, крайне важно понять, какое именно политическое наследство им получено, в каком именно положении находятся все вовлеченные в конфликт стороны. Настоящая статья посвящена анализу нынешней роли США в системе отношений между израильтянами и палестинцами, соотносясь по мере необходимости и с тремя другими указанными выше наиболее «проблемными» направлениями ближневосточной политики.

Посмотрим, в каком состоянии находились собственно американско-израильские отношения к моменту окончания каденции Джорджа Буша-младшего. В последний год своей второй президентской каденции он дважды посетил Израиль – в январе и в мае 2008 г. Согласно распространенной информации, майский визит был приурочен к 60-й годовщине провозглашения независимости еврейского государства. За три дня, изобиловавшие поздравлениями, обоюдными комплиментами, заверениями в нерушимости союза двух демократий, Дж. Буш выступил в израильском парламенте – Кнессете, принял участие в специальной юбилейной конференции, прошедшей под патронажем президента Израиля Шимона Переса, и посетил Массаду – крепость на берегу Мертвого моря, ставшую последним оплотом zelотов во время антиримского восстания 66–73 гг. н.э. Массада стала символом героизма еврейского народа: именно там новобранцы бронетанковых войск принимают воинскую присягу и дают клятву: «Массада больше не падет!»

Практических результатов у этого визита была значительно меньше. От приезда Дж. Буша ждали многого. Но с его отъездом ощущение призрачности прогресса в ближневосточном урегулировании и общего провала американской политики в регионе лишь усилилось, и обозреватели газет не смогли дать удовлетворительного ответа на вопрос, зачем он вообще приезжал. США издавна интересовались Ближним Востоком¹, все американские президенты занимались, в частности, и этим регионом и –

¹ Исторический анализ вовлеченности США в ближневосточные вопросы см.: *Oren M. Power, Faith, and Fantasy. America in the Middle East, 1776 to the Present* (W.W. Norton & Company, 2007); *Колобов О. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины в новое и новейшее время // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Т. 1. Ч. 1. Нижний Новгород, 2008. С. 5–144* (работа была впервые опубликована в 1993 г.).

прежде всего – арабо-израильским конфликтом и переговорным процессом². Наибольшего успеха достиг президент Дж. Картер, под патронажем и при посредничестве которого в 1979 г. был подписан первый договор о мире – между Израилем и Египтом³. Достижения остальных администраций были скромнее, но и на этом фоне успехи работы на этом участке администрации Дж. Буша можно оценить как худшие, чем у, пожалуй, всех предшествующих за период после Второй мировой войны.

Длящаяся с 2003 г. американская военная операция в Ираке не привела ни к обнаружению оружия массового уничтожения, ни к установлению в этой стране сколько-нибудь стабильного режима, основанного хоть на каком-то демократическом фундаменте. Цены на нефть (а ведь, по всеобщему убеждению, именно за дешевой нефтью Дж. Буш и отправился на вторую иракскую войну), не достигавшие в 2003 г. и 35 долларов за баррель, превысили к середине мая 2008 г. 125 дол., т.е. рост цен составил более чем 250% за пять лет; в июле они выросли еще больше. Затем цены на энергоносители пошли на спад, но и во втором полугодии 2009 г. они в среднем

² Анализ вовлеченности американских администраций в арабо-израильский конфликт и переговорный процесс см.: *Spiegel Steven L. The Other Arab-Israeli Conflict: Making America's Middle East Policy from Truman to Reagan*. Chicago: The University of Chicago Press, 1985; *Miller A.D. The Much Too Promised Land: America's Elusive Search for Arab-Israeli Peace*. N.Y.: Bantam Dell, 2008; *Звягельская И.Д. «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (середина 70-х – вторая половина 80-х годов)*. М., 1990; *Колобов О. Политика США по отношению к Израилю и арабским странам на рубеже 80-х – 90-х годов XX века // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Т. 1. Ч. 2. Нижний Новгород, 2008. С. 243–330* (работа была впервые опубликована в 1995 г.).

³ Наиболее подробная книга об этом: *Quandt William B. Camp David: Peacemaking and Politics*. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1986.

вдвое выше тех, которые были до начала второй иракской войны. Выиграли от этого, мягко говоря, не всегда самые дружественные США страны: Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла, Россия – крупнейшие мировые экспортеры нефти. США же, являясь крупнейшим мировым импортером, теряет многие миллиарды ежемесячно. В итоге, с экономической точки зрения, политика президента Буша привела к резкому фактическому усилению тех стран, с которыми у США сохраняются весьма напряженные отношения⁴.

С точки зрения международного статуса Соединенных Штатов ущерб столь же очевиден: единственная мировая супердержава доказала свою неспособность выиграть даже локальную войну у не самого сильного противника, не имевшего в своем распоряжении – и уж точно не использовавшего – ни ядерного, ни химического, ни биологического оружия. Америка потеряла свое главное оружие – психологическое, ее перестали бояться. 16 мая 2008 г., еще будучи кандидатом на президентский пост, Барак Обама сказал вслух то, что вне пределов США, не таясь, говорили уже несколько лет: страной, получившей наибольшие политические дивиденды от иракской кампании, оказался ненавидимый администрацией Буша Иран.

Две поездки Дж. Буша в Израиль и на территорию, подконтрольную Палестинской администрации, были, таким образом, призваны стать противовесом неудачам в Ираке: «Да, иногда и кое-где проблемы есть, но вот зато...». Примерно такую карту и стремилась разыграть американская дипломатия. Махмуд Аббас – не Ясир Арафат, а Эхуд Ольмерт – не Ариэль Шарон, в их обществе президент Дж. Буш мог демонстрировать свои лидерские

⁴ Адекватный анализ американской политики на иракском направлении в последние годы представлен в книге: *Freedman L. A Choice of Enemies. America Confronts the Middle East.* N.Y.: Public Affairs, 2008. P. 397–448.

качества, рисуя перед их глазами горизонты грядущего мирного урегулирования.

Однако выглядело все это странно. В конце концов, план двух государств для двух народов – израильтян и палестинских арабов – был с помпой обнародован Дж. Бушем еще 24 июня 2002 г. 30 апреля 2003 г. Госдепартамент опубликовал так называемую «Дорожную карту» палестино-израильского урегулирования⁵. Дж. Буш не раз принимал израильских и палестинских руководителей, а в ноябре 2007 г. провел тройственный саммит в Аннаполисе. В результате, однако, палестино-израильский переговорный процесс так и не привел ни к каким прорывам, Израиль же за эти годы в одностороннем порядке вывел войска и эвакуировал поселенцев из сектора Газа и Северной Самарии и почти закончил – несмотря на отрицательное заключение Международного суда – строительство так называемой разделительной стены безопасности на Западном берегу. Переговорный процесс между сторонами шел ни шатко, ни валко и не привел ни к каким реализованным договоренностям.

Во многом сложившаяся ситуация является следствием того, что нынешние руководители – как Государства Израиль, так и Палестинской администрации – никак не могут похвастать масштабной общественной поддержкой, позволившей бы им пойти на непопулярные решения, которые только и могут продвинуть стороны в направлении заключения соглашения. И в Израиле, и в ПНА Дж. Буш вел диалог со значительно более умеренными политиками, чем те, которые могли бы прийти к власти в этих странах в результате свободных демократических выборов. При этих

⁵ Текст «Дорожной карты» полностью опубликован на русском языке в книге: *Программы урегулирования палестино-израильского конфликта / Под ред. Алека Д. Эпштейна.* М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 64–72.

условиях левоцентристское правительство Э. Ольмерта неминуемо проиграло бы коалиции правых и религиозных партий во главе с лидером блока Ликуд Биньямином Нетаньяху (что и случилось в марте 2009 г.), а на палестинских территориях М. Аббас уступил бы лидеру, выдвинутому на выборы исламистской организации ХАМАС – это мог бы быть и Махмуд аз-Захар, и Исмаил Ханийя, и кто-то другой. Именно это, по всей видимости, и случится уже в январе 2010 г., если назначенные в ПНА выборы пройдут в срок.

Будучи формально высшими руководителями, и Э. Ольмерт, и М. Аббас де-факто были полководцами без войска, так как социум в большинстве своем их не поддерживал. Таким образом, призывы Дж. Буша к М. Аббасу и Э. Ольмерту «к совместной работе для обеспечения мира в регионе» являлись не более чем благими пожеланиями, ибо, даже если бы они и пришли к тем или иным договоренностям (о которых, в частности, сообщили израильские газеты в середине августа 2008 г.), то не в их силах было эти договоренности реализовать. Обстрел из Газы торгового центра и поликлиники в израильском прибрежном городе Ашкелоне ровно в день приезда в Израиль Дж. Буша отчетливо продемонстрировал, кто на палестинских территориях обладает реальными возможностями.

Здесь заключен еще один парадокс: хотя ХАМАС выиграл вполне демократические выборы в Законодательный совет Палестинской администрации, фактически навязанные палестинцам американцами (об этом честно говорил Б. Обама в своем выступлении 16 мая 2008 г.), позиция администрации Дж. Буша состояла в том, что с ХАМАС не может быть никаких переговоров.

ХАМАС и в самом деле менее всего напоминает организацию, устремленную к мирному урегулированию⁶.

⁶ См.: *Эпштейн Алек Д.* ХАМАС в региональной политике. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2007.

Приуроченные к 60-летию Израиля заявления министра иностранных дел хамасовского кабинета М. аз-Захара, что с еврейским государством нет и не может быть никакого мира, а вооруженная борьба продолжится до полного освобождения всей Палестины, – оставляют мало поводов для оптимизма. Однако факт состоит в том, что ХАМАС выиграл демократические выборы, прошедшие на территориях, подконтрольных Палестинской администрации, и получается – именно потому, что на их проведении настаивали американцы. Бойкот победителя демократических выборов со стороны инициатора этих выборов едва ли способен стать фактором, способствующим решению каких-либо проблем ближневосточного региона.

Но, может быть, Дж. Буш приехал в Израиль на юбилей, чтобы продемонстрировать всему миру так называемые «особые отношения» США и еврейского государства? Если и была такая реальная сверхзадача, то и она не была выполнена.

Спору нет, по сравнению с многими европейскими государствами, принимающими на своей территории представителей палестинских террористических организаций и при этом время от времени рассматривающими иски против израильских генералов по абсурдным обвинениям в «преступлениях против человечества», позиция США кажется произраильской. За все годы существования Государства Израиль США выделили ему финансовую помощь, в сумме уже превысившую 101 млрд дол.⁷ Однако может ли Израиль в долгосрочной перспективе на самом деле полагаться на помощь и поддержку США? Мне кажется, ответ на этот вопрос, к сожалению, – отрицательный.

Вопреки повсеместно разделяемому заблуждению, США не поддерживают Израиль практически ни по одно-

⁷ См.: *Sharp J.* U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, 2008. P. 18.

му важному спорному вопросу в конфликте с палестинцами и арабским миром. Во-первых, США до сих пор не признали Иерусалим, не только объединенный, но даже Западный, столицей Государства Израиль и, несмотря на многочисленные резолюции, так и не перевели туда свое посольство. На прошедшей под эгидой Ш. Переса в столице еврейского государства конференции об объединенном Иерусалиме Дж. Буш не сказал ни единого слова, хотя с момента его объединения прошло уже более 40 лет. Представлявшая Дж. Буша на этой конференции Мириам Эдельсон, супруга главного спонсора конференции – миллиардера Шелдона Эдельсона, употребила словосочетание «объединенный Иерусалим», заслужив аплодисменты зала, однако Дж. Буш почин не поддержал и сам на эту тему не высказался даже и на праздничном форуме.

Во-вторых, США ни разу не заявили о том, что у Израиля есть право не принимать на своей территории палестинских беженцев 1948 г. и их потомков. Напротив, одним из пяти вариантов решения проблемы беженцев, предлагавшихся едва ли не самым произраильски настроенным президентом, Биллом Клинтонем, в декабре 2000 г, было именно их возвращение в Израиль. В особенности это должно было касаться тех, кто находится в лагерях беженцев в Ливане – у многих из них есть родственники в Галилее, и Израилю предлагалось разрешить их возвращение, руководствуясь принципом воссоединения семей и гуманитарными соображениями.

В-третьих, Джонатан Поллард, обвиненный в шпионаже в пользу «дружественного» Израиля и получивший позднее израильское гражданство, уже 24 года (!) томится в одиночной камере в американской тюрьме. В январе 2006 г. за передачу разведывательной информации представителям израильского лобби в США был приговорен к 20-летнему тюремному заключению аналитик Пентаго-

на Лари Франклин. Надежды Израиля на освобождение этих людей в честь грядущего юбилея рухнули в апреле 2008 г., когда в США разгорелся новый скандал: по подозрению в шпионаже в пользу Израиля в далекие 1980-е гг. был задержан 85-летний Бен-Ами Кадош, помещенный под домашний арест. 20 октября 2009 г. агенты ФБР задержали в пригороде Вашингтона по обвинению в шпионаже в пользу Израиля 52-летнего Стюарта Дэвида Нозетта, работавшего на разных должностях в Пентагоне, NASA и министерстве энергетики. Подобное отношение к американцам, сотрудничающим с израильскими государственными структурами, характеризует двусторонние отношения США и Израиля не лучшим образом. Одно ясно – это не отношения по-настоящему дружественных стран.

В-четвертых, США выступают категорически против строительства и расширения еврейских поселений на контролируемых территориях. Даже относительно строящегося «забора безопасности» на Западном берегу администрация США потребовала и 14 апреля 2004 г. получила от Израиля письменные обязательства, что этот забор будет «скорее временным, чем постоянным» и не будет предопределять «будущие окончательные границы». Учитывая, что забор этот строился как раз для того, чтобы стать пограничной линией между Израилем и ПНА, американскую позицию по данному вопросу «произраильской» не назовешь никак. Не забудем и о том, что США не признали ни аннексию Израилем Восточного Иерусалима, ни аннексию Голанских высот, и мало кто в Израиле надеется на то, что США признают израильскую аннексию каких-либо территорий на Западном берегу – безотносительно к тому, какова могла бы быть глубина израильского отступления. Ни одна из этих позиций не была пересмотрена президентом Дж. Бушем.

Два визита Дж. Буша в Израиль – в январе и в мае 2008 г. – не привели ни к сближению позиций США и Израиля, ни к интенсификации переговорного процесса. Последний раз посетив Ближний Восток в качестве президента, Дж. Буш оставил его в полном политическом тупике. Американская политика в этом регионе должна будет подвергнуться серьезной корректировке. На сегодняшний день американская дипломатия не предлагает никаких внятных идей ни по иракской, ни по иранской, ни по палестино-израильской проблемам. Улыбки президента США и его свиты перед фото- и видеокамерами не способны скрыть полный провал их ближневосточной политики.

Представляется, что стоит вновь задаться вопросом, какая политическая линия США на Ближнем Востоке на самом деле наибольшим образом отвечает израильским интересам? Какова бы ни была значимость для еврейского государства тех или иных контролируемых его армией с 1967 г. территорий, реальность такова, что более чем сорокалетняя ситуация неопределенности при отсутствии каких-либо внятных стратегических перспектив вряд ли служит израильским интересам. Израилю более всего другого нужно мирное урегулирование, которое смогло бы стать заслоном перед дальнейшим распространением в Палестине и в сопредельных государствах идеологии исламского фундаментализма.

Идеология «четвертой мировой войны» против радикального ислама, приверженцами которой являются многие так называемые неоконсерваторы из ближайшего окружения президента Дж. Буша, привела Ближний Восток в тупик: ни в Афганистане, ни в Ираке американцам за время, превышающее продолжительность Второй мировой войны, не удалось добиться своих целей. Единственным результатом инициированной администрацией Дж. Буша «Дорожной карты» урегулирования палестино-израиль-

ского конфликта стал приход к власти в ПНА ХАМАС; в Ливане было сформировано правительство, неотъемлемой частью которого является заметно усилившаяся после войны 2006 г. Хизбалла; иранская ядерная программа развивается прежними темпами; о резком росте цен на нефть уже говорилось выше. Идеология единственной сверхдержавы, которая сможет в одиночку успешно играть роль мирового полицейского, огнем и мечом устанавливающего демократию в ее американском понимании, – эта идеология превратилась в фарс, в котором свет не брезжит даже в конце туннеля.

Пожалуй, никакая страна не выиграла от американского вторжения в Ирак больше, чем Иран, – едва ли к такому развитию событий стремилась администрация Дж. Буша. Тот факт, что Б. Обама выиграл выборы у Дж. Маккейна, свидетельствует: и сами американцы в большинстве своем чувствовали, что важно остановить христианских фундаменталистов, перекраивающих мир под свою гребенку и оставляющих за собой выжженную землю и никаких перспектив на выход из тех кризисов, в которые завела политика «крестовых походов» во имя демократии. Американский «ориентализм», игнорирующий социально-культурную специфику ближневосточного региона, нанес ему значительно больше вреда, чем приносит пользы⁸.

Автору этих строк представляется, что оба этих фундаментализма – христианский и мусульманский – питают друг друга и питаются друг от друга: без первого не так страшен был бы второй, и наоборот. Подобно тому как в 1930-е гг. к мировой войне, ставшей самой страшной

⁸ См. обсуждение этой темы в широком региональном контексте: *Little D. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945. London–New York: I.B. Tauris, 2003.*

бойней в истории человечества, в равной мере стремились и Гитлер, и Сталин, и именно это больше, чем что-либо другое, определило векторы развития событий на фронтах и в дипломатических кулуарах, так и сейчас наиболее опасным для мирного будущего человечества мне видится схожее стремление к мировому господству «крестоносцев демократии» и идеологов всемирной мусульманской революции. В конечном счете, этот «крестовый поход» администрации Дж. Буша, основанный на ценностях националистического гражданского милитаризма, не принес Израилю ничего хорошего – ни одна из проблем, стоявших на повестке дня Ближнего Востока, не решена; напротив, появились новые проблемы, сложность которых со временем лишь возрастает.

Мне кажется, что не только для самой Америки, но и для государств Ближнего Востока большим благом стал приход в Белый дом президента, преданного американским ценностям, в том числе гражданской христианской религии, но при этом не собирающегося вести заведомо безнадежную и потому контрпродуктивную войну против исламской цивилизации. В этом случае есть шанс на то, что исламский фундаментализм в ближневосточном регионе станет менее воинственным и агрессивным, чем он был в недавнем прошлом.

Ситуация в регионе меняется. Считавшаяся центральной долгие годы в прошлом ось противостояния – Израиль и Сирии – кажется сегодня не столь значимой, в то время как иранская проблема вышла на первый план. После того как в октябре 2007 г. Израиль бомбил строящиеся атомные объекты Сирии, а Сирия в ответ не предприняла жестких антиизраильских акций, напряжение между двумя странами значительно ослабло. Несмотря на отсутствие мирного договора между Израилем и Сирией, после войны 1973 г. граница между двумя странами остается

очень спокойной, за 36 лет там не было никаких военных действий, нападений или террористических актов. Поэтому представляется, что ожидать всплеска осложнений на израильско-сирийской границе не стоит.

Другие ближневосточные проблемы – по линиям Израиль–Палестина, Израиль–Иран – более сложны. Говоря по привычке о проблеме палестинской государственности, нужно отдавать себе отчет в том, что сегодня единой Палестины нет – есть два никак не связанных между собой и не подчиняющихся друг другу палестинских правительства: ФАТХ во главе с Саламом Файядом на Западном берегу и ХАМАС во главе с Исмаилом Ханией в Газе. И очень может быть, что одновременно с подписанием Израилем того или иного договора с Махмудом Аббасом израильские самолеты будут бомбить Газу. После того, как ХАМАС захватил всю власть в Газе в июне 2007 г., существуют два отдельных палестинских правительства, и весь мир, в том числе и Израиль, должен строить с каждым из них свою систему отношений. Правительство ХАМАС Израиль все это время бойкотирует, а с администрацией М. Аббаса – С. Файяда ведет какие-то переговоры, которые на нынешнем этапе скорее – видимость, а не реальная попытка чего-то добиться.

Ось Израиль–Иран, конечно, наиболее опасная. Нельзя однозначно сказать, как будут развиваться события. С одной стороны, есть вероятность, что Израиль проведет военную операцию, о которой говорят уже лет пять и к которой давно и интенсивно готовятся. Но, с другой стороны, ее не стоит рассматривать как неизбежную, так как после стольких лет разговоров и подготовки пока еще ничего не произошло и не происходит, что ясно показывает, насколько сложным является для израильского руководства принятие подобного рода решения. Эта проблема обсуждалась и правительством А. Шарона, и пра-

вительством Э. Ольмерта, сейчас она оказалась на повестке дня кабинета Б. Нетанияху. В октябре 2006 г. для подготовки решения этой проблемы было создано отдельное министерство по стратегическим вопросам, которое изначально возглавил Авигдор Либерман (ныне – министр иностранных дел и лидер второй по размерам и влиянию фракции в коалиции), а ныне возглавляет бывший начальник Генерального штаба Моше Яалон. Проблема, однако, так пока и не решена, но, повторим, здесь возможно любое развитие событий – от вынужденного принятия Израилем факта обретения Ираном статуса ядерной державы, второй в мусульманском мире после Пакистана, до бомбардировок различных объектов на территории Ирана. По этому вопросу в расчет принимается самый широкий круг факторов, включая, разумеется, реакцию иностранных государств, в том числе и России, где за последний месяц побывали с визитами и президент, и премьер-министр Израиля. Иран, скорее всего, станет ядерной державой, если Израиль не проведет операцию, подобную бомбежке атомных объектов Ирака в 1981 г. и бомбежке объектов на территории Сирии в 2007 г. Если же Израиль не пойдет на это, видимо, Иран уже не остановит ничего.

Не только израильское руководство, но и весь мир, должны реально задуматься над вопросом, насколько атомная бомба в руках Али Хаменеи и Махмуда Ахмадинежада угрожает стабильности и насколько ядерный Иран – большая угроза Среднему Востоку, чем довольно давно уже обретший статус атомной державы Пакистан. И при этом хорошо бы не забывать о том, что до сегодняшнего дня единственной страной, когда-либо использовавшей атомное оружие, был не Советский Союз, не Китай и не Пакистан, а в ведомые Гарри Трумэном Соединенные Штаты Америки. Конечно, с сентября 1945 г. мир изменился, однако надежда на то, что одним государствам удастся бес-

конечно долго сдерживать устремления других к статусу ядерных держав, достаточно иллюзорна. Нужно думать о том, каков может быть режим международной безопасности в ситуации постепенного обретения атомного оружия достаточно большим количеством государств, число которых неминуемо будет расти, хотим мы того или нет.

Израиль, обретший атомный потенциал уже к концу 1960-х гг., долгие годы был единственной ядерной державой на Ближнем Востоке, но после проведения Пакистаном в конце мая 1998 г. серии испытаний факт наличия «исламской бомбы» стал реальностью. Следует помнить, что между Израилем и Пакистаном до сих пор не установлены дипломатические отношения, т.е. ситуация уже достаточно сложная и, по всей видимости, станет еще более непростой в ближайшие годы. Необходимо искать пути, как приспособиться к ней без истерики и ненужных иллюзий.

Важно понимать, что израильское общество практически все время живет в ожидании войны. Профессор Ашер Ариан из Хайфского университета уже много лет проводит опросы, в которых фигурирует и такой вопрос: как вы считаете, какова вероятность, что в ближайшие три года будет крупный вооруженный конфликт? Этот вопрос задают уже несколько десятилетий, и большинство населения стабильно считает эту вероятность высокой или очень высокой. Для этого у него есть все основания. Был мощный конфликт с Газой в декабре–январе 2008–2009 гг., до этого – вторая Ливанская война в июле–августе 2006 г., еще раньше – вторая интифада 2000–2005 гг. Сейчас, к счастью, нет того всплеска террористической активности, который был в 2001 г., когда за год в результате терактов погибло более 400 израильтян, но нет и ощущения мира и стабильности. В израильском обществе этого ощущения нет давно, как минимум, с начала первой палестинской интифады в декабре 1987 г., а может

быть, и того раньше – с самого начала еврейской иммиграции в Палестину. В ретроспективе видно, что отдельные периоды в жизни Израиля, например, между Синайско-Суэцкой кампанией (1956) и Шестидневной войной (1967) или между Войной Судного дня (1973) и началом первой интифады (1987) были более стабильными, чем другие. Однако на всем протяжении истории страны войны и те или иные военные действия рассыпаны так густо, что перестали быть экстраординарными событиями, и стали восприниматься как совершенно неотъемлемые компоненты привычного социально-политического пейзажа.

Многие обвиняли израильское правительство в том, что в конце декабря 2008 г. оно начало операцию против ХАМАС в Газе в предвыборных целях. Но если сравнивать результаты опросов общественного мнения по состоянию на середину декабря 2008 г. с итогами выборов, прошедших 10 февраля 2009 г., то становится очевидным, что война практически никак на них не повлияла. В ходе этой войны было некое ощущение, что Партия труда получит на 3–4 мандата больше, но в итоге она получила ровно то, что опросы предсказывали ей в середине декабря. Иными словами, в Израиле военные действия разного масштаба стали настолько рутинными, что совсем не обязательно приводят к внутривнутриполитическим потрясениям. Израильское руководство может принять решение о проведении той или иной военной операции совершенно безотносительно к тому, сколько времени осталось до следующих выборов.

Хотя новая операция против ХАМАС в Газе представляется вполне возможной и даже вероятной, ее едва ли следует ожидать в краткосрочной перспективе; скорее, напротив, на юго-западе Израиля установилась, пусть и напряженная, но тишина, и потому в ближайшее время шансы на такую операцию невелики. Ключевая ось напряженности сейчас – Израиль–Иран.

Вопрос здесь стоит так: сможет ли Израиль решиться на бомбардировку тех или иных объектов на территории Ирана, не получив американского согласия. А если предположить, что Б. Нетанияху, не получив согласия США, все же отдаст такой приказ, что называется, «на свой страх и риск», поверит ли кто-то в арабо-мусульманском мире, да и вообще где бы то ни было, что Израиль пошел на столь драматическую военную операцию, не получив американского согласия?! Америку же такое развитие событий поставит в достаточно сложное положение: мол, она не только не может выиграть две войны, которые давно ведет в Ираке и в Афганистане, но даже по такому судьбоносному вопросу ее ближайший соратник, Израиль, с ней не посоветовался. В этом случае, какая же она супердержава?! Если же США поддержат в этом вопросе позицию «ястребов» в израильском руководстве, то все усилия президента Б. Обамы по налаживанию отношений со странами арабо-мусульманского мира окажутся перечеркнутыми (о триумфальном выступлении 4 июня 2009 г. в Каирском университете, так хорошо проанализированном российским арабистом Г.Г. Косачем⁹, можно будет забыть). Не для того же Барак Обама побеждал Джона Маккейна, чтобы продолжать на Ближнем Востоке провальную стратегию Джорджа Буша...

Некоторые считают, что США дескать заинтересованы решить иранскую проблему израильскими руками. Я позволю себе с этим не согласиться. Сила супердержавы состоит не только и не столько в том, что можно что-то сделать чужими руками, сколько в том, что она может подобное развитие событий предотвратить. Я не уверен, что Америка хочет ввязываться в эту ирано-израильскую

⁹ *Косач Г.Г.* Барак Обама в Каирском университете: речь, обращенная к арабскому и мусульманскому миру. М.: Институт Ближнего Востока, 2009.

«русскую рулетку» с совершенно непредсказуемым развитием сюжета. Пока что прошедшая 22 сентября встреча Б. Нетаньяху, М. Аббаса и Б. Обамы перед заседанием Генеральной Ассамблеи ООН продемонстрировала полную неспособность президента США добиться хоть чего-нибудь. Как верно написал об этом обозреватель второй по тиражу израильской газеты «Маарив», «какими бы возвышенными не были слова и устремления президента США, путь в никуда остается путем в никуда». Первая премьерская каденция Б. Нетаньяху во второй половине 1990-х гг. показала, что этот политик способен проявлять известную гибкость и готовность к уступкам, однако Б. Обама не добился от него ничего.

Сегодня мы реально пришли к ситуации, когда на Ближнем Востоке не осталось ни одной сверхдержавы, которая может навязать свою волю сторонам. Все увидели это в связи с крахом «Дорожной карты», разработанной и обнародованной в 2003 г. как совместная инициатива США, России, ООН и Евросоюза, но, несмотря на столь мощных и влиятельных коспонсоров, так и оставшейся не реализованной. Применительно к США это стало очевидным в связи с провалом инициированных Б. Клинтоном и Дж. Бушем-мл. палестино-израильских саммитов в Кемп-Дэвиде (2000) и в Анаполисе (2007).

Сегодня регион живет в ситуации, когда надежды на «спасительное» вмешательство Англии, Франции, США или Советского Союза, которые питали и Израиль, и арабские страны в 1950–1970-х гг., ушли в прошлое. В наши дни фактором, превращающим ту или иную страну в державу, является, прежде всего, обладание ею атомным оружием. Что случится, когда Иран будет иметь атомное оружие, и как это воспримут другие страны региона, которые не хотят идти в кильватере иранской политики, например, Турция, Саудовская Аравия или Египет? Пока на Ближнем и Сред-

нем Востоке атомное оружие есть только у Израиля и Пакистана, страны региона воспринимают ситуацию примерно так: «Израиль – страна вменяемая, атомным оружием пользоваться, скорее всего, ни при каких обстоятельствах не будет. Пакистан создал свою бомбу не против нас, государств Ближнего Востока, а в контексте своего противостояния с Индией, это нас не касается». Но атомное оружие Ирана – это угроза всей системе региональной безопасности. А в отсутствие сверхдержавы, способной держать события под контролем, странам Ближнего Востока остается рассчитывать только на себя. И в этой ситуации мне трудно представить, что может подвигнуть Египет, Турцию и Саудовскую Аравию – три наиболее влиятельные страны региона – отказаться от стремления к обладанию атомным оружием. Проблема на самом деле состоит в том, что иранский атом открывает прямую дорогу к появлению на Ближнем Востоке еще как минимум трех атомных держав. Это мир, в котором мы никогда не жили, но в котором нам, по всей видимости, предстоит жить в ближайшие десятилетия.

Показательно, что решение Б. Обамы отказаться от размещения систем ПРО в Европе совпало по времени с обострением обсуждения иранской проблемы. При этом совершенно очевидно, что проблема ядерного потенциала Ирана едва ли может быть технологически решена наличием каких бы то ни было американских ракет в Восточной Европе. От Тегерана до Варшавы – более 3 тыс. км, от Тегерана до Праги – почти 3 тыс. 400 км, от этих восточноевропейских стран до атлантического побережья США – почти 7 тыс. км... Более того: никаких прецедентов нападения на территорию США с воздуха со стороны какой бы то ни было страны арабо-мусульманского мира никогда не было, поэтому сложно понять, зачем американцам такой дорогостоящий и сложный в создании и эксплуатации «воздушный щит». Защищать территорию

Соединенных Штатов от возможного нападения со стороны Ирана путем размещения систем противоракетной обороны на территории Чехии и Польши – идея, конечно, исключительно экзотическая.

Не будучи участником каких бы то ни было дипломатических контактов, осмелюсь все же предположить, что на повестке дня может стоять возможность «размена»: США отказывается от размещения систем ПРО вблизи границ России, в Польше и в Чехии, и вместо этого размещает эти системы на территории Израиля. Это позволяет американской администрации требовать от израильского руководства отказаться от планов атаки объектов на территории Ирана. Таким образом, находится решение, более менее устраивающее почти всех: и Россию, для которой размещение американских систем противоракетной обороны в Израиле много предпочтительнее их размещения на территории государств бывшего «Варшавского договора», и Израиль, которому новые системы ПРО должны гарантировать гораздо большую безопасность, и даже Иран, который таким образом получает де-факто карт-бланш на завершение своего атомного проекта. Верно или нет мое предположение, мы увидим достаточно скоро.

Б. Обама стоит перед ситуацией намного более сложной, чем та, которая досталась Дж. Бушу в наследство от Б. Клинтона (до декабря 2000 г. лично патронировавшего переговорный процесс между руководителями Израиля и ПНА¹⁰; сейчас о контактах подобной степени интенсивности можно

¹⁰ О переговорах, которые велись при посредничестве Б. Клинтона и членов его команды, см.: *Ross D. The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2004. С. 94 и далее до конца книги. См. также соответствующие фрагменты в мемуарных книгах экс-президента Билла Клинтона (*Клинтон Б. Моя жизнь*. М.: Альпина бизнес букс, 2005) и экс-руководителя Госдепартамента Мадлен Олбрайт (*Олбрайт М. Госпожа госсекретарь*. М.: Альпина бизнес букс, 2004).

только мечтать). Палестинское национальное движение, которое на протяжении многих лет так или иначе вело переговоры с Израилем, все больше сдает свои позиции ХАМАС, видящему себя частью исламской панарабской силы, для которой борьба с Израилем – очень важный, но едва ли центральный компонент в программе создания арабского халифата. Как ни горько это признавать, в том, что палестинское национальное движение было подмято исламским фундаменталистским панарабским вектором, есть значительная доля вины и израильских руководителей, и американских «друзей», навязавших жителям Западного берега и Газы выборы, к которым последние не очень стремились, а затем объявивших блокаду тем, кто эти выборы выиграл. ХАМАС стало нечего терять, он мог уже не церемониться. Газа пала в июне 2007 г., и руководство ПНА этот район уже не контролирует.

Важнейшая задача сейчас – предотвратить подобное развитие событий на Западном берегу, для чего необходима интенсификация тройственного политического диалога между Израилем, ПНА и Иорданией на основе прагматичного анализа ситуации, а не на навязывании кому бы то ни было (например, палестинцам) чуждых им моделей общественно-политического устройства. Сионизм и палестинское национальное движение – практически зеркальные отражения друг друга, формировавшиеся в диалектических отношениях борьбы между собой, а ЦАХАЛ и силовые структуры ООП движимы похожей институциональной логикой. Лучшее, что может сделать президент США для израильтян и палестинцев – помочь тем из них, кто готов двигаться к мирному урегулированию, достичь его. Перед угрозой полного разгрома со стороны ХАМАС возглавляющие ПНА руководители ФАТХ едва ли займут наиболее непримиримые позиции. Факт существования целого ряда согласованных представителями

обеих сторон проектов мирных договоров (соглашение Бейлина–Абу Мазена 1995 г., документ Ами Аялона–Сари Нуссейбы 2002 г., Женевская инициатива 2003 г. и др.) позволяет надеяться на то, что задача эта, какой бы трудной она ни была, в целом разрешима. Как бы ни было приятно израильским руководителям слушать декларации «о едином и неделимом Иерусалиме – столице Государства Израиль», в реальности интегративные процессы в городе все слабее, а национальный сепаратизм евреев и арабов все сильнее, даже если не напоминать о тех или иных террористических актах.

Израильские интересы требуют не столько расширения территории или навязывания палестинцам, например, ценностей репрезентативной демократии, сколько мира, возможного лишь на основе признания прав и боли обеих сторон. Понятно, что и у израильтян, и у палестинских арабов развит инстинкт, позволяющий противопоставить понятия «мы», «свои», «наши», «местные», «родина» и т.д. «им», «чужим», «не нашим», «пришлым» и т.д., но этот инстинкт вредит обоим социумам больше, чем помогает им. Именно поэтому так важно было бы, скажем, и в еврейских, и в арабских школах преподавать историю Войны за независимость и возрождения еврейской государственности одновременно с историей палестинской катастрофы (накбы) и трагедии палестинских беженцев.

Президент США не должен быть ретранслятором идей израильских правых интеллектуалов (например, Натана Щаранского, книга которого «В защиту демократии» так понравилась Дж. Бушу и К. Райс), он не должен быть обвинителем палестинского руководства и тем более палестинского народа, потому что это в любом случае – контрпродуктивно: других соседей у Израиля нет, а попытка сформировать в ПНА другое руководство (путем многопартийных демократических выборов) закончилась грандиозным

провалом. Американский президент сможет принести наибольшую пользу Израилю, если он предложит сторонам творческие идеи, которые помогут им приблизиться к мирному соглашению. Например, премьер-министр или президент Израиля мог бы выступить в Законодательном совете ПНА в Рамалле с призывом к миру, а главу ПНА стоило бы пригласить выступить в Кнессет; позитивную роль мог бы сыграть и, например, визит М. Аббаса и премьер-министра ПНА С. Файеда на Храмовую гору; в Иерусалиме можно было бы попробовать создать еврейско-арабский общественный городской совет и т.д.

Сложно сказать, насколько значимое место в программе новой американской администрации на самом деле занимают проблемы Ближнего Востока (у США сейчас хватает и внутренних проблем, а во внешней политике целый ряд регионов – от Кавказа до Дальнего Востока – требуют не меньшего внимания). Однако важно прекратить войну для установления «нового мирового порядка». Эта война нанесла большой вред Ближнему Востоку, никоим образом не поспособствовав интересам безопасности Государства Израиль. Необходимо выйти из того круговорота насилия и вражды между христианскими «демократами» и мусульманскими фундаменталистами, чтобы «новый Ближний Восток», о котором столько говорят, стал скачком вперед, а не шагом назад.

Shlomo Brom

CAN WE GET
THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS
OUT OF ITS PRESENT STAGNATION?

At the beginning of the Obama administration a number of officials of the new administration presented a very ambitious Middle Eastern agenda with the goal of reaching an Israeli-Palestinian permanent status agreement in two years. We are approaching the end of the first year of this administration and it seems that the Israeli-Palestinian track is completely paralyzed. Peace negotiations failed to restart, and the political leaders of the two peoples are even not capable of meeting each other to discuss common issues. The trilateral meeting at the margins of the General Assembly that President Obama initiated was a farce. It seems that the US administration is perplexed and is not capable of configuring a workable negotiations process that can bring the two parties closer to the desired goal of the two states solution. That raises the question what might this workable process be and how the European powers, including Russia, can contribute to the realization of such a process and its successful conclusion.

The Israeli-Palestinian situation is extremely complex and its conditions are not favorable to an effective negotiations process. It seems that the leaderships of the two parties are not interested in the resumption of the permanent status negotiations. In both cases the reasons for that are a combination of domestic political reasons and deep mistrust of the other party.

In the Palestinian side the Palestinians are fragmented. They are divided both politically and geographically between the West Bank and the Gaza Strip. The Gaza Strip is ruled by a Hamas government that is gradually losing support of the people because it cannot deliver normal life, but it has strong security organs that keep it in power. The West Bank is under the control of the Abbas-Fayyad government based on the Fatah party that has only a partial control over this area because of the weakness of its security services, and actually the Israeli security services are operating freely and assuring security and stability. The two movements, Fatah and Hamas, are bitter enemies that perceive the struggle between them as an existential struggle.

In this environment Hamas retains its capability to be a spoiler of any progress in peace negotiations. Abbas cannot really negotiate a permanent status agreement because of his weakness. It is not surprising that when at the end of the last negotiations round Prime Minister Olmert presented to Abbas his comprehensive proposal for an agreement Abbas choose not to respond to this proposal. Now, after a new government headed by Mr. Netanyahu was elected in Israel another obstacle was added, because President Abbas does not believe that it is possible or useful to have negotiations with Mr. Netanyahu. Naturally he believes that he should not take a political risk and endanger his base of support for negotiations that will be useless. He prefers to focus on steps that will strengthen and expand his political base. For this purpose he convened the sixth Conference of the Fatah party aiming at reforming the party and rejuvenating it. The next planned step is general elections that will give him public legitimacy. Abbas declared recently that he is going to hold general elections for the presidency as well as for the PNC (Palestinian National Council) in January 2010. Currently the Abbas-Fayyad government has a problem of legitimacy because Abbas reached

the end of his term of office, which means that he and his government are actually not an elected government. However, elections cannot take place without cooperation between these two bitter enemies, Hamas and Fatah, and that depends on the two sides reaching an agreement. It is hard to envisage within this time frame a relationship between these two movements that will enable such agreement and cooperation.

On the Israeli side the situation is not more promising. In the last general elections the Israeli electorate voted mostly for right wing parties, and Mr. Netanyahu was capable of forming a coalition of mostly right wing parties with the Labor party as a kind of a fig leaf. The coalition is composed of members that either do not want an agreement with the Palestinians because they do not want to withdraw from the West Bank and dismantle settlements or members that are willing to have an agreement with the Palestinians based on the two states solution but do not believe that such an agreement is possible. A large part of the members of Knesset of the Likud, Netanyahu's party and the small right wing parties in his coalition belong to the first category, while Mr. Barak, the Defense Minister from the Labor party, and some of the members of the Likud belong to the second category. That means that if Netanyahu will start effective permanent status negotiations he may lose his government.

The new Israeli government does not trust the Palestinian government. While Mr. Olmert believed in the good intentions of the Palestinian leadership and its willingness to resolve the conflict peacefully through a negotiation process, albeit he had doubts as to their ability to implement agreements because of their weakness and fragmentation, the Netanyahu government does not believe even in the good intentions of the Palestinian leadership. With this set of assumptions Netanyahu is not willing either to take political risks for a negotiation process that from his point of view will

lead nowhere. The end result is a complete deadlock which makes it extremely difficult to arrange any meetings between the two leaderships.

To end this deadlock there is a need to jump start a viable and realistic process of negotiations and visible progress on the ground. This kind of process will have to include several elements.

The first element should aim at achieving visible results that can be used to create mutual trust between the two sides. It can be achieved through a process of state building in the Palestinian Authority that actually was proposed by Prime Minister Fayyad in his two years plan, combined with parallel steps that will be implemented by Israel. These steps should include a gradual transfer of control over expanding territories of the West Bank, and steps that will facilitate free movement of persons and goods in the West Bank and economic development. Assuming that this process will be successful it should include at an advanced stage also dismantlement of isolated settlements that interfere with the contiguity of the Palestinian controlled territories. This process should also build on the progress already made in Palestinian state building especially in the area of security with the assistance of the international community (the USSCO staff and EUPOL-COPPS) and neighboring Arab states.

The second element is resumption of negotiations on the permanent status agreement. The state building process will have problems of legitimacy in Palestinian society if it is not coupled with a negotiations process that will provide political horizons. At the beginning the negotiations will probably be ineffective because of the domestic political constraints of the two parties, but a success of the state building process has the potential to turn it into real and effective negotiations with proactive facilitation of the international community led by the US.

The third element is a regional envelope that will facilitate progress in this track. It will be based on the Arab Peace Initiative (API) but it will try to operationalize it. Currently the API is only a rain check given by the Arab League to Israel. It can be turned into a facilitation instrument, first, by asking the Arab States to assist the Palestinians in the state building process and in the negotiations that will proceed especially in areas where the Palestinians cannot agree on a solution without an Arab participation, for example, Jerusalem and refugees. Second, it should start a dialogue among Israel and the Arab states that will deal with the multilateral issues of the peace process. A convenient vehicle for that may be a resumption of the multilateral groups that were established after the Madrid conference.

The fourth element is the international umbrella that was already mentioned. There are a number of actions the international community can take. It should continue assisting the PA in the state building project, including the financial assistance given to it. It has a central role in jumpstarting the negotiations process. One possible way of doing it is by starting a Madrid-like process, by inviting the parties to an international conference that will determine the terms of reference of the negotiations. Following the Annapolis conference there was discussion of a second conference in Moscow. That can be used as the necessary platform.

Such a process cannot succeed if steps to neutralize potential spoilers are not taken. One potential spoiler is Syria. Engagement of Syria by the US as well as resumption of secret indirect negotiations between Israel and Syria can serve the purpose of preventing it from being the spoiler.

Hamas has even a greater capacity to be a spoiler mostly by escalating violence. It is doubtful whether Israel and the Palestinians can conclude a permanent status agreement and implement it with Hamas excluded. The movement represents

a large sector of the Palestinian society and can prevent the achievement of some national consensus needed for such an historic agreement. Currently both leaderships of Israel and Hamas are not interested in a dialogue; nevertheless steps can be taken to prevent Hamas from playing the role of a spoiler. First, Israel and the Quartet should change their approach and support Hamas-Fatah reconciliation. Second, Hamas governs the Gaza Strip and it has a strong interest in demonstrating to the Palestinian society that they provide an effective government that will deliver the necessary services to the population. Currently they cannot do it because of the siege on Gaza. Israel and Egypt can establish an environment in which this government can function normally without giving it a advantage over the Abbas-Fayyad government by opening the crossing to Gaza. It is quite possible that once the prisoners deal takes place the Israeli government will be open to this kind of ideas.

There is no magic formula that can provide a resolution of the Israeli-Palestinian conflict. The suggested process has the advantage of providing a carefully controlled road map with checks and balances. It enables the parties to embark on the process knowing that at each step they can consider whether the success of previous steps allows transition to the next phase.

Abdel Nour

SYRIA'S ROLE IN THE PEACE PROCESS
IN THE MIDDLE EAST.
IS SYRIA THE CENTER OF THE WORLD?

After the American invasion of Iraq, many political analysts noted a powerful set of actors amassing along Syria's borders, and joked that the country had joined a powerful league of nations, at the center of the world.

The United States had effectively infiltrated Iraq on one side, while the European Union projected strength through Cyprus and, by extension, through Turkey on the other. Israel and Lebanon each stood as additional challenges to Damascus. Syria now finds herself in a position of unprecedented military, political, and economic significance relative to its powerful neighbors.

These actors are pursuing a broad set of foreign policy goals in the region. While the United States seeks to protect its troops in Iraq and guarantee the country's budding political landscape, the European Union would like to control illegal immigration and clamp down on Al Qaeda and extremist smuggling activities. Against this backdrop, Israel aims to neutralize Hamas, to weaken Hezbollah, and to strike Iran before it can develop a nuclear bomb, and Lebanon has moved to assert its independence and end Syrian meddling once and for all. Many of these anti-Syrian factions have recruited important backers in the Middle East and around the world.

The success of each of these goals depends on a high level of strategic dialogue and cooperation from neighboring governments. Damascus, therefore, occupies a unique strategic position to grant or deny support to each of these actors. As a minimum, Syria should refrain from playing a negative role by allowing non-state actors to stir mischief across its porous borders, and challenge the powerful neighbors that Damascus cannot confront on her own. By cultivating cards in each of these arenas, Syria can methodically pressure much more powerful international actors and exploit opportunities to achieve its own objectives.

The Syrian regime has 39 years of experience in this practice, and has developed sturdy mechanisms to defend itself from the greater powers, should they try to act against it.

The Syrian regime has many enemies which seek its overthrow, but it has assessed its own vulnerabilities and immunized itself from these weaknesses.

1. Food security has been ensured through the establishment of a strategic crop of wheat, and the country can survive for two years on this supply despite the deterioration caused by the 2007–2008 drought that drove inhabitants out from over 160 villages in the northeast of the country.

2. To avoid exposure to the financial leverage of more powerful economic powers, which might seek to impose inflationary pressures against the Syrian Pound, the government has stockpiled roughly 15 billion US dollars in foreign reserves.

3. The country's domestic petroleum reserves, surpluses of which are exported, ensure energy security for the regime.

4. Despite a nascent stock exchange, the Syrian economy remains protected from the manipulations of foreign investments.

5. Domestically, most banks in the country are government-owned, and eighty percent of the private banks are partially owned by a lone regime functionary who also serves on the Boards of each of these banks.

6. Private media outlets in the country are also controlled by a small clique of regime loyalists who stay faithful to the ruling elite and remain hidden from the general public.

7. With 18 million Syrians currently living abroad, Syria has established a social safety network that relies on remittances to feed some 5 million citizens who live under the poverty line; these are 5 million citizens who could easily cause instability through demonstrations and resistance in a country of 20 million.

Beyond these socio-economic risks, the regime has insulated itself from any domestic security threats through the deployment of a vast patronage network that upholds the regime's security structure.

This systemic protection against overthrow lends the Syrian regime a level of security and confidence that grants it ample flexibility to effectively exploit the regional cards it has at her disposal.

From this vantage point, frequent appeals to Syrian national pride and principles, especially those regarding claims to the Golan, assume greater clarity.

Officials calling for the restoration of the Golan Heights are careful never to affix their commitments to a timeline. The specter of raising false expectations, which could lead to domestic unrest, keeps the regime from binding its legitimacy to concrete deliverables within a limited timeframe. Therefore, Syria maintains a comfortable perch from which to deal with this issue.

To be clear, the regime takes the restitution of the Golan heights seriously, and considers it a national duty of the highest priority, as Syria lost this land in 1967 when the founder of the current regime, Hafez Assad, was Defense Minister. The recovery of this territory could catapult Assad's son, the current President, to the stature of a national hero and ensure his regime's legitimacy for many years to come. Assad's Go-

lan strategy has managed to circumnavigate its relative inferiority with Israel in military power, and it appears to rely exclusively on the consistent application of political pressure that can impose a constant state of tension with Israel or with the international community. By utilizing the various cards it has developed, the Syrian regime can manufacture pressure points at a time and place of its choosing, that it feels better equipped to maneuver than its adversaries. Ultimately, this atmosphere may force Israel to tire of these ongoing political struggles and withdraw from the occupied lands, which is exactly what happened in South Lebanon.

The Syrian regime, therefore, carefully works to maintain "the resistance" against Israel. Slogans are papered over the walls of government buildings, and symbols dot the landscape of Syrian towns and cities, mobilizing Syrians in a national struggle. Such behavior serves to divert attention from the regime's poor economic performance, rampant unemployment rates, wide gaps in income distribution, and endemic corruption.

In recent years, a new element has emerged to push the Syrian regime to promote these slogans. Deep frustrations among the wider Arab public, abused at the hands of their own regimes, have raised a platform for political opposition, frequently monopolized by Islamist movements. Hamas and Hizbullah, in particular, have enjoyed broader support in recent years due to their perceived success in confronting Israel, and in presenting an alternative model to the stale status quo. Syria has capitalized on this trend by hosting a series of conferences dedicated to these slogans and resistance movements (e.g. conferences to support the resistance, conferences for Islamic parties, conferences of national parties, anti-normalization conferences, anti-Zionism conferences, conferences in Support of Al Quds, boycott conferences, etc.).

In response to these overtures, Islamist and resistance movements around the region have lent their support to Da-

damascus, and against the so-called Axis of Moderation (i.e. Jordan, Egypt, Saudi Arabia, etc). Deep partnerships have been developed between groups like the Egyptian and Jordanian Muslim Brotherhood groups and the Syrian regime; to curry favor with Damascus, they even lobbied the Syrian branch of the Brotherhood to drop its public opposition to the Assad regime.

Under the circumstances, the Syrian power structure rests firmly on the sustenance and propagation of these networks. Because regime survival is so clearly nurtured and tied to this platform, it cannot afford to assume a retaliatory stance or make any meaningful concessions vis-à-vis Israel and the Golan Heights: doing so could disintegrate these well-established networks, corrode Syria's regional posture, and make the government vulnerable to internal attacks. Insistence upon a full Israeli withdrawal from the Golan, coupled with full sovereignty over land and water, will likely remain Syrian policy, independent of Israeli behavior.

The most significant points of tension in the region

1. Iraq: By keeping the Americans busy in Iraq, Syria hoped to sink US prestige and sap its willpower through a low-intensity conflict. A bloody American occupation in Iraq, the Syrian leadership believed, could help ensure that the US lose its appetite for military confrontation, and keep Damascus safe from any American expansion. To this end, Syria offered direct, or at least tacit, support to terrorist groups crossing the Syrian border into Iraq. In addition, Damascus helped members of the Iraqi Baath Party regroup and establish a new leadership, and backed both the Shiite leader, Muqtada al-Sadr, and the Sunni Council of Scholars.

2. Palestine: Damascus openly harbored the Hamas movement, allowing the group to maintain its headquarters

in the Syrian capital. Beyond these passive measures, Syria actively trained Hamas members in the use of special equipment, technology, strategy and tactics to confront Israeli forces. Damascus also leveraged its special relationship with the Qatari TV channel Al Jazeera to advance Hamas' public relations strategy in the region.

3. Lebanon: To keep a lever in Lebanon, Syria cultivated its alliance with Hizbullah, offering support internally, for the group's political platform, and externally, to advance its "resistance" against Israel.

4. Islamist Movements: terrorist cells operating in the region, or in Europe.

5. Cyprus: Syria cooperated with Turkish Cypriots to open direct sea lanes to Syrian ports aiming to gain a card in the struggle either to pressure Greece, a EU member, or to help its ally Turkey (the president of Greece visited Syria in June 2009 and the Cyprus president in August 2009).

The series of fronts opened by Damascus permit the Syrian regime to position itself as the central address for US mediation efforts. In certain instances, like with Iraq, Syria pushed for direct negotiations by signaling that it had the capacity to reduce sectarian tensions and terrorism. In other instances, like with Israel, Syria indirectly projected its ability to rein in Hizbullah or Hamas, to force them to scale back their goals, and to prevent them from behaving as spoilers to Arab-Israeli peace negotiations. Even with Europe, especially with France and Great Britain, Syria presented itself as a partner in intelligence sharing by revealing limited information on strategic links with terrorist groups, some of which operated on European soil.

Over decades, the Syrian regime came to understand the significance of a powerful regional ally, like the Islamic Republic of Iran. At each stage of increased external pressure, Syria found succor and breathing room in its alliance with

Iran, which has incrementally deepened over time. At the same time, the Syrian regime understood well the consequences of tying its fate too closely with that of a single strategic ally that might seek to constrain its independence. So despite the explicit benefits of partnering with a rising regional player like Iran, the Syrian regime feared the domestic consequences of overreaching in this space. The Syrian public, especially the business sector, reacted negatively to the increased Iranian presence, and rumors began to spread of Shiite proselytizing, of the proliferation of Shiite schools and mosques, and of Shiite infiltration into the Syrian government via quotas in parliament and in the security apparatus. Iranian investments into the country introduced an element of friction with local Sunni populace, as Shiite agents and employees entered Syria en masse. Rapprochement with Turkey, a familiar Sunni power, helped absorb Syrian discomfort with the Shiites, as Turkey presented a valuable counterweight to the Shiite infiltration.

The American and Iranian elections: what's next?

Many elements have recently emerged to alter Syria's course, previous plans having been based on the assumption that Syria could successfully resist external pressure to accelerate peace talks with Israel.

1. The rapid increase of religious extremism has spawned a swift expansion of terrorist groups across the region that seek to instigate hostilities on a number of fronts.

The Syrian regime, now chastened by the rise of these uncontrollable movements, can feel the tide turning against it; as the regime is composed of a minority, the government fears that these forces may spin out of control. If peace with Israel cannot be reached in the coming years, then Damascus

believes that it will not be achieved any time in the foreseeable future. However, the success of a treaty could bring positive results, as it could mitigate the risks posed by the rise of extremism and emerging domestic threats to the regime.

2. The Obama Presidency presents a unique window of opportunity for Syria. As this administration may offer Syria the best deal it could hope for, Damascus has incentive to strike while the iron is hot.

3. Iran's recent elections revealed a major rift in Iranian society that threatens the Syrian-Iranian alliance. The prospects of a titanic shift in internal Iranian politics, similar to the one that occurred in the US, have augmented with the post-election demonstrations, and Iranian society clearly wants a real reformer in office. The crisis in Iran impacts a vital Syrian partnership, detracting from its regional standing and trimming its negotiating leverage over a range of regional issues (even if it is not now but for sure in the next presidential election).

This new equation gives the Syrian regime extra incentive to push forward negotiations for the restoration of the Golan Heights, before Syria's regional posture erodes. The Syrian president's public relations campaign, starring the first lady Asma al-Assad (organized by a British PR company), pays testament to the Syrian policy shift, as scores of interviews have appeared in international television and broadcast media to improve the regime's image abroad, and to signal Syria's desire for peace while isolating the Israelis (who they maintain are the obstruction to peace).

Most Syrian officials have declared that negotiations with the Netanyahu government are useless. They have decided to reject Track II diplomacy and are instead preparing to cooperate with the United States and France through confidence-building measures:

1. Prior to US Ambassador George Mitchell's visit to Damascus on July 25th, Syria asked Shiite leader Muqtada

al-Sadr to use his influence to help alleviate the tension between Sunnis and Shiites in Iraq. Syria also cooperated with the U.S. military delegation with regard to the security situation in Iraq.

2. In the Palestinian arena, Syria extended a public invitation to Palestinian Authority President Mahmoud Abbas at a time when Fatah tensions with Hamas ran at an all-time high, and conferred with him to help broker an end to the intra-Palestinian dispute and move toward the establishment of a national unity government.

3. With regard to Hamas, Syria appealed to the group's leadership to drop its feud with Fatah and move towards national unity, to cooperate with France and Qatar, and to accept a Palestinian state within the 1967 borders; most recently, they pressured it to facilitate the Fatah conference.

4. In Lebanon, Syria made an unprecedented gesture to the West by sending a Syrian Ambassador to the newly established embassy before the June 6th meeting between French President Sarkozy and US President Obama in Normandy.

5. Additionally, Syria pressured Hizbullah against intervening in the Gaza showdown between Israel and Hamas in January this year.

The next phase of this rapprochement between Syria and the US will commence after more confidence building measures are established, and after the US sends an ambassador to Damascus to begin high-level meetings and re-start regular diplomatic contacts. In cooperation with France, Turkey and the United States, Syria would like to prepare the groundwork for talks with Israel, without the preconditions which had blocked previous rounds of negotiations in the past.

These actions can build pressure on the Netanyahu government, which continues to reject peace. By building internal pressure on Netanyahu's governing cabinet, Syria hoped to push the Israelis to include Tzipi Livni and Kadima in the coalition and to strengthen Syria's hand in future negotiations.

Peace between Israel and Syria has already been partially accomplished. Many of the items to be concluded in a final treaty have already been discussed in previous official or unofficial negotiations. Furthermore, the Israeli-Syrian track presents a set of issues that are politically and technically more manageable than the Israeli-Palestinian track, and should Syria have its internationally recognized rights recognized, it would grant political victories to both Obama and Netanyahu.

What does Syrian need in return?

The restoration of the Golan Heights to Syria will achieve a great victory on the grassroots level, making citizens forget the corruption and the confiscation of the pretext of human rights that justified the emergency law for so many years; this can provide the regime comfort for many years to come. However, many deep and serious economic challenges have emerged (unemployment, poverty, drought, etc) and Damascus requires an open line with Turkey and Iran to survive. Better ties with the United States, France, Germany and Saudi Arabia could also help bolster Syria's wanting economy and open it up to the world.

With regard to US-Syrian relations, Damascus follows this equation: improving relations would help the regime, but too much US involvement could be dangerous for it. Therefore, Syria may try and build ties with the US, but avoid moving this relationship to a higher level of cooperation. Instead, the regime may seek to reserve a privileged relationship with France, especially in security issues, and possibly with Germany's Socialist Party should Franco-Syrian ties fray. Ultimately, Syria might seek international assurances for the regime's longevity, the abolishment of all sanctions, wide rang-

ing economic and technical support, and the abandonment of support for any Syrian opposition movements, in exchange for Syria's agreement to no longer play the role of spoiler in the region.

Unless the regional balance of power changes, however, Damascus will never take the risk of abandoning its relationship with Tehran; the maximum it may be prepared to do is to pressure Hamas and Hizbullah and forbid them from using Syrian land in any operation against countries with which Syria has a peace agreement.

Mossi Raz

THE ROLE OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION
IN THE MIDDLE EAST.
WHY SHOULD EUROPE AND RUSSIA HAVE A ROLE
IN THE MIDDLE EAST?

1. The conflict in the Middle East reflects on conflicts in Europe because in most of the states there are large Moslem and Jewish communities who support and identify with the Palestinians and the Israelis.

2. Many Israelis came from Europe and about 20% of the Israelis came from Russia in the last two decades.

3. The history of Europe and the conflict: Europe was the most anti-Semitic place on earth for centuries, this along with the fact that the ideology of nationalism was created in Europe were the main reasons for Zionism.

4. The Balfour declaration of 1917 was an encouragement to Zionism on the one hand and was perceived by the Palestinians as proof that Zionism is part of Western Anglo-American imperialism.

5. The British mandate for Palestine-Israel for 31 years and equivalent French mandate for Syria and Lebanon.

6. The U.N. resolution of 1947 to establish two states, Arab (not Palestinian) and Jewish (!) which was supported by Russia and most of the European states, which was perceived by the Arabs as support in the Jews and the Israelis.

7. Since 1967 most of the states in Europe supported the solution of two states. Russia cut diplomatic relations with

Israel after the 1967 war. This attitude for the last 42 years changed the atmosphere in Israel which is very hostile now to Europe.

How is Europe perceived?

Most of the Israelis see Europe and Russia as anti-Israeli and even anti-Semitic.

One could think that this is quite rational considering history: Jews suffered all over history from the hostility of the Europeans much before the Holocaust which was the largest genocide ever, and even after the Second World War.

But after checking the reality it seems that the Israelis are much more updated: if history was the main reason, we could expect a deeper hostility to the Germans, but public opinion polls showed many times that this is not the reality, actually the Israelis see Germany in a much better way than they see most of the other states in Europe:

According to research by Kavner institute for German history (Haaretz September 11, 2009), 61% of the Israelis are satisfied with the way that the Germans deal with the history of the Holocaust, 80% of the Jewish Israelis see the relations between Israel and Germany as "normal" and 81% agree that today Germany is different from the Germany of the Second World War. Only 6% of the Jewish Israelis boycott Germany but 12% prefer products "made in Germany " to any other product. 50% of the Jewish Israelis said that it makes no difference to them whether the product is made in Germany or not. 55% think that the level of anti-Semitism is the same there as in other states in Europe, 57% think that Germany supports Israel on the same level as the other European states 53% of the Jewish Israelis have confidence that Germany will deal in a fair way with the conflict in the Middle East (only

27% of the Palestinian citizens of Israel are confident of it) compared to only 46% who have that confidence in France and 90% in the U.S.

The Israelis see the states in Europe and like those states or not regarding only one question: What do the Israelis think about the attitude in the other state to the Jews and Israel. Sometimes they mix criticism of Israel with anti-Semitic views. Actually Israelis see almost every criticism of Israel as an expression of anti-Semitism.

It is well known that most of the important European leaders are friendly to Israel (The German leader, the French, the Italian and others) but the public opinion in Israel differentiates between the leaders and the European public. Many times the Israelis see anti-Semitism and racism in Europe in a very racist way and describe anti-Semitism as existing only in Moslem communities. Of course basically the way that the Israelis see the European approach is mistaken but sometimes Europeans write and say things that are unacceptable and of course anti-Semitism does exist in Europe not less and not more than racism in Israel. The European Union took a very brave (and not justified) act, deciding that denying the right of Israel to exist is anti-Semitism while many people in Europe do deny it. I think that denying the right of Israel to exist does not necessarily make you anti-Semitic but is a real mistake which undermines the Palestinian cause. On the other hand, I do recognize the fact that most (not all) of the people who oppose the right of Israel to exist are anti-Semitic.

People in Israel see different states in Europe in a different way:

Russia – under the communist regime was anti-Semitic according to the Israelis and probably even from an objective point of view. Today, people mention the cooperation between Russia and Iran on the one hand (and see that as proof of Russia's anti-Israeli views) and the very violent operations

of the Russian army in Chechnya proving that this is the successful way to stop the terror.

England – People did not forget the British mandate but usually people look at England in a very positive way. Everybody remembers the Falkland Islands and the violence of the British forces and above all the fact that they did not let media representatives visit the theater of operations during the war.

France was probably the most hated state by the Israelis before Sarkozy came to power, all the researchers show that France is the most anti-Semitic state on earth and people talk about France as part of the Arab world and not as part of Europe. Nobody mentions the French history of occupation in North Africa and the fact that in the years of the occupation the French army and police killed about half a million Arabs.

Germany – is strangely perceived as friendly to Israel.

North Europe and Scandinavia – are perceived by the Israelis as very anti-Israeli. Sweden, Norway and Finland are "the worst", Denmark is not that bad and the Netherlands are "the best" (people don't forget the story of Anna Frank and think that it was the Dutch who protected her) .

East Europe – people see East Europe as anti-Semitic on the one hand but not anti-Israeli.

The differences are important but the picture in Israel is quiet clear: Europe is anti-Semitic and every European criticism of Israel is because of that.

On the other hand, most of the Israelis feel they are part of the European culture and values, try to import the European fashion, and fly to Europe almost every year. The largest part of imports is coming from Europe and hundreds of thousands of Israelis whose parents and grandparents came from Europe apply to get a European passport.

The Palestinians who in the past saw Europe in a very negative way changed this view and see Europe as friendly

to the Palestinians in spite of the fact that they do not share the same values.

On the other hand, Israelis see U.S. (not Obama!) as the best friend of Israel while the Palestinians see U.S. (not Obama!) as their enemy.

What should be the Russian and European role

As mentioned above, every direct pressure from Russia or Europe on Israel will be counterproductive and will have a negative effect.

In order to be effective Europe and Russia should cooperate with the U.S, and work together. The goal should be to reverse the roles. The U.S. should be the bad policeman for the Israelis while being the good guy for the Palestinians. Europe should be the bad policewoman for the Palestinians and in the same time be the good friend of Israel.

The American role should be to support financially the Palestinians' projects and to go on with the president's policy of reconciliation with the Arab world and the Palestinians.

Most important: The Americans should exert pressure on Israel to accept the Arab League's peace initiative, to evacuate the settlements and to put an end to the occupation. The Americans should understand that they are very powerful in Israel. Last June after the president's speech in Cairo Israelis were asked in a poll if they support the president's plan, most of them did not support it. Then they were asked if they think that Israel should agree to Obama's plan. The majority said yes. One may think that this is a contradiction, but it is not, it is a deep understanding among Israelis that the relations between Israel and the U.S. are much more important than the questions of settlements. This is exactly why the Americans

should be very tough on the question of settlements, because this is going to be the more painful price that Israel is going to pay.

Europe and Russia

After understanding that every critique of Israel from Russia and Europe will be counterproductive for the Israelis, despite the weapons that Russia is selling to Iran and the European anti-Semitic history, at present we have to find a productive role.

Basically, Europe has to be the good guy and to play the same role that U.S. should play with the Palestinians. The European fight against anti-Semitism will help the U.S. to make Israel more supportive of the idea of ending occupation, the two states solution and the Arab League peace initiative. An expression of support from Europe for Israel will help Israel to put an end to the occupation. It doesn't mean that there is no dirty work to do, but the Americans will do that much better.

Europe should continue to offer support for Palestinian Israeli activities, including people to people contacts, and promote supportive information and media.

Russia should be much more involved with the very large community of Russian immigrants who live in Israel and do not support the two states solution. They should hear again and again in the Russian language Russians who support peace. The broadcast of the Voice of Russia over the All for Peace radio are precisely the kind of work that Russia should do.

Europe and Russia should put pressure on the Palestinians to implement the obligations they have undertaken, while the U.S. should take the responsibility that Israel will implement them on the other side.

Europe should use very important tools that the Europeans have in order to make this pressure felt:

Visas for Palestinians

Passports for Israelis and Palestinians

Negotiations with the two states on the upgrading of relations with the EU – maybe even offering full membership (?)

Using even some parts of these tools will encourage Palestinians and Israelis to make a compromise.

Elias Samo

ARAB-ISRAELI PEACE PLANS:
A SYRIAN PERSPECTIVE

Arab-Israeli relations have been in a state of turmoil since the establishment of Israel on May 14, 1948; wars have been waged, but peace has never been given a serious chance.

On War. There has been, unfortunately, no shortage of wars fought between the two sides; the first was in May, 1948, following Israel's establishment and the latest was the Israeli aggression on Gaza in December, 2008. In fact, one could say that the Arabs and Israelis have been involved in a single war – since 1948, interrupted by armistices, ceasefires, and cessations of hostilities. A war is not concluded until one side loses the will to resist and signs articles of surrender. The Arab will to resist, Lebanon in 2006 and Gaza in 2008, is an indication that the only way to end this long and tortuous war is through peace, not surrender. Similarly, Israel faces a “war paradox” of its own; it is unable to win the war against the Arabs nor can it lose the war, for that will mark its end.

On Peace. Similarly, there has also been no shortage of peace plans tabled between the two sides: international, Arab and Israeli plans. First, international peace plans are proposed primarily by the Americans, and usually backed by the Europeans; the rest of the world however, stands as a helpless spectator. There have been several American plans; the most recent one is “The Roadmap”. It was proposed by President Bush in a speech in 2002, titled “A Performance-based

Roadmap to a Permanent Two-State Solution to the Israeli-Palestinian Conflict”. It was welcomed and supported by the U.N, the EU and Russia, the four (including the U.S.) became commonly known as the Quartet. It is a long, detailed and elaborate plan which concludes with the expectations that the:

“Parties reach final and comprehensive permanent status agreement that ends the Israel-Palestinian conflict in 2005, through a settlement negotiated between the parties based on UNSCR 242, 338, and 1397, that ends the occupation that began in 1967, and includes an agreed, just, fair, and realistic solution to the refugee issue, and a negotiated resolution on the status of Jerusalem that takes into account the political and religious concerns of both sides, and protects the religious interests of Jews, Christians, and Muslims worldwide, and fulfils the vision of two states, Israel and sovereign, independent, democratic and viable Palestine, living side-by-side in peace and security, Arab state acceptance of full normal relations with Israel and security for all the states of the region in the context of a comprehensive Arab-Israeli peace.”

Second, the Arab plan regarding Israel and the conflict has gone through three stages since its establishment in 1948: Elimination, Rejection and Acceptance. The first stage, which lasted from 1948 until the June '67 War, was aimed at eliminating Israel, not in the physical or demographic sense, such as the incendiary accusation of "throwing the Jews into the sea", but in the ideological and national sense. The plan found its roots at a time when Arab nationalism was on the rise, and thus saw Arab unity as its primary goal. At that time, the Arabs felt that there was no room in Palestine, in the midst of the Arab world, for a non-Arab state extending from the Mediterranean to the Gulf of Aqaba, dividing the Arab world permanently into two parts, east and west. The Israeli victory in the June '67 War, and the resulting occupation of large areas of Arab territory led to the Arab realization that Israel was there to

stay. Arab objective vis-à-vis this inexorable realization changed from elimination to rejection; Israel exists, but we reject it. This new formulation was declared in the famous Khartoum's three Nos: "No negotiation, No recognition, No peace".

The rejection formula started to break down and was replaced by the acceptance phase after the '73 October War. The change began with the '79 Egyptian-Israeli Peace Treaty and was eventually formalized by the convening of the 1991 Madrid Peace Conference which was predicated on Arab acceptance of Israel. The crowning moment of the acceptance stage came in the Arab Summit in Beirut in 2002, which adopted the Saudi proposal, the Arab Peace Initiative (API). The API replaced the three Khartoum Nos with the three Beirut Yes's "Yes negotiation, Yes recognition, Yes peace". The essence of the API consists of three parts:

“1. Requests Israel to reconsider its policies and declare that a just peace is its strategic option as well.

2. Further calls upon Israel to affirm:

I – Full Israeli withdrawal from all the territories occupied since 1967, including the Syrian Golan Heights, to the June 4, 1967 lines as well as the remaining occupied Lebanese territories in the south of Lebanon.

II – Achievement of a just solution to the Palestinian refugee problem to be agreed upon in accordance with U.N. General Assembly Resolution 194.

III– The acceptance of the establishment of a sovereign independent Palestinian state on the Palestinian territories occupied since June 4, 1967 in the West Bank and Gaza Strip, with East Jerusalem as its capital.

3. Consequently, the Arab countries affirm the following:

I – Consider the Arab-Israeli conflict ended, and enter into a peace agreement with Israel, and provide security for all the states of the region.

II – Establish normal relations with Israel in the context of this comprehensive peace.

Third, the Israeli–Zionist plan has been on the table a hundred years before the Roadmap and the API saw the light, and the Israeli leadership has been continuously, consciously and consistently following the plan – openly at times and surreptitiously at other times. To appreciate the significance of the Zionist plan for Palestine, and to put the Netanyahu policies in the proper context, it is worthwhile reviewing the origin and development of the plan. In 1896 Theodore Herzl, the founder of the Zionist movement, proposed a plan for the establishment of a Jewish state in Palestine. He said that for Jews to escape their tragic history of oppression and anti-Semitism, they, like other peoples, must establish their own state where they can live in peace and security. There were several suggestions as to where the Jewish state should be located; it was eventually agreed that Palestine, the Promised Land, should be the location. However, for the Jewish state to be Jewish and survive in the midst of the Arab-Muslim world, it must be cleansed of the indigenous inhabitants, the Palestinians, whose number at the time was several hundred thousand. The basic pillar of Zionism was that of racial expulsion and cleansing; originally articulated by Herzl who said that the process was to “spirit the penniless population across the frontier by denying it employment. Both the process of expropriation and the removal of the poor must be carried out discretely and circumspectly.” Vladimir Jabotinsky, the extreme right-wing ideologue who had broken rank with mainstream Zionism, further emphasized the centrality of racial expulsion and cleansing by adding the Iron Wall factor. In his book “The Iron Wall”, published in 1923, he said that “There can be no discussion of voluntary reconciliation between the Arabs, not now and not in the foreseeable future. All well meaning people...understood long ago the complete impossibility of arriving at a voluntary agreement with the Arabs of Palestine, for the transformation of Palestine from an Arab

country to a country with a Jewish majority.” He added "Colonization has only one goal. [It must proceed] against the will of the Palestinian Arabs...under the shield of force which comprises an Iron Wall which the local population can never break through." Liberal and secular Zionists considered Jabotinsky and his followers' right-wing revisionists outside mainstream Zionism. With the passage of time, Jabotinsky's followers changed their conception of the Jewish state, from a state on both banks of the Jordan River – Greater Israel- to a state from the sea to the river – Great Israel-. They formed the Likud party which won the elections in 1977 and its leader Begin formed the government. And today, the right-wing revisionist Zionism of the past represents mainstream Zionism for which Netanyahu is the leader.

Racial expulsion and cleansing was not a monopoly of Herzl and Jabotinsky. Ben-Gurion, the founder of the state of Israel and an adversary of the revisionists, spoke and wrote at various times of the centrality of racial expulsion and cleansing as did succeeding political and military Zionist leaders. Therefore, since the June '67 War, while the Israeli leaders, particularly the liberal and secular ones, spoke of peace and withdrawal from the occupied Arab territories, settlement building and expansion continued. Thus, Netanyahu's position on the peace process and the two-state option is consistent with the Zionist plan of a Jewish state from the sea to the river and expulsion and cleansing. Netanyahu tells his cabinet that, "Jerusalem is not a settlement, and there is nothing to discuss about a freeze there." He further asserts that Jerusalem will remain both united and the capital of Israel. And when he speaks of "a Palestinian state", it is an unarmed state, within the domain and under the control of Israel and lacks real sovereignty. In view of Israel's continued settlement expansion, the Palestinian "state" will actually be nothing more than a collection of "Palestinian quarters" within great Israel, consistent with Mid-

dle Eastern traditions of having "quarters" in the major cities for different ethnic and religious minorities.

Netanyahu believes in the notion of an "Iron Wall". However, he wants to establish a double tier Iron Wall. The first is Jabotinsky's Iron Wall composed of superior military power second to none in the region and considered one of the top four or five military powers in the world; it includes a large number of nuclear warheads in addition to its conventional military might, making Israel invincible. The second is a strategic, defensive and impenetrable wall surrounding Israel starting with the Sinai desert on the west, free of offensive military capabilities, the Golan on the north, either occupied or vacated by Israel and on the east, the Jordan river basin under Israeli sovereignty, a neutralized kingdom of Jordan and a fractured Iraq farther east. The Sinai, the Golan and the Jordan river basin constitute a strategic and impenetrable semi-circle surrounding Israel. Therefore, there is and has been from the beginning of the Zionist movement a plan. It has remained constant and consistent throughout.

It is worth noting that Israeli reaction to both the Roadmap and the API is consistent with the Zionist plan and reinforces the belief that Israel is committed to the fulfillment of the plan. The Roadmap Quartet represents three major international powers that have historically been supportive of Israel, particularly the US, which has been totally supportive of Israel, right or wrong. Additionally, the Arab States, the Muslim states and the U.N with its 192 member-states all combined, constitute a total and formidable international consensus supporting the Roadmap. However, the Israeli response to the Roadmap included so many reservations rendering it null and void. The Israeli response to the API was practically non-existent. It was ignored and is hardly known in Israel. Israeli reaction to both the Roadmap and the API is the traditional Israeli stone-walling in line with the saying: "The caravan is moving, while the dogs are barking."

A Syrian perspective*

The Arab-Israeli peace process, particularly the Syrian track, has taken a giant step backward. Gone are the promising days of the 90's when there seemed to be a great hope of a breakthrough; one could see light at the end of the tunnel. There is a consensus among those who participated in the Syrian-Israeli track that 85% of the contentious issues were resolved and a deal was at hand. When the late President Assad and President Clinton met in Geneva in March 2000, the expectation of reaching an agreement was almost a foregone conclusion; its failure was a shock to many. Syria believes, for good reasons, that at present the prospects for an Arab-Israeli peace range from a "weak maybe" to "none". The "weak maybe" is the Syrian-Israeli track, and the "none" is the Palestinian-Israeli track.

1. The Palestinian-Israeli track revolves around three central issues: withdrawal, Jerusalem and Palestinian refugees. The positions of the two parties are diametrically opposed; it is a case of an irresistible force colliding with an irremovable object.

a) Withdrawal: If Obama, president of the greatest power, the inevitable protector and benefactor of Israel, could not pressure or convince Netanyahu to merely stop temporarily settlement expansion, what hope is there for an Israeli withdrawal from the land occupied in the June '67 War? Withdrawal will entail dismantling some of the two hundred settlements where 300,000 settlers (excluding

* Some of the material in this part draws on several articles written by this author, published in Bitterlemons International (bitterlemons-internationalsl.org), and in Tishreen Newspaper, a Syrian daily on November 2, 2009.

200,000 in east Jerusalem), live and consider the territory part of Eretz Israel. One recalls the domestic troubles Begin faced when he consented to the evacuation of 2,000 settlers from Yamit, a single settlement in the Sinai, as called for in the Egyptian-Israeli peace treaty, although the settlement was not in Eretz Israel.

b) Jerusalem: Netanyahu, and behind him Jewish and Christian Zionists worldwide as well as the still powerful American neo-conservatives, refuse to even consider the possibility of a divided Jerusalem, for they consider Jerusalem their religious and spiritual center and will not consent to dividing and sharing it with Muslims. They say, discretely and at times openly, that Jews and Christians have only one religious and spiritual center, Jerusalem, while Muslims have two, Mecca and Medina.

c) Palestinian Refugees: The Zionist ideology of racial expulsion and cleansing plus the Palestinian demographic ticking bomb which has become an Israeli nightmare, make Palestinian and Arab demand of the right of return of Palestinian refugees, as far as Israel is concerned, an exercise in futility. In fact, a general feeling is spreading among many knowledgeable and concerned people that the Palestinian track itself at present is an exercise in futility and the two-state option is on its last breath.

2. The Syrian-Israeli track has been on and off since the Madrid Peace Conference in 1991. The Rabin and to a lesser degree the Barak periods were the most promising. However, the process during this decade, except perhaps the Turkish initiative, has been non-consequential. The Syrian position has been constant and consistent. Peace with Israel is a strategic option based on international legitimacy, UN Resolutions (particularly Security Council resolutions 242 and 338) and the 1991 Madrid Peace Conference guidelines. The present Syrian and Arab position is: give us that which is ours – terri-

territories occupied in the June '67 War- and keep that which is not yours – present-day Israel.

The Syrian position: It is important that certain misconceptions regarding Syria's position on peace with Israel be corrected. First, the Syrian leadership, despite its ideological rhetoric, is pragmatic and can be as good a deal-maker as anyone. Second, Syria wants to resume negotiations with Israel to recover the Golan, but not at any price. The occupation has lasted for four decades; Syria has lived without the Golan and can continue to do so if it must. Third, Syria is not oblivious to the Golan, either. There are some voices claiming that Syria's interest in the peace process is neither peace nor the Golan, but to maintain the status quo on the assumption that the survival of the regime depends on the continuation of the state of war with Israel. This is absurd, because the return of the Golan will make President Bashar Al Assad a hero. Fourth, Assad has repeatedly stated that Syria is ready to resume negotiations with Israel, stressing, however, that the Golan is not negotiable. It is unlikely that he would or could accept withdrawal short of the June 4th, '67 line which his father insisted on.

The Israeli position has fluctuated between a peace option and a status quo option. The peace option which was dominant during the last decade has been replaced by the status quo option under Netanyahu's leadership. A leading Israeli figure in support of peace with Syria is Ehud Barak, the defense minister. For Barak, the Syrian track is his baby. He had a deal during 1999-2000, but when the moment of truth came, he choked. He probably has regretted missing the opportunity of making peace with Syria. Israeli leaders never miss an opportunity to miss an opportunity to make peace. The reason for Netanyahu's preference for the status quo is that "The Syrian border with Israel has been Israel's safest for thirty-five years." Therefore, since it is not broken, why fix it?

The Syrian-Israeli track has taken a giant step backward for two reasons:

a) The Syrian-Israeli peace negotiations were originally bi-lateral, centering on four issues: withdrawal, normalization, security arrangements and a timeframe for implementing the agreement. Now, Israel has turned the bi-lateral negotiations into multilateral ones by adding three new issues, Iran, Hamas and Hezbollah. Israel demands of Syria to divest itself of a potentially nuclear Iran, a militarily victorious Hezbollah and a politically victorious Hamas. Syria's relations with Iran, which go back several decades, might be modified, but not severed. Why should they be severed? What is the quid-pro-quo? As for Hezbollah and Hamas, they are legitimate political-military organizations, politically like any party and militarily, dedicated to the liberation of their illegally occupied territories. Their legitimacy was acquired through democratic elections, in their respective countries, a rarity in the region. They are delegitimized and branded "terrorists" by outside powers, based not on international standards but rather on political considerations and manipulations.

b) The second reason for the giant step backward is the attitude and capability of the present leaders in comparison to the former leaders who were involved in the peace process. The former leaders, Assad, Rabin (and perhaps Barak) and Clinton, wanted to make peace and could make it. By comparison, the present leaders are a different breed, with a questionable desire and/or capability to make peace.

Netanyahu wants to start negotiations with Syria under the right conditions, despite his stated position that the Golan has been Israel's safest border for the last thirty-five years and so why change it. The problem is what are the right conditions? He insists that negotiations should start without pre-conditions, but he lists his own pre-conditions: no peace without recognition of Israel as a Jewish state, no withdrawal

from the Golan, only perhaps in the Golan and no resumption of negotiations from the point they stopped, only from square one. These are real pre-conditions in which one side, Israel, demands the other side to accept. Netanyahu's insistence on starting negotiations from square one without any guidelines is in effect a vote of no confidence in former Israeli leaders particularly Rabin. Beyond these, the question is whether Netanyahu is capable of making peace. One is reminded of the so-called Begin precedent, Israeli withdrawal from the Sinai which has developed into a presumption that only the Israeli political right can make peace. The reasoning is that the Israeli public cannot accuse the political right of surrendering any part of Eretz Israel or jeopardize its security. The similarities between the Sinai and the Golan are, neither is within the context of Eretz Israel and both are strategic. In case of peace with Syria, Israel will undoubtedly insist on security arrangements on the Golan comparable to that of the Sinai. The main difference between the two is the number of settlers, a few thousand in a single settlement in the Sinai while there are a much larger number of settlers and settlements in the Golan. In view of Netanyahu's pre-conditions, the difficulty in withdrawing settlers, his notion that the Golan is Israel's safest border and his fragile coalition, the likelihood is that the status quo option will prevail and be maintained.

Assad wants to make peace, has repeatedly expressed his desire for peace and is certainly capable of making it. Furthermore, by comparison, the Syrian position regarding the resumption of negotiations does not constitute pre-conditions, in which one side demands the other side to accept. Syria insists on a commitment by both and applicable to both to ground rules which will constitute the basis for negotiations. Syria's position is that negotiations must be resumed from the point they stopped and based on two guidelines: international legitimacy embodied in UN Security Council resolutions 242 and 338, and the Ma-

drid Peace Conference particularly the land for peace formula. These guidelines were the bases for the Syria-Israel negotiations in the 90's and resulted in resolving 85% of the contentious issues. Syria's insistence on the resumption of negotiations based on these guidelines is in effect a vote of confidence in former Israeli leaders, who agreed to the resolution of the majority of the contentious issues. However, the Syrian president would face two problems in case of a progress on the peace process. First, is the question as to whether he is willing to cross a red line consisting of three precedents: the Egyptian-Israeli peace treaty which entailed total Israeli withdrawal from the Sinai, Rabin's commitment to total withdrawal from the Golan and the 85% resolved issues which the Syrians are unlikely to reconsider? It is unlikely that he would cross it. Second, in the aftermath of the Madrid Conference, a subtle competition developed between the Syrian and Palestinian tracks for negotiation priority. A- If Israel chooses to maintain the status quo on the Syrian track and proceed seriously on the Palestinian track ending with a Palestinian- Israeli agreement excluding the Golan, the Syrians would have reasons to be concerned. Such a development would marginalize the Golan; the international community would lose the interest in a border dispute between two neighboring states the like of which is abundant in the world. B- However, if Israel chooses to procrastinate on the Palestinian track and resume negotiations with Syria where both Syria and Israel received their minimum requirements for an agreement, the Syrian leadership will find itself in a quandary. Will it sign a peace treaty with Israel, knowing that the Palestinian track is deadlocked, that the Israel leadership is eagerly pursuing the expansion of settlements to fulfill the Zionist plan of a greater Israel and that ultimately, Palestine, for which Syria and the other Arab states fought for so long, is lost?

Obama wants to make peace and without American full participation, negotiations will not succeed. Only the US can

provide what is needed for success: pressuring both sides, assisting in the security arrangements and providing the funds needed to implement the deal. However, Obama carries a heavy baggage of several issues, which constraints him and limits his capability and involvement in the Syrian track. First, his preference is the Palestinian track, which he considers correctly the core problem. Second, he is over-loaded with several urgent domestic and international issues, some of which have no easy solutions. Third, the powerful Israeli lobby complex will prevent him from putting undue pressure on Netanyahu. Fourth, is the handicap of his racial and religious origins. For Obama to have any chance of success in the peace process, he must get the backing of the other two major powers, the EU and Russia, who have been for the most part, particularly the EU, mere spectators. They must get over their feelings of guilt regarding their past mistreatment of the Jews and take an active role in the peace process, in conjunction with Obama. The US is far removed from the region, but Europe is in the neighborhood. Turmoil in the region will overflow and Europe will be the recipient and will pay the price; legal or illegal immigration from the region to Europe, Islamophobia, terrorism, petroleum... etc are cases in point.

Conclusion

For a genuine peace between Arabs and Israelis to be realized, both sides have to move from a maximalist to a minimalist position; from the inevitability of a continuous war to the necessity of a permanent peace. The Arabs, to their credit, have moved from a maximalist to a minimalist position; elimination, rejection and finally to the acceptance of Israel in peace and security. Conversely and unfortunately, the Israelis have moved from a minimalist to a maximalist position; from seek-

ing acceptance by the Arabs to rejecting – ignoring at best – all Arab peace offers, including the API and finally to the elimination of Palestine and the Palestinian national existence.

Can Netanyahu and the Israeli governing groups reconcile the central conflict between the Zionist plan of a Jewish state between the sea and the river free of any relevant Palestinian presence, surrounded by an impenetrable strategic wall, and in possession of an invincible military machine, on the one hand, and peace and normal relations with the Arabs, on the other hand. Can Netanyahu and the Israeli governing groups cease being a hostage to the Zionist plan that there is no room for two peoples in two states between the sea and the river, and rise above this illusion and accept the fact that there will not be peace unless there are two states for two peoples between the sea and the river? Can Netanyahu and the Israeli governing groups get over their double standard: It is kosher for Jews to come back from the Diaspora to Palestine two thousand years after they were “expelled” and establish Israel, but it is not kosher for the Palestinians who have lived for thousands of years in Palestine to establish a Palestinian state? Can Netanyahu and the Israeli governing groups go beyond the Zionism of expulsion and cleansing and look to a Zionism that accepts the other in Palestine as the other accepts it and live side by side in peace, security and prosperity? Finally, can Netanyahu and the Israeli governing groups get over the Goliath Masada complex and make Israel a beacon and a spiritual center enlightening the region? The jury is out and only time will tell. Unfortunately, time has not been a good friend of the people in this region.

Dr. Arne C. Seifert

**“UNION FOR THE MEDITERRANEAN” –
A ZONE OF DOUBLE SECURITY STANDARDS**

Since its foundation on July 13, 2008., the Union for the Mediterranean tries to play a new role of transforming the Mediterranean into a “zone of co-operation, common security and stability”. This aim can only be welcomed since for many centuries the southern and northern regions of the Mediterranean have been inextricably linked with each other, irrespective of their different civilisations, religions and cultures. Relations have also been through difficult historical periods, such as European colonial rule which ended for some members of the UfM less than a century ago and is still fresh in the memory of their societies. Therefore, it is of outstanding importance and in their fundamental interest that UfM- member states decided to make this region an area of common stability, peace and security, of cooperation, prosperity, democracy and democratic orientation.

Indeed, first positive steps with regard to specific projects, as de-pollution of the Mediterranean, maritime and land highways, alternative energies, like the mediterranean solar plan, higher education and research, and supporting business can be welcomed as well.

When the UfM was founded, there had been agreement, that this important aim can only be achieved if all member states join hands in striving together for equitable and common stability. However, hands can be joined

successfully only if common security is striven for on the basis of modern perception and conception of security which take into account that our world is confronted with new compulsions and requirements calling for a re-evaluation of the nature and the future of international security.

The old understanding of international security which is based on power and military abilities of major powers ran through a basic change. Security can be guaranteed not more alone through agreements between a handful of powers in the absence of others who are marginalised. The old separation of “center” and “periphery” can no longer define the security order of our present and future world any longer since even “peripheral areas” could be in a position to effectively challenge and resist the great powers.

Hence, it can be concluded from this changed situation that a modern understanding of security in the first place must emphasize cooperative and non-military security as well as disarmament, and that inter-state relationship must be completely democratic.

Accordingly, a zone of common stability as aspired for by the UfM can realistically be understood only as a zone without double standards and without a North-South divide in stability, security and principles guiding the kind of the behaviour of the states to each other. These three categories can be considered basic criteria for evaluating UfM’s endeavours in the field of political relations and security.

Analysing, from the point of view of those criteria, the intention of the UfM to create an “area of peace and stability in the Mediterranean”, including the long term possibility of establishing a Euro-Mediterranean pact to that end” a number of fundamental aspects are held unclear already in the foundation documents of the Union. Among those are of fundamental importance.

Lack of common principles

Greater groups of states differing from each other by their political systems, religions of their people, cultures and level of development can realistically not be brought into a common boat unless they have agreed on a common destination and a code of common conduct to be observed by all during their common sail. Unless those essentials are not agreed upon the aim of embarkation toward establishing a Euro-Mediterranean pact and even “integration” will remain either empty words or lead to conflict between crew and captain who in the open sea tries all of a sudden to “set governance on the basis of equal footing.” However, it can be assumed that for “governance on equal footing” neither Islam nor any “oriental” political systems are thought of as basis, but, the European system.

Referring to the so far unique experience of the foundation of the “Conference on Security and Cooperation in Europe” (CSCE), as an example for common agreement on common principles one can say that this organisation of states with even antagonistic political orientations could become only therefore a success story, because common principles were determined at its beginning in the “Final Act of Helsinki”, which all participants had to respect in the entire process of their cooperation. In this way CSCE participants could guarantee, that the CSCE process could be controlled as a boat with common principles, and standards, and rules of the International Law. In its founding declarations the "Barcelona Process: Union for the Mediterranean" even escapes the reference to the binding principles of the United Nations Charter. However, the principles laid down in the Helsinki process and the Conference of Security and Cooperation in Europe (CSCE) can be used as role

models for the UfM. The parallelism of circumstances of both institutes is quite obvious.

In other words the UfM so far lacks common principles guiding relations between its participating states.

North – South security divide or collective security?

Of no less relevance is the question of common principles and standards with regard to common security, disarmament and arms control.

Regional security, nuclear, chemical and biological non-proliferation, arms control and disarmament agreements, and regional arrangements such as weapons-free zones etc. are declared aims of the UfM and have to be welcomed without any reservation. However, the question to be asked is: are these aims shared by all states of the UfM, including all EU Member States which are members of NATO and the Transatlantic Alliance at the same time? Who defines the quality and quantities of “legitimate defence requirements”? Will all states of the UfM stand on a military level determined by the lowest possible levels of troops and weaponry, including NATO states, at the end of an armament limitation and disarmament process? Or do we have to do it with an initiative restricted to the Near and Middle East as the UfM suggests, namely, that “the parties shall pursue a mutually and effectively verifiable Middle East Zone free of weapons of mass destruction, nuclear, chemical and biological, and their delivery systems”?

There are no answers to these questions. However, one can not find a single reference to the principle that security is undividable and that the security of each state is fundamentally linked to the security of all, and a state’s security cannot be strengthened at the expense of the security of other states. If this principle is disregarded the currently prevailing North-

South security divide between Europe, NATO, the Transatlantic Alliance and its southern neighbours will continue keeping on existing uncertainties about the intentions of the other one. Thus, mutual confidence in the military and political fields will be jeopardized. It can prevail only under one condition: that security on both sides of the Mediterranean is indivisible and that common security principles should be formulated on the basis of common rather than individual security. Once that is established and outstanding political problems have been resolved, for example injustice to the Palestinian people, stability in the whole region will follow.

In other words, the UfM so far lacks the principle of indivisibility of security of Europe and the entire Mediterranean region as one zone of common stability and mutual trust.

The conflict dimension in the union

The Union's, and in particular its European member's, failure of preventing or immediately stopping the military action of UfM member Israel against Ghaza and Egypt's reaction of calling a freeze of all Mediterranean Union meetings a few weeks after its foundation indicate the difficulty and complexity of open questions in the Union, unresolved conflicts among a number of its member states as well as tensions in the Middle Eastern region.

While President Barack Obama of the USA in his historical speech in Cairo has outlined principles and means with which the US is seeking a new beginning in US relations with the Islamic world, the European UfM member's philosophy of confidence building by jointly implementing specific projects sidelines the urgent need of conflict resolution in the Near and Middle East and drawing a new perspective for their relations with the Islamic world.

However, the most productive way of confidence building would be a joint initiative of the UfM for an immediate action to ease tensions with the Arab and neighbouring Islamic regions.

Priority should be given to all endeavours for an immediate resolution of the Israeli-Palestine conflict since the permanent occupation of the Palestinian territories by Israel since the 1967 war is one of the main reasons for the constantly growing anti-Western public opinion in the Islamic world. The 'road map' as favoured by the UfM will only be an appropriate solution for the issue of Palestine and Israel's security, if it leads to the creation of a viable Palestinian state. With regard to resolving conflicts in the Arab Mediterranean region suggestions emanating from this region itself should given more effective support by the UfM.

In other words, unless practical conflict resolution is not given first priority, the UfM lacks guarantees that a real change in Arab-European relations is consistently striven for and can realistically be achieved.

Summing up: the Union for the Mediterranean in a number of important qualitative aspects still lacks integrative factors that could bring together its member states to work together for a common objective. Most deplorable is the lack of vision of a viable common perspective for Europe, the Mediterranean states and the Middle East as one zone of cooperation, peaceful coexistence, stability and security. Purposeful shape of such a perspective is urgently necessary since sidelining fundamental controversial topics in the political field jeopardizes dependability of relations as the crucial basis for a successful development and future of the Mediterranean Union. For the time being, a hasty, action-oriented philosophy overshadows qualitative aspects on the field of political relationships.

However, the conclusion has to be drawn that all the decision-making criteria – the geo-strategic stability of the European area and its southern neighbours, energy security, internal European stability and the acceptance and respect of the European Countries to the Muslim population and Islam, perceptions of security in southern neighbouring states, their renunciation of nuclear weapons, European neighbourhood policies in the Mediterranean, a difficult socio-political environment in the region – speak in favour of strengthening the UfM – and to call on UfM members who are not parties of NPT in order to accede the treaty.

Therefore, the Union should speed up confidence building in the field of political relations, conflict resolution and security.

The drafting of an outlook for a perspective of peaceful co-existence based on equal rights deserves particular attention. Only then can the negative ‘subject-object’ perceptions, which are widespread on the Arab and Islamic side, be successfully overcome. Otherwise, the UfM runs the risk of being interpreted as a tactical manoeuvre, and will not succeed in gradually overcoming historical burdens.

The outlook to be presented should consist of the following core areas: respecting the integrity of each other's civilisation; the acceptance of social and political differences; the right to self-determined development; security based on equal rights in a common area of stability.

These core areas do not imply any surrender of values or principles, but instead focus on building relations based on cooperation and peaceful coexistence. Also, security policy-wise, they do not mean any cuts in European security, because a European area of stability is not feasible without a stable North Africa, Near and Middle East and sound relations with it.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКЛАНОВ А.Г. – начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ, заместитель председателя Совета Ассоциации российских дипломатов.

ДЕМЧЕНКО Александр Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, профессор, вице-президент ЦСПИ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

КАРАСОВА Татьяна Анисимовна – кандидат исторических наук, профессор, зав. Отделом Израиля Института востоковедения РАН

НОСЕНКО Татьяна Всеволодовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

СЕМЕНЧЕНКО Нина Абрамовна – научный сотрудник Отдела Израиля Института востоковедения РАН

ЭПШТЕЙН Александр (Алек) Давидович – доктор философии, преподаватель Открытого университета Израиля, Еврейского университета в Иерусалиме и кафедры иудаики ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, эксперт Института Ближнего Востока

BROM Shlomo – старший исследователь Института национальной безопасности (Institute for National Security Studies), Израиль

NOUR Ayman Abdel – партнер-директор Specialized Media Services (SMS), Дубай

RAZ Mossi – бывший член Кнессета, глава исполкома партии «Мерец», член совета группы израильских экологических организаций, Израиль

SAMO Elias – профессор международных отношений Американского и Сирийского университетов (Professor of international relations at American and Syrian universities), Сирия

SEIFERT Arne Clemens – Посол в отставке, член правления Ассоциации мировой политики и международного права, советник Центра ОБСЕ Института исследования проблем мира и безопасности, ФРГ

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Руководители проекта:

Петер Линке
Виталий Наумкин

Научный редактор:
Ирина Звягельская

Редактор:
Татьяна Мастюгина

Подписано в печать 18.02.2010 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная № 1 Объем 12 уч. изд. л.
Тираж 500 экз. Тип. Зак. № 38
